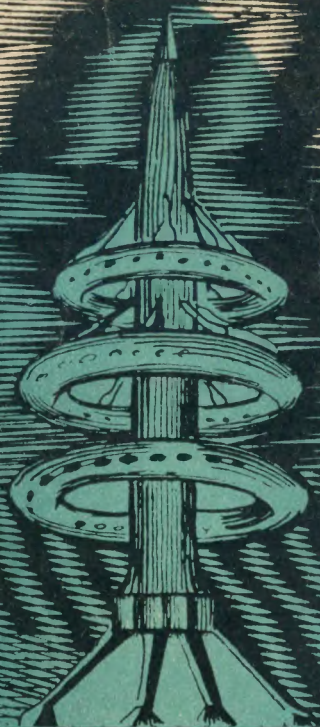

Станислав Лем

Станислав Лем

НЕПОБЕДИМЫЙ

КИБЕРИАДА

З
А
Р
У
Б
Е
Ж
Н
А
Я

Ф
А
Н
Т
А
С
Т
И
К
А

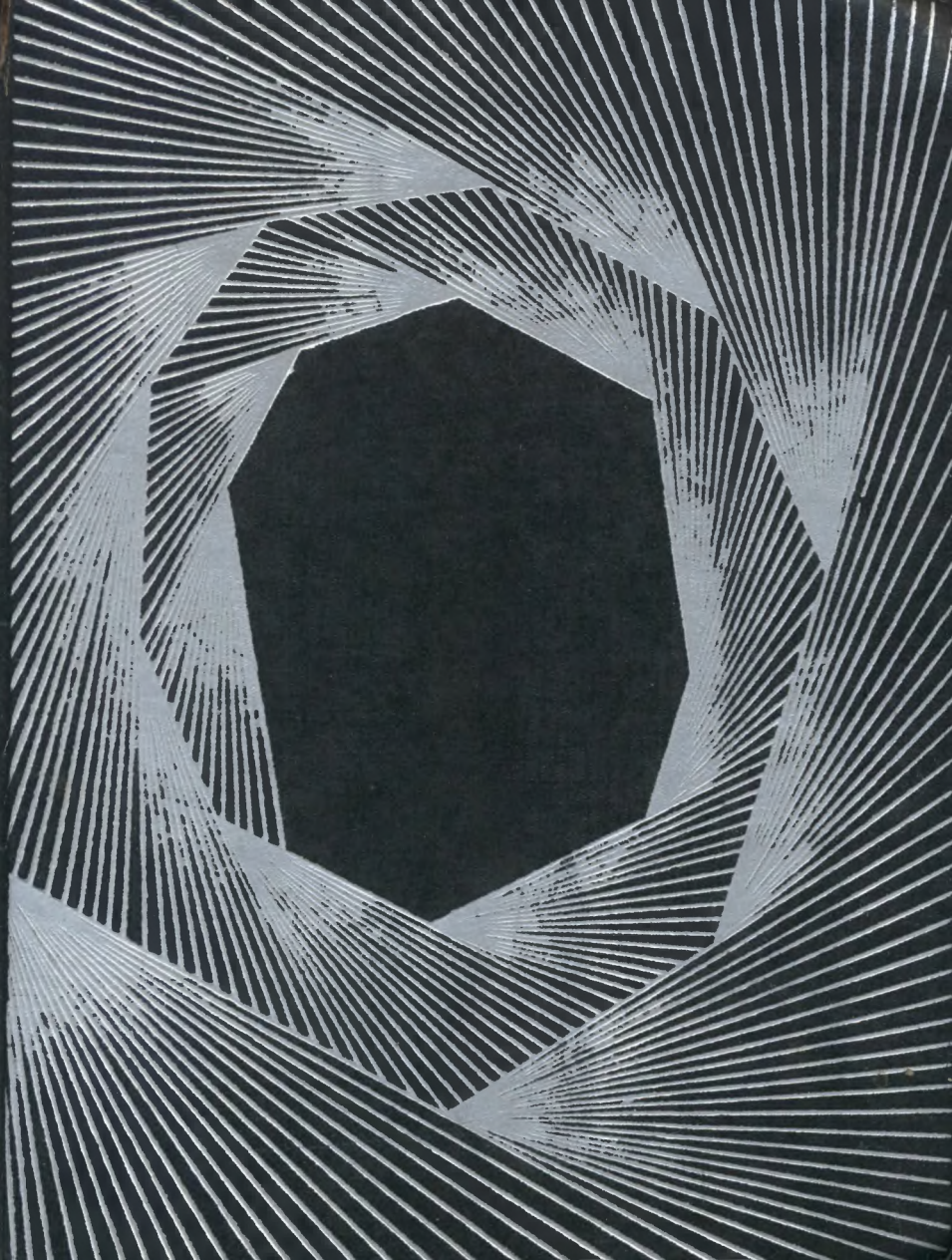
Имя польского писателя-фантаста Станислава Лема хорошо знакомо советскому читателю. Его романы: «Астронавты», «Магелланово облако», «Эдем», «Соларис», «Возвращение со звезд», сборники рассказов «Вторжение с Альдебарана», «Охота на Сэтавра» и другие произведения издавались на русском языке.

Станислава Лема увлекают также философские проблемы, которым посвящены его работы «Диалоги» и «Сумма технологий».

Издание последней книги на русском языке готовится нашим издательством.

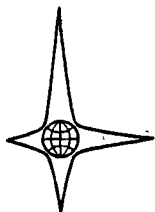

Станислав Лем

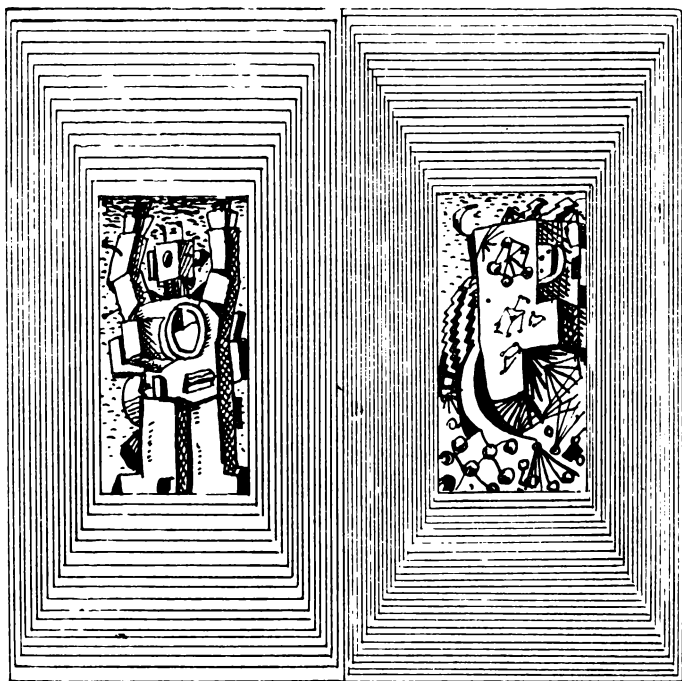

ИЗДАТЕЛЬСТВО

« М И Р »

Станислав Лем

НЕПОБЕДИМЫЙ

КИБЕРИАДА

Перевод с польского

ПРЕДИСЛОВИЕ Е. ПАРНОВА

ИЗДАТЕЛЬСТВО «МИР» МОСКВА 1967

---

*Редакция научно-фантастической
и научно-популярной литературы*

Станислав Лем

**Непобедимый.
Кибернада**

Редактор *А. Г. Белевцева*, художник *Ю. Л. Максимов*
Технический редактор *Т. А. Мирошина*

Сдано в производство 21/VI 1967 г. Подписано к печати 26/X 1967 г. Бумага
тип. № 2, $70 \times 108 \frac{1}{32} = 5,81$ бум. л. 16,28 усл. печ. л. Уч.-изд. л. 15,65.
Изд. № 12/4566. Цена 93 коп. Зак. 412. (Тем. план 1967 г. Изд.-во «Мир»,
пор. № 201)

Издательство «Мир»
Москва, 1-й Рижский пер., 2.

Ярославский полиграфкомбинат Главполиграфпрома Комитета по печати при
Совете Министров СССР. Ярославль, ул. Свободы, 97.

КОРОЛИ И КОНСТРУКТОРЫ

О произведениях человека, с которым знаком, писать всегда трудно. Личное общение мешает формированию собственного мнения. Никогда не можешь с уверенностью сказать, до чего ты действительно додумался сам, а что навеяно беседами с автором. А если этот автор Станислав Лем, то трудности возрастают по меньшей мере вдвое. Его вещи, как правило, многоплановы и далеки от однозначности. О нем написано много статей, в которых одни и те же произведения получают совершенно различную оценку. Читатели разных стран хорошо знают книги Лема: фантастические романы и повести «Астронавты», «Магелланово облако», «Соларис», «Возвращение со звезд», «Непобедимый», «Эдем», «Дневник, найденный в ванне», «Следствие»; циклы рассказов «Звездные дневники Ийона Тихого», «Воспоминания Ийона Тихого», «Сказки роботов»; сборники рассказов «Сезам», «Нашествие с Альдебарана», «Лунная ночь», «Охота»; остроумные телевизионные пьесы; сборник статей «Выход на орбиту»; философские работы «Диалоги», «Summa technologiae»; роман «Непотерянное время» о трагических событиях в оккупированной нацистами Польше; автобиографическая повесть «Высокий Замок».

Совершенно условно литературных героев Лема можно разделить на людей и роботов. Со времен чапековской пьесы «РУР», которая принесла в мир само слово «робот», наши «железные братья» стали завоевывать страницы книг. Интерес Лема к этой теме проявился еще в рассказе «Существуете ли вы, мистер Джонс?». Потом появилось не вошедшее в ранее изданный сборник «Звездных дневников» «Одиннадцатое путешествие Ийона Тихого», в котором говорится о Главном Калькуляторе,

взбунтовавшемся против людей. Он выбросил весь экипаж космолета и основал на необитаемой планете государство роботов, которых изготовил из обломков ракеты. Далее последовал сборник «Сказки роботов», породивший новых литературных героев — конструкторов Трурля и Клапауциуса (сказки «Как уцелела Вселенная», «Машина Трурля», «Крепкая взбучка»). Это истории трагикомических неудач, основанных на различных недостатках сконструированных машин.

Видимо, неунывающие конструкторы полюбились писателю. Не будь этого, он не посвятил бы им отдельную книжку — остроумную и забавную «Кибериаду». В этом новом цикле «кибернетических сказок» перед конструкторами открываются необъятные просторы метagalактики. Трурль и Клапауциус — роботы, и все, с кем они имеют дело, тоже роботы.

Но мы сразу же забываем об этом. Для нас они — люди, такие же, как Оловянный солдатик Андерсена, Слоненок Киплинга или Колобок. Сказка превращает в людей не только животных, но и любые неодушевленные предметы. На то она и сказка...

Никогда не унывающие конструкторы Трурль и Клапауциус бродят по Вселенной, как бродили в свое время веселые портняжки по миниатюрным княжествам и королевствам раздробленной феодальной Европы. Что ни планета, то опереточное государство с весьма условными, традиционно сказочными отношениями и гротескным монархом, который, как и положено в сказках, без промедления раскрывает свою злобную, коварную и самодурную сущность. Правда, лемовские короли оставили далеко позади своих фольклорных прародителей по части всевозможных атрибутов личного могущества. Еще бы! К их услугам весь арсенал чудес кибернетики и технической физики. Алебарды и булавы давным-давно отпра-

лены на переплавку. Телемеханика, ядерная техника, сверхсильные поля и стреляющие антиматерией мортиры — вот чем вооружена современная сказка. Метагалактические короли не нуждаются в услугах мерлинов. Роль волшебника взяла на себя наука. И это понятно. Даже самая причудливая фантазия все-таки является отражением жизни. И не беда, если зеркала немного кривы и прихотливо увеличивают или уменьшают предмет. У сказки свои законы. Ей органически присущ гротеск. Главное — в соразмерности пропорций. А она соблюдается. Под стать королевскому могуществу — знания и смекалка конструкторов. Недаром им «создавать или гасить звезды было все равно что семечки лузгать». А если присокупить сюда смекалку, увлеченность своим искусством и всегдашнюю готовность встать на защиту обиженного, то вероятность успеха возрастает до 0,99999... Поэтому и выходят победителями наши конструкторы из самых, казалось бы, безнадежных передраг. Но в сказке всегда побеждает добро. Уж так повелось с незапамятных времен, когда не знавшие письменности неандертальцы собирались помечтать вокруг ночных костров.

По традиции, доставшейся нам еще от классицизма, Лем наделяет своих королей весьма характерными именами, отражающими главнейшие свойства их интеллекта и излюбленные привычки. Первый, с кем вступают в единоборство конструкторы, — это король Безобразик. Он снискал себе особую славу тем, что в целях оздоровления экономики отменил все наказания, кроме высшей меры. Это мудрое государственное мероприятие подсказано прежде всего тем, что король «скряга прямо-таки космический». Но к тому же ведь он еще и Безобразик! Таким образом, «королевские параметры» задаются заранее как своего рода граничные условия. Зато Трурль и Клапауциус демонстрируют нам по ходу решения той или иной

задачи широчайшую гамму самых удивительных свойств. Их «параметры» текучи и функциональны. (Как видите, даже разговор о «Кибериаде» требует своего математизированного языка.) Но дело, конечно, не в этом. «Сказка — ложь, да в ней намек»... И воистину Безобразик заставляет задуматься об иных, отнюдь не опереточных корнях.

Настоящее — лишь точка на оси времени, скользящая от прошлого к будущему. Завтра всегда отрицает сегодня, но оно бы никогда не наступило, если бы люди забыли о том, что случилось вчера.

Свыше двух тысяч лет назад жил в Китае правитель по имени Цинь Ши-хуанди. «Ди» означает «великий», «царственный». Он хотел видеть свое государство «монолитным и непобедимым». Сомнения были чужды ему, а люди, которых разьедало сомнение, — ненавистны. Цель для него оправдывала все средства, а средства казались проверенными и достаточно радикальными. Он велел сжечь все книги, кроме гадательных, и на всякий случай сохранить труды по военному делу и сельскому хозяйству. А чтобы сгоревшие тексты не стали известны в устной передаче, всех грамотеев перетопили в нужниках. Благо их всего-то было несколько сотен. Свершив таким образом «культурную революцию», Цинь приступил к возведению Великой китайской стены, которая должна была оградить государство и от чужих армий, и от чужих идей. Он не любил и не хотел никаких сложностей. За доносительство казнил, доносчиков награждал и повышал по службе. Никто не протестовал, дисциплина была образцовой, а управление предельно простым.

Один умный человек сказал, что «это великолепное государство обладало только одним недостатком: жить в нем было нельзя».

Даже самому Циню пришлось расплачиваться за

свою решительность и прямоту. Его поразила мания преследования — профессиональная болезнь тиранов...

Безобразик, как и Цинь, больше всего на свете любил простоту. Именно ту простоту, о которой говорят, что она хуже воровства. Намного хуже. Во имя этой простоты он отменил все искусства, кроме коллективной декламации, игры в шахматы и военной гимнастики. Более того, в отличие от Циня Безобразик даже сумел регламентировать постоянно растущее число доносов. Для особо активных доносчиков он ввел «налог на роскошь», чем и удерживал сей род деятельности в «разумных пределах».

Сосед и супротивник Безобразика король Мегерик — монарх совершенно иного склада. Он удивительно напоминает президента Лосаду из «Короли и капуста» О'Генри. Очевидно, не вмешайся наши конструкторы, он тоже так бы потрянул свое несчастное отечество, что с него бы «чуть не слетели цепи лени и невежества». Впрочем, весельчаку Мегерику не до того. Он рвется на войну. И тут кончаются любые исторические или литературные реминисценции. Лем дает полный простор удивительному юмору и поразительной находчивости конструкторов. Читатель сам узнает, как Клапауциус и Трурль предотвратили кровопролитную бойню и одурачили королей, как достигли того, что один саперный батальон дошел до абсолютного солипсизма и заявил, что, кроме него, ничто реально не существует, а план неприятельской крепости оказался выполненным в абстрактном духе, совершенно противоречащем армейской традиции.

Но конструкторы не только носятся по космосу в погоне за приключениями, не чужды им, говоря научным языком, и поисковые темы. Когда им удастся набрести на что-нибудь действительно стоящее, автор сам не выпускает их из лаборатории. Так случилось и тогда, когда Трурль замыслил создать Электрибальда — поэта на

молекулярном уровне. Ставший традиционным спор о том, может ли машина заниматься художественным творчеством, дал жизнь очередной сказке «Кибериады». Сама по себе задача представлялась Трурлю довольно простой. Нужно было лишь начинить новорожденный кибер всей накопленной предшествующими цивилизациями информацией. Сказано — сделано. Недаром ведь «скоро сказка сказывается». И вот Электрибальд заговорил стихами. Господи, какую чушь он понес! Но чушь ли? Может быть, стоит прислушаться к ней, попытаться найти скрытый смысл. И в самом деле! Оказывается, Электрибальд повторяет эволюцию наимоднейших течений поэзии!

Сначала это косноязычный бред, футуристическое расчленение образа, смещение и теряющая смысл инверсия, потом откровенная заумь и непереводаемый на человеческий язык летризм. Но Трурль не унывает. Он продолжает совершенствовать свое детище, снабжая его всевозможными ограничителями, реле и сложнейшими ассоциативными блоками. Поэтическая роль становится плавнее, членораздельней, и Электрибальд пускается в формалистические изыскания. Его прямо распирает от изысканных аллитераций. «К кухне королевы крадется Киберон!» Разве это не напоминает «чуждый чарам черный челн»? Но совершенству, как известно, нет предела. Новые обратные связи — и в «творчестве» Электрибальда появляются характерные черты электро- и радиопозии. «Где, антиобраз, ты?» Вселенную захлестывает поток кибернетических поэм. Общение с поэтами-авангардистами вплетает в этот поток струи, делающие стихи Электрибальда «туманными, многозначительными, турнистическими, магическими» и приводящими «в совершенное оупение». Не это ли делает «поэта» кумиром «толпы»? Модным любимцем, заставляющим визжать от восторга и умиления? Электрибальд по праву пожинал

лавры успеха. Он превзошел всех, даже дважды лауреата государственной премии, бюст которого установлен в городском парке. Только графоманы могли выйти с честью из соревнования с ним. Но на то они и графоманы.

Трурль больше не берется за моделирование творческих процессов. Это, возможно, и правильно. Но только ли в этом смысл «Путешествия первого А»? Может быть, стоит перечитать его, если кому-то очередной поэтический светлячок покажется на фоне звездного неба звездой первой величины.

И все же «делу — время, потехе — час». Возня в лаборатории — «потеха» конструкторов, «дело» их — единоборство с королями. Вот почему после короткого и не очень удачного отдыха наши мастера попадают во владения его величества Жестокуса — страстного и самозабвенного охотника на всевозможных «зверей галактических». Правда, в охотничьих угодьях Жестокуса произошло то, что в наше время случилось в некоторых лесах и саваннах. Жестокус перебил все, что только возможно. Ему осталось одно: заставлять конструкторов создавать новых хищников, с которыми бы стоило померяться силами, — решение в данных обстоятельствах вполне разумное. Благо стража, «нанося удары прикладами лазеров и мазеров», может заставить сделать все что угодно. Тем более Жестокус, согласно той же изустной традиции, не оставлял попавшим в его лапы конструкторам никакого выхода. Не угодили — казнил, угодили — тоже казнил. Недаром Трурлю и Клапауциусу пришлось порядком поломать головы, чтобы решить классическую дилемму: «направо пойдешь — смерть найдешь, налево пойдешь — головы не снесешь». И не мудрено, что им приходилось даже прибегать к самому страшному кибернетическому проклятию: «Черный ящик меня разрази!» Тем более что это вроде бы помогало.

Любопытно проследить за тем, как меняется язык повествования при переходе от описания королей к рассказу о будничной инженерной деятельности конструкторов. Словно в театре повернули сцену. Сказка кончилась. Откровенная ирония сменилась мягким юмором. Язык персонажей театра Гоцци и славянских былин незаметно превратился в знакомый жаргон современных научных работников, прекрасно эрудированных, легко жонглирующих самой сложной терминологией и понимающих друг друга с полуслова. Магия уступает свое место тензорному исчислению и матричному анализу. Это заклинания на базе экспонент и вириалов, чудеса, основанные на соотношении неопределенностей. И ритуал уравнений дает не меньший эффект, чем, скажем, трение волшебной лампы или пентакли, инвольтование, наговор. Во всяком случае, Трурль и Клапауциус создают все, чего только пожелают. Волхвам, джинам и колдунам остается только кусать ногти от зависти. И при этом никакого касательства к трансцендентности. Математика, физика, кибернетика — ничего особенного.

И, как мы видим, они прекраснейшим образом одурачивают и этого короля, несмотря на его лазерные пищали, своры киборзов и кибернаров.

Рассказ «Вероятностные драконы» перебрасывает нас в мир статистики, вероятностный мир квантов. Это «Алиса в Зазеркалье» второй половины двадцатого века. Наметившиеся во «Втором путешествии» тенденции «математической магии» перестают здесь играть служебную роль. Уже не нужны передаточные мостики от чуда математического закона к чуду сказочного воплощения. Сложная функциональная зависимость упрощается почти до тождества. «Магия микромира» сливается с магией фольклора, физическая терминология срастается со сказочной. В полном соответствии с традицией конструкторо-

ры заняты поисками дракона, терроризирующего целую страну. Конечно, король обещал одарить их сокровищами и, конечно, не выполнил своего обещания. Так что внешняя канва известной всем сказки соблюдается. Но это именно канва, на которой вышит причудливый и странный узор уравнений с волновой функцией. Слишком уж поиски дракона напоминают драматические поиски новых элементарных частиц! Лем приводит читателя во «чисто поле» и к пузырьковой камере мощного ускорителя одновременно. Нет, его, конечно, не интересует познавательная сторона! Он не ставит себе задачи популяризировать ядерную физику. Просто для современной сказки нужны свои особые изобразительные средства. Так и получаются всевозможные гибриды, вроде «счетчика драконов», «слабых змеевзаимодействий», «дифракции и рассеяния драконов», «жестких горынычей» и «полосатых спектров василиска». Странные гибриды! Но ведь и само слово «странность» давно стало полноправным физическим параметром. И нечего удивляться тому, что подстреленный Клапауциусом дракон ведет себя «странно». Первые гипероны тоже вели себя странно, почему и пришлось назвать их странными частицами. Лем щедро платит дань современности. Сказочная традиция требует, чтобы вероломный король не сдержал своего обещания раскрыть перед победителями дракона сокровищницу. Тут уж ничего не поделаешь. Но почему бы не сделать из этого короля тривиального бюрократа? Вот и получается, что царь не просто отказывается платить, а настаивает на созыве всевозможных комиссий, обмере туши, «не знает», по какому фонду провести платеж. Так, собственно, и создается смешная ситуация, соединение несоединимого порождает юмор.

Иногда нарочитая сатирическая заостренность «Кибернады» позволяет провести некоторые аналогии с «Ис-

торней одного города» Щедрина. Конечно, лемовские короли не щедринские градоначальники. И цели и средства здесь довольно разные. И все же... Возьмем, к примеру, короля Балериона («Путешествие пятое»). Сей государь не жестокостью досаждал своим подданным, а пристрастием к увеселениям. Щедринский администратор к водке питал не то чтобы пристрастие, а «даже некоторое остервенение». Впрочем, Балерион пагубного зелья в рот не берет, его забавы носят вроде бы невинный, детский характер. Он любит горелки, чижик, палочку-выручалочку и, конечно, прятки. Последние — его страсть, мания. Чаще всего он затевает эту игру, когда его ждут неотложные государственные дела. Вполне понятно, что от наших конструкторов Балерион требует «идеального укрытия». Таковы уж условия игры в прятки: тот, кто прячется, хочет, чтобы его не могли отыскать. И вновь включается в работу «рациональное волшебство». Конструкторы создают миниатюрный суперприбор, конечно, с обратной связью, с помощью которого король может прятать свою индивидуальность в чужих телесных оболочках. Оригинально, остроумно, неожиданно, но все это тоже не самоцель. Главное — в развязке. Суетливый король должен обрести тихую пристань, его головокружительное скакание по чужим телам должно рано или поздно закончиться. Где? В телесной оболочке полицейского? Что ж, такова истинная сущность тирана, независимо от того, любит ли он играть в прятки или собирать цветочки. Но и это было лишь промежуточной ступенью к полному совершенству. Покой Балерион обрел в... кукушке огромных часов.

Лем часто обращается к неоценимому опыту великих сатириков прошлого. Недаром его Ийон Тихий получил прозвище «современного Мюнхгаузена». Щедрин, Свифт, Раблэ — все они в той или иной мере оставили свой след

в «Кибериаде». Даже непобедимый Пантагрюэль и хитроумный Панург вынуждены были спастись бегством от пушистых котов, олицетворяющих сутяжничество. Трурль, безусловно, учел это («Консультация Трурля»). Иначе не победить ему всемогущее Нечто, для которого взрывы сверхтермоядерных бомб — что укус мухи. Пропали бы, сгинули сталеглазые без Трурля, не вовлеки он Невыразимое страшилище в бесконечный бумажный конвейер со всеми его входящими и исходящими. Оно ничего не страшилось, ничто не брало Его. Но «как Оно приняло первую бумажку, расписалось в книге, так уж и влипло». Смешные стороны рассказа «Консультация Трурля» усугубляются необычной формой. Это своего рода рифмованная притча, почти раешник, где примитивные, аperiодически встречающиеся глагольные рифмы и усиливают повествовательный эффект, и создают стилизацию «под старину».

«Слава тем и отличается,— говорится в грустной новелле «О том, как Трурля собственное совершенство к беде привело»,— что обычно молчит о поражениях, даже если они порождены высочайшим совершенством. А кто в этом усомнится, пускай припомнит последнюю из семи экспедиций Трурля». И правда, в этой экспедиции славный конструктор потерпел поражение. И не потому, что чего-то не сумел (такого с Трурлем не бывает), а единственно по причине своего доброго железного сердца. Пожалел он платиново-иридиевое величество Экзилья Тартарейского, сосланного на одинокий астероид. Нельзя жалеть королей. Впервые конструктор решил помочь тирану и тут же дал маху! Этот грустный эпизод, скорее научно-фантастическая новелла, чем сказка, окрашивает «Кибериаду» совершенно новыми для нее эмоциональными оттенками.

Нет, не игрушку для утешения свергнутого монарха

построил Трурль, не миниатюрное механическое королевство. «Безупречность нашего мастерства — это наше проклятие, которое отягощает непредвиденными последствиями любое наше создание,— говорит ему Клапауциус.— Неумелый подражатель, возжаждав пыток, сделал бы себе бесформенного идола из дерева и воска и, придав ему некоторое сходство с разумным существом, издевался бы над ним суррогатно и неестественно. Но подумай, к чему ведет дальнейшее совершенствование этого замысла! Представь себе, что другой сделает куклу с граммофоном в животе, чтобы она стонала под ударами, представь себе куклу, которая, если ее бить, будет молить о пощаде, куклу, которая станет гомеостатом; представь себе куклу, плачущую, истекающую кровью, куклу, которая боится смерти, хоть и прельщает ее ни с чем не сравнимое спокойствие смерти! Неужели ты не видишь, как мастерство подражателя приводит к тому, что видимость становится истиной, а подделка — действительностью? Ты отдал жестокому тирану в вечное владение неисчислимые массы существ, способных страдать, а значит, совершил позорный поступок...»

Так из сказки выкристаллизовывается крупнейшая этическая проблема. Лем-юморист вдруг вновь превращается в автора «Соларис» и «Воспоминаний Ийона Тихого», достигая в этом монологе истинно трагической возвышенности. Иногда кажется, что устами Клапауциуса говорит шекспировский Шейлок.

Но этот рассказ не типичен для веселой, полной забавных нелепостей и приключений «Кибериады». Зато «Путешествие шестое, или как Трурль и Клапауциус Демона Второго Рода создали, дабы разбойника Мордона одолеть» — «настоящая» физическая сказка. Старая сказка на новый лад. Правда, разбойник — не король, но какая, в сущности, разница: король или разбойник?

В руки наших славных конструкторов случайно попадает пожелтевшая от времени книга. Выдержки из книги стилизованы Лемом под псевдорыцарские сказания о разных Галахадах и Амадисах Гальских. Не обошлось, конечно, и без изрядной дозы «звездной пыли». Но, право, какая нам разница, живет ли разбойник на высоченном утесе или же в «замке, в черной гравитации вознесенном»? Понятно, что сей путеводитель составлен не для странствующих нищих монахов или рыцарей, а для бесшабашных звездoproходцев. Именно для «звездoproходцев», а не звездолетчиков или астронавтов. У стилизации тоже есть свои неписанные законы. Стилизация—это моделирование систем, перенесение качества при строгом соблюдении масштабов. Недаром тоннель сквозь звезду — красный гигант Бетельгейзе — именуется у Лема на арабский манер Бет-эль-Гейзским. Таким каналом может «идти» именно «звездoproходец»! Очень уж похоже на Баб-эль-Мандебский пролив, которым следовал славный Синдбад-Мореход.

Зато для сметливого разбойника Мордона Лем находит совершенно иные языковые краски. Ведь это современный, вернее, сверхсовременный грабитель, а не какой-нибудь алжирский корсар или Соловей-разбойник.

«Я разбойник с дипломом и образованием, а по натуре очень нервный»,— разъясняет Мордон, который одинаково свободно владеет и былинным речевым строем и слэнгом черного рынка послевоенных годов. Ему и нельзя иначе. Ведь грабит-то он не золото-серебро, а научную информацию—самое ценное сокровище нашего века, ставшее неотделимым от того, что принято называть производительными силами.

Конструкторы с блеском провели хитрого и недоверчивого Мордона. По аналогии с максвелловским демо-

ном первого рода, имеющим дело с молекулами, они создали информационного демона. Создали своего рода вечный двигатель информации, которая захлестнула разбойника.

Некоторые ученые высказывают опасение, что человечеству грозит примерно такая же участь. Более того, они полагают, что гибель от переизбытка информации — естественный конец всякой цивилизации. Не беремся спорить. Всякая экстраполяция на будущее молчаливо основывается на сегодняшнем дне, поскольку не может предвидеть сущности нового качества. Так что будем надеяться на новое качество, которое неизбежно появится, таковы уж законы диалектики, и поможет справиться с бедой.

Рассказы Лема несут много битов новой неожиданной информации. В отличие от пессимистически настроенных предсказателей не будем думать о том, что эти биты приближают день информационного кризиса. А потому без тревоги, а, напротив, с любопытством и радостью перейдем к повести «Непобедимый». Она хорошо знакома советскому читателю, поскольку печаталась в журнале «Звезда» и ленинградском альманахе «В мире фантастики и приключений». Именно поэтому нет смысла подробно останавливаться на ее характеристике. Тем более что «Непобедимый» представляет собой традиционное произведение научной фантастики. Вот что сам Лем пишет в коротком предисловии к журнальной публикации повести:

«Можно, например, считать «Непобедимый» повестью о космических приключениях, полной таинственных опасностей и стрельбы. И это будет в какой-то степени правдой. Можно также считать ее попыткой показать отдаленные этапы исследования Вселенной, когда человек, располагающий могучей техникой, будет познавать раз-

личные таинственные явления. Либо даже моделью — в понимании теории информации — стратегического поведения перед лицом явления, до сих пор исторически непознанного, в частности стратегической игры, в которой само понятие «противника» подвергается постепенному изменению, что в свою очередь вызывает изменение применяемой человеком стратегии. Чтобы создать такую «модель», я пользовался, кроме всего прочего, некоторыми наиболее общими, а значит, пожалуй, наиболее важными выводами из теории эволюции (в ее кибернетической интерпретации).

Все это, повторяю, правда, но если бы это было правдой исключительной, полной, «Непобедимый» представлял бы собой что-то вроде развернутой научной фантазии — фантазии, а не фантастической повести. Мне же хочется думать, что это литературно-художественное произведение, то есть такое, в котором на самом деле речь идет прежде всего о человеке, а в данном случае — о стремлении доказать (но уже средствами художественной литературы, а не науки), что, какими бы могущественными ни были применяемые человеком технические средства, не исключено возникновение ситуации, когда вся эта атомно-кибернетическая техника может оказаться недостаточной и человеку придется самому стать лицом к лицу с явлением, против которого его автоматы и машины будут бессильны. Сначала испытанию подвергнется автоматическая техника, а после ее поражения — творец этой техники, который выйдет из схватки непобежденным, и одно это будет значить многое. И тогда не гигантскому космическому кораблю, а безоружному человеку будет принадлежать имя, которое одновременно является названием повести».

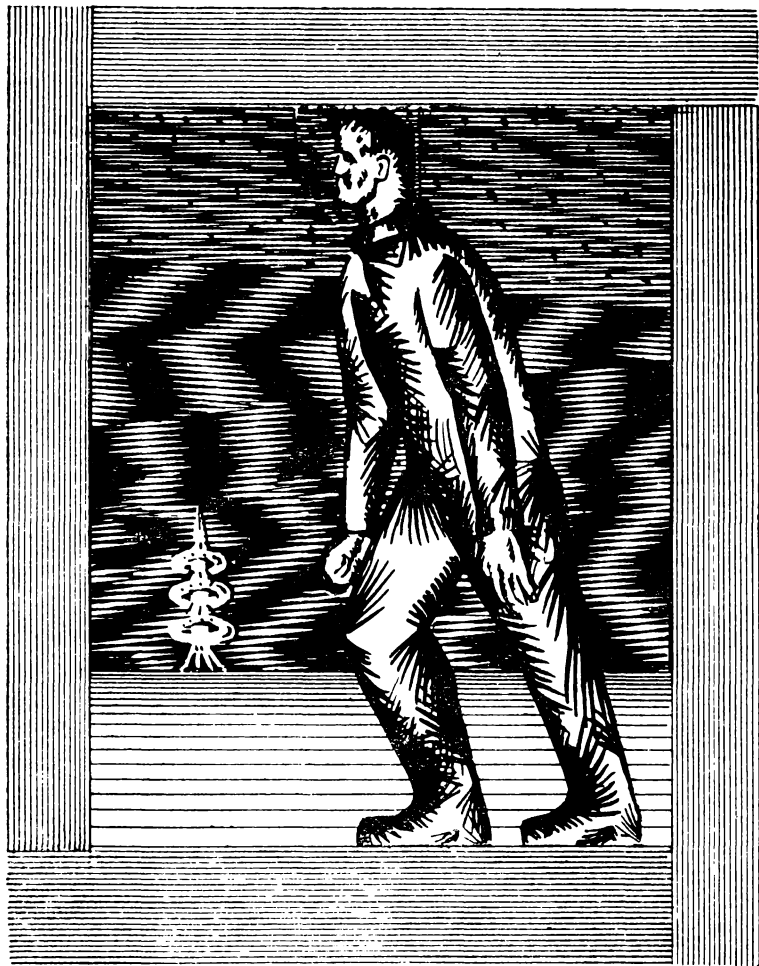
Именно безоружный человек стоит в центре внимания

польского писателя. Непобедимый безоружный человек светлого мира без войн и угнетения. Человек, который уже сегодня строит этот светлый мир, друг, современник.

«В конечном счете я пишу для современников о современных проблемах, только надеваю на них галактические одежды»,— сказал однажды Станислав Лем.

О современниках и для современников...

Еремей Парнов

НЕПОБЕДИМЫЙ

Черный дождь

«Непобедимый», крейсер второго класса, самая крупная единица, которой располагала база в созвездии Лиры, шел на фотонной тяге через крайний квадрант созвездия. Восемьдесят три человека, составлявшие команду корабля, спали в тоннельном гибернаторе центральной палубы. Рейс был относительно недолгим, поэтому вместо полной гибернации применили углубленный сон, при котором температура тела не падает ниже десяти градусов.

В рулевой работали только автоматы. В их поле зрения, на крестовине визира, лежал диск солнца, которое было немногим горячее обычного красного карлика. Когда диск этот занял половину экрана, аннигиляционная реакция была приостановлена. Некоторое время на всем корабле стояла мертвая тишина. Беззвучно работали климатизаторы и цифровые машины. Прекратилась тончайшая вибрация, сопутствующая эмиссии светового столба, который ранее вырывался из кормы и, как бесконечно длинная шпага пронзая мрак, отдачей двигал корабль. «Непобедимый» шел все на той же субсветовой скорости, инертный, глухой, кажущийся пустым.

Потом начали перемигиваться огоньки на пультах, облитых румянцем далекого солнца, пылающего на центральном экране. Ферромагнитные ленты двинулись, программы медленно вползали в недра одного устройства за другим, переключатели высекали искры, и ток устремлялся по проводам с гудением, которого никто не слышал. Электромоторы включались и, преодолевая сопротивление давным-давно застывшей смазки, с басовых нот переходили на пронзительный стон. Матовые кадмиевые стержни выдвигались из вспомогательных реакторов, магнитные помпы нагнетали жидкий натрий в змеевики

охлаждения, по листовому металлу кормовых палуб пошла дрожь, а тихое, царапающее шуршанье внутри стен — будто там носились целые стада крохотных зверьков и постукивали коготками о металл — означало, что подвижные шупы автоматического ремонта уже начали свой путь длиною в километры, чтобы контролировать каждое скрепление балок, герметичность корпуса, надежность металлических стыков. Весь корабль, пробуждаясь, наполнялся звуками и движением, и лишь его команда еще спала.

Но вот очередной автомат, поглотив свою ленту с программой, послал сигналы центральному управлению гибернатора. В холодный ветерок, гулявший внутри гибернатора, примешался пробуждающий газ, выходя из решеток в полу. Меж рядами коек повеяло теплом. Однако люди долго еще как бы не хотели просыпаться. Некоторые бессильно пошевеливали руками; пустоту их ледящего сна наполняли кошмары и бред. Наконец кто-то первым открыл глаза. Корабль уже подготовился к этому. Несколько минут назад темнота в длинных палубных коридорах и в шахтах подъемников, в «каютах» и рулевой рубке, в барокамерах и на рабочих местах сменилась белым сиянием искусственного дня. И пока в гибернаторе слышались вздохи и полубессознательные стоны, корабль, словно не в силах дожидаться, пока очнутся люди, начал предварительный маневр торможения. На центральном экране возникли полосы огня из носовой части. В безжизненное субсветовое движение вторгся толчок: мощная сила, направленная через носовые отражатели, пыталась сплющить восемнадцать тысяч тонн массы покоя «Непобедимого», помноженные на его громадную скорость. В картографических каютах плотно упакованные карты тревожно задрожали на роликах. Там и сям двигались, словно оживая, слабо закрепленные

предметы; в камбузах загремела, сталкиваясь, посуда, закачались спинки пустых кресел из пенопласта, заколыхались настенные ремни и тросы на палубах. Сталкивались, ударялись друг о друга стекло, металл, пластики; звуки эти смешались и волной прошли через всю ракету от носа до кормы. Тем временем из гибернатора уже слышались голоса; из небытия, длившегося семь месяцев, люди вернулись к жизни через краткий сон.

Корабль терял скорость. Планета, вся в рыжей шерсти туч, закрыла звезды. Выпуклое зеркало океана с отраженным в нем солнцем все медленней передвигалось по экрану. В поле зрения вливал бурый, испещренный кратерами материк. Глубоко внизу, в титановом нутре двигателя, нарастал приглушенный рев. Туча, попавшая в струю выхлопа, ртутно засеребрилась, распалась и исчезла. Рыжеватый выпуклый диск все заметней расплывался: вместо планеты возникал материк. Уже виднелись серповидные дюны, движущиеся под ветром; лавовые потоки, расходящиеся, как спицы колеса, от ближайшего кратера, вспыхнули, отражая пламя ракетных дюз, более яркое, чем здешнее солнце.

— Полная мощность на оси! Статическая тяга.

Стрелки лениво передвинулись в следующий сектор шкалы. Маневр прошел безукоризненно. Корабль, словно опрокинутый вулкан, извергающий пламя, повис на высоте полумили над рябой равниной со скалистыми грядами, тонущими в песках.

— Полная мощность на оси! Уменьшить статическую тягу.

Уже видно было, как пламя выхлопа, вертикально падающее вниз, ударяется о почву. Там взметнулась огненная песчаная буря. Из кормы вылетали фиолетовые молнии, казавшиеся беззвучными, потому что их грохот заглушался ревом выхлопных газов. Разность потенциа-

лов выровнялась, молнии исчезли. Какая-то переборка расстоналась; командир кивком показал на нее инженеру: резонирует, надо это устранить. Но никто не сказал ни слова, двигатели выли, корабль опускался, теперь уже без малейшей вибрации, как стальная гора, висящая на невидимых тросах.

— Половину мощности на оси! Малая статическая тяга.

Концентрическими кругами разбегались во все стороны дымящиеся песчаные волны, словно валы настоящего моря. Эпицентр, в который ветвистое пламя дюз било с небольшой уже высоты, больше не дымился. Песок там превратился в багровые пузыри, в кипящее озеро расплавленного кремнезема, а потом испарился. Обнаженный, как кость, старый базальт планеты начал размягчаться.

— Реакторы на холостой ход! Холодная тяга.

Голубой атомный огонь угас. Из дюз хлынули косые бороводородные лучи, и мгновенно пустыню, скалистые стены кратеров и тучи над ними залил призрачный зеленый свет. Базальтовая площадка, на которую должна была опуститься широкая корма «Непобедимого», больше не грозила расплавиться.

— Реакторы — ноль! На холодной тяге на посадку.

Все сердца забились живей, глаза устремились к приборам, рукоятки стали влажными в судорожно стиснутых пальцах. Эти традиционные слова означали, что ворота уже нет, что ноги станут на настоящую почву — пусть даже на песок пустынной планеты, но там будет восход и заход солнца, и горизонт, и тучи, и ветер.

— Посадка в точке надира.

Корабль наполнился протяжным стоном турбин, нагнетающих горючее вниз. Зеленый конусообразный столб

огня соединил его с дымящейся скалой. Со всех сторон взвились тучи песка, ослепили перископ центральной палубы, только в рулевой рубке на экранах радаров все так же возникали и гасли, повинувшись водящему лучу, очертания ландшафта, тонущего в хаосе тайфуна.

— Стоп при стыке!

Пламя мятежно клокотало под кормой, миллиметр за миллиметром придавливала его оседающая туша ракеты, зеленый ад стрелял длинными брызгами в глубь колеблющихся песчаных туч. Между кормой и опаленным базальтом скалы зияла уже лишь узкая расщелина, полоска зеленого полыхания.

— Ноль — ноль. Все двигатели стоп!

Звонящий удар. Один-единственный, словно лопнуло исполинское сердце. Ракета остановилась. Главный инженер держал руки на двух рукоятках аварийного отката: скала могла не выдержать. Все ждали. Стрелки секундомеров продолжали свое скачущее насекомоподобное движение. Командир с минуту смотрел на указатель вертикали: его серебристый огонек ни на йоту не отклонялся от красного нуля. Команда молчала. Разогретые до вишневого накала дюзы начинали сжиматься, издавая характерные звуки, похожие на хрипящие стоны. Красноватая туча, взвившаяся на сотни метров, оседала. Из нее возникла тупая верхушка «Непобедимого», его корпус, опаленный трением об атмосферу и потому похожий цветом на древние скалы, его шершавая двойная броня; рыжая пыль все еще клубилась и вилась у кормы, но сам корабль уже прочно замер, будто стал частью планеты, и теперь вращался вместе с ней неторопливым, испокон веков длящимся вращением под фиолетовым небом, на котором виднелись яркие звезды, исчезавшие лишь вблизи красного солнца.

— Процедура нормальная?

Астрогатор выпрямился над бортовым журналом, куда он вписал посреди страницы условный посадочный знак и время посадки, а в боковой рубрике проставил название планеты: «Регис III».

— Нет, Роган. Начнем с третьей степени.

Роган старался не высказать изумления.

— Есть. Хотя...— добавил он с фамильярностью, которую Горпах порой ему разрешал, — не желал бы я быть тем, кто сообщит это команде.

Астрогатор, будто не слыша этих слов, обнял Рогана за плечи и подвел к экрану, словно к окну. Песок, отброшенный выхлопами при посадке, образовал нечто вроде неглубокой котловины, окруженной сыпучими дюнами. С высоты восемнадцати этажей смотрели они сквозь трехцветную плоскость электронных импульсов, воссоздающую точный образ мира за стенами ракеты, на скалистую зубчатую стену кратера, находившегося в трех милях отсюда. На западе ее поглощал горизонт; на востоке под ее обрывами скопились черные непроглядные тени. Широкие лавовые потоки, проступавшие из-под песка, были цвета застывшей крови. Одинокая яркая звезда пылала в небе, у верхнего края экрана. Катаклизм, вызванный сошествием с небес «Непобедимого», миновал, и вихрь пустыни, стремительный поток воздуха, вечно мчащийся от экватора к полюсу планеты, уже вдавливал первые песчаные языки под корму корабля, словно стараясь терпеливо залечить рану, нанесенную выхлопным огнем. Астрогатор включил сеть наружных микрофонов, и злобный отдаленный вой вместе с шуршаньем песка, трущегося о броню, на миг наполнил высокую просторную рубку. Потом Горпах выключил микрофоны, и настала тишина.

— Так это выглядит,— медленно проговорил он.— Но «Кондор» отсюда не вернулся, Роган.

Роган стиснул зубы. Он не мог препираться с командиром. Налетали они вместе немало парсеков, но дружба у них не завязалась. Может, сказывалась большая разница в возрасте. Или пережитые вместе опасности были невелики. До чего же беспощаден этот человек с волосами почти такими же белыми, как его одежда! Без малого сотня людей неподвижно стоит на своих местах, окончив напряженную работу — сближение, триста часов торможения накопленной в каждом атоме «Непобедимого» кинетической энергии, выход на орбиту, посадка. Почти сто человек, целые месяцы не слыжавших шума ветра и научившихся ненавидеть пустоту так, как может ненавидеть ее лишь тот, кто знает, что это такое. Но командир об этом, наверно, не думает...

Горпах медленно пересек рулевую рубку и, опершись рукой о спинку кресла, пробормотал:

— Мы не знаем, что это такое, Роган.

И вдруг резко спросил:

— Чего вы еще ждете?

Роган быстро подошел к распределительным пультам, включил внутреннюю проводку и голосом, в котором еще дрожало подавленное возмущение, отрывисто заговорил:

— Все отсеки, внимание! Посадка завершена. Наземная процедура третьей степени. Восьмой отсек: готовить энергоботы. Девятый отсек: батареи экранировки — на запуск. Техники прикрытия — на посты. Остальная часть команды — по назначенным рабочим местам. Конец!

Когда он говорил это, глядя на мигающий соответственно модуляциям голоса глаз усилителя, ему казалось, что он видит, как их вспотевшие лица, поднятые к репродукторам, внезапно застывают от удивления и гнева. Теперь лишь они поняли; лишь теперь начинают ругаться.

— К наземной процедуре третьей степени приступили, — сказал он, не глядя на командира.

Тот посмотрел на него и неожиданно усмехнулся уголками губ:

— Это лишь начало, Роган. Может, будут еще долгие прогулки на закате, кто знает...

Он вынул из неглубокого стенного шкафчика большую тонкую книгу, открыл ее и, положив на ошестинившийся рукоятками белый пульт, спросил:

— Читали вы это?

— Да.

— Последний их сигнал, зарегистрированный седьмым гиперреле, дошел до проксимального буя в зоне Базы год назад.

— Я наизусть знаю его содержание. «Посадка на Регис III завершена. Планета пустынная, типа Субдельта-92. Выходим на сушу согласно второй процедуре в экваториальной зоне континента Эвана».

— Да. Но это был не последний сигнал.

— Знаю, командир. Сорока часами позже гиперреле зарегистрировало серию импульсов — будто бы передачу морзянкой, но лишенную всякого смысла. А потом — странные, несколько раз повторявшиеся звуки. Гертель назвал их «мяуканьем котов, которых тянут за хвост».

— Да... — произнес астрогатор, но видно было, что он не слушает.

Он опять подошел к экрану. На самом краю поля зрения, вплотную к ракете, выдвинулись звенья пандуса, по которому ровно, как на параде, двигались один за другим энергоботы — тридцатитонные машины, покрытые силиконовой огнеупорной броней. По мере того как они сползали вниз, их колпаки все больше раскрывались и поднимались, просвет между ними все увеличивался; съезжая с пандуса, энергоботы глубоко погружались в

песок, но шли уверенно, вспахивая песчаный холм, который уже нанесло ветром вокруг «Непобедимого». Они попеременно расходились то в одну, то в другую сторону, и через десять минут корабль был окружен цепью металлических черепашек. Остановившись, энергоботы начали размеренно зарываться в песок, пока не исчезли, и лишь сверкающие пятнышки, равномерно размещенные на рыжих песчаных скатах, указывали места, из которых выступали купола эмиттеров Дирака. Стальной пол рубки, покрытый пенопластом, дрогнул. Тела людей пронизала дрожь — быстрая, как молния, отчетливая, хоть и еле уловимая, — и исчезла; еще мгновение от нее сводило челюсти и все расплывалось перед глазами. Но это не длилось и полсекунды. Вернулась тишина, ее нарушало лишь отдаленное, плывущее снизу бормотание запускаемых моторов; черно-рыжий хаос скал и вереницы медленно ползущих песчаных волн снова четко обозначились на экранах, и все было как прежде, но над «Непобедимым» распростерся невидимый купол силового поля, закрывая доступ к кораблю.

По пандусу зашагали вниз инфороботы — металлические крабы с вертушками антенн, вращающимися то влево, то вправо. По размерам они значительно превосходили эмиттеры поля — энергоботы; у них было приплюснутое туловище и изогнутые растопыренные металлические ноги. Увязая в песке и словно с отвращением вытаскивая глубоко проваливающиеся конечности, членистоногие разошлись в стороны и заняли места в промежутках цепи энергоботов. По мере того как разворачивалась операция защиты, на центральном пульте рубки выпрыгивали из матового фона контрольные огоньки, а диски импульсных счетчиков наливались зеленоватым светом. Будто десяток больших кошачьих глаз неподвижно смотрел теперь на людей. Стрелки приборов по-

всюду стояли на нуле, свидетельствуя, что никто не пытается проникнуть сквозь незримую преграду силового поля. Только указатель распределения мощности продвигался все выше, минуя красные черточки гигаваттов.

— Спускаюсь я теперь вниз, съем что-нибудь. А вы, Роган, проводите стереотип, — внезапно усталым голосом проговорил Горпах, отрываясь от экрана.

— Дистанционно?

— Если хотите, можете послать кого-нибудь... или сами пойдите.

С этими словами астрогатор раздвинул двери и вышел. Роган еще мгновение видел его профиль в тускло освещенной кабине лифта, беззвучно уплывающей вниз. Он поглядел на щит счетчиков поля. Нуль. «Собственно говоря, следовало начать с фотограмметрии, — подумал он. — Кружить над планетой, пока не наберется полный комплекс снимков. Может, таким образом что-нибудь обнаружилось бы. Потому что визуальные наблюдения с орбиты мало чего стоят; материки — не то, что океан, и наблюдатели — не матросы на марсе. Другое дело, что комплект снимков удалось бы получить лишь примерно через месяц».

Лифт вернулся. Роган вошел в кабину, спустился на шестой ярус. На большой платформе у барокамеры толпилась масса людей, которым, собственно, нечего было тут делать, тем более что четыре сигнала, отмечающие время главного приема пищи, повторялись уже с четверть часа. Перед Роганом расступились.

— Иордан и Бланк, пойдете со мной на стереотип.

— Скафандры надевать?

— Нет. Только кислородки. И один робот. Лучше из арктанов, чтобы он у нас не увяз в этом чертовом песке. А вы все чего здесь стоите? Аппетит потеряли?

— Хотелось бы сойти... на сушу,

— Хоть на пару минут...

Поднялся гомон.

— Спокойно, ребята. Придет еще время для экскурсий. Пока у нас третья степень.

Люди расходились неохотно. Тем временем из грузовой шахты вынырнул подъемник с роботом, который был на голову выше самого рослого человека. Иордан и Бланк возвращались на электрокаре, уже захватив кислородные приборы,— Роган смотрел на них, опершись на поручни коридора, который теперь, когда ракета стояла на корме, превратился в вертикальную шахту, доходящую до первой переборки машинного отделения. Он ощущал, что над ним и под ним раскинулись металлические ярусы; где-то в самом низу работали тихоходные транспортеры, слышалось слабое чавканье в гидравлических каналах, из почти сорокаметровой глубины шахты мерно плыла струя холодного очищенного воздуха от климатизаторов машинного отделения.

Двое из шлюзовой команды открыли перед ними двери. Роган машинально проверил положение ремней, прилегание маски. Иордан и Бланк вошли вслед за ним; потом металл тяжело заскрежетал под шагами робота. Пронзительный протяжный свист воздуха, всасывающегося внутрь корабля. Открылся наружный люк. Пандус для машин находился четырьмя этажами ниже. Чтобы спуститься вниз, люди воспользовались маленьким подъемником, который заранее выдвинули из брони. Его ферма доставала до верха песчаной дюны. Клетка подъемника была открыта со всех сторон; воздух там был немного холодней, чем внутри «Непобедимого». Они вошли вчетвером, расторможенные магниты отключились, и они плавно спустились с одиннадцатизатажной высоты вдоль корпуса ракеты. Роган машинально проверял, как

выглядит обшивка. Не слишком-то часто удастся осмотреть корабль снаружи, если он не в доке. «Намаялась», — подумал он, видя изъязвленные полосы от попаданий метеоритов. Местами броня утратила блеск, будто разъеденная крепкой кислотой.

Лифт закончил свой короткий полет, мягко осев на волны нанесенного песка. Они прыгнули с платформы и сразу провалились по колено. Только робот, предназначенный для исследований на заснеженных пространствах, шагал смешной, раскачивающейся, но уверенной походкой на своих карикатурно расплющенных ступнях. Роган велел ему остановиться, а сам с людьми внимательно осмотрел все выходные отверстия кормовых дюз, насколько это было возможно снаружи.

— Небольшая шлифовка и продувка пойдут им на пользу, — сказал он.

Только вылезши из-под кормы, он заметил, какую громадную тень отбрасывает корабль. Словно широкая дорога, тянулась она через дюны, освещенные сильно уже склонившимся солнцем. В равномерности песчаных волн таилось странное спокойствие. Их впадины были заполнены голубой тенью, гребни розовели от заката, и этот тонкий теплый румянец напомнил Рогану книжки с картинками для детей — такой он был неестественно нежный. Роган медленно переводил взгляд с дюны на дюну, находя все новые оттенки нежно-розового свечения; чем дальше, тем дюны делались все рыжее, их пересекали серпы черных теней, и, наконец, сливаясь в серую желтизну, они окаймляли грозно торчащие плиты вулканических скал. Он стоял так и смотрел, а его помощники без спешки, движениями, ставшими от многолетнего навыка автоматическими, производили обычные измерения, набирали в маленькие резервуары пробы воздуха и песка, определяли радиоактивность почвы при помощи пере-

носного зонда, бур которого поддерживал арктан. Роган не обращал на них никакого внимания.

Маска прикрывала лишь нос и рот, глаза были открыты, и вся голова тоже, потому что он снял неглубокий защитный шлем. Роган чувствовал, как ветер шевелит волосы, как мельчайшие пылинки песка оседают на лице и, щекоча, протискиваются за край пластиковой маски. От беспокойных порывов ветра хлопали штанины комбинезона; огромный, будто отечный, диск солнца, на который можно было смотреть целую секунду безнаказанно, торчал теперь как раз за макушкой ракеты. Ветер протяжно свистел, силовое поле не задерживало движения газов, и поэтому Роган вообще не мог приметить, где встает из песков его незримая стена. Огромное пространство, доступное взгляду, было мертво, словно никогда на него не ступала нога человека, словно это была не та планета, что поглотила звездолет класса «Непобедимого» с восьмьюдесятью людьми, огромный, испытанный космический корабль, способный за долю секунды развить мощность в миллиарды киловатт, преобразовать ее в силовые поля, которые не пробьет никакое материальное тело, или сконцентрировать в губительных лучах звездного накала, способных в прах разрушить горную цепь или иссушить море. И все же здесь погиб стальной организм, созданный на Земле, плод многовекового процветания технологии, исчез неизвестным образом, без следа, без зова о помощи, словно распался в этой рыжей и серой пустоте.

«И весь этот континент выглядит точно так же», — подумал Роган. Он помнил эти места хорошо. Видел с высоты оспины кратеров и облака, что медлительно и неустанно проплывали над ними, влача свои тени по бесконечным рядам дюн.

— Активность? — спросил он, не оборачиваясь.

— Ноль, ноль два,— ответил Иордан и поднялся с колен. Лицо его покраснело, глаза блестели; маска искажала голос.

«Это значит — меньше, чем ничего,— подумал Роган.— Впрочем, они не погибли бы от такой грубой неосторожности, автоматические индикаторы подняли бы тревогу, даже если б никто не позаботился о стереотипе исследований».

— Атмосфера?

— Азота 78 процентов, аргона 2 процента, двуокиси углерода ноль, метана 4 процента, остальное — кислород.

— 16 процентов кислорода?! Это точно?

— Точно.

— Радиоактивность воздуха?

— Практически равна нулю.

Это было странно. Столько кислорода! Сообщение наэлектризовало Рогана. Он подошел к роботу, который немедленно поднес к его глазам кассету с индикаторами. «Может, они попробовали обойтись без кислородных приборов?» — предположил он, хотя заранее знал, что так не могло быть. Правда, случалось иной раз, что кто-нибудь, больше других страдающий от жажды вернуться, вопреки приказу снимал маску, потому что воздух вокруг казался таким чистым, таким свежим,— и отравлялся. Но это могло случиться с кем-то одним, самое большее с двумя...

— У вас уже все? — спросил он.

— Да.

— Возвращайтесь.

— А вы?

— Я еще останусь. Возвращайтесь,— повторил он нетерпеливо: ему уже хотелось остаться одному.

Бланк перебросил через плечо связанные за ручки ремнем контейнеры, Иордан отдал роботу зонд, и они

побрели, увязая в песке; арктан, очень похожий сзади на замаскированного человека, шлепал вслед за ними.

Роган подошел к крайней дюне. Вблизи он увидел выступающий из песка раструб эмиттера, создающего защитное силовое поле. Не столько для того, чтобы проверить наличие поля, сколько попросту из детской прихоти он зачерпнул горсть песка и швырнул ее вперед. Песок полетел, вытянувшись в полосу, и, словно наткнувшись на незримое покатоое стекло, вертикально осыпался вниз.

У него прямо-таки руки чесались снять маску. Он хорошо знал, как это бывает. Выплюнуть пластиковый мундштук, сорвать ремни, наполнить грудь воздухом, затянуться им до самой глубины легких...

«Расклеиваюсь я», — подумал он и медленно вернулся к кораблю. Пустая пасть подъемника ждала его, платформа слегка углубилась в дюну, и ветер успел за несколько минут покрыть металл тоненьким слоем песка.

Уже в главном коридоре пятого яруса он глянул на стенной информатор. Командир был в звездной кабине. Роган поехал наверх.

— Словом, идиллия? — подытожил астрогатор его отчет. — Ни радиоактивности нет, ни спор, ни бактерий, ни вирусов, ни плесени — только этот самый кислород... Пробы надо, во всяком случае, дать на питательные среды...

— Они уже в лаборатории. Возможно, жизнь тут развивается на других континентах? — без убеждения проговорил Роган.

— Сомневаюсь. Инсоляция за пределами экваториальной зоны тут слабая; вы разве не видели, какова толщина ледовых шапок на полюсах? Ручаюсь, что там самое меньшее восемь, если не все десять километров ледяного покрова. Скорее уж океан, какие-нибудь водо-

росли, планктон. Но почему жизнь не вышла из воды на сушу?

— Надо будет заглянуть в эту воду,— сказал Роган.

— Спрашивать наших еще слишком рано, однако планета кажется мне старой. Такому гнилому яйцу должно быть миллиардов шесть от роду. Да и здешнее солнце уже давным-давно миновало период своего величия. Это почти что красный карлик. Да, отсутствие жизни на суше заставляет призадуматься. Особый вид эволюции, не переносящий сухости... Ну, допустим, этим можно объяснить наличие кислорода, но не историю с «Кондором».

— Какие-то формы жизни, какие-то подводные существа, таящиеся в океане, которые создали там, на дне, цивилизацию,— подал мысль Роган.

Оба они смотрели на большую карту планеты в проекции Меркатора, неточную, так как начерчена она была на основании данных, полученных автоматическими зондами еще в прошлом веке. На ней были отмечены лишь очертания основных континентов и океанов, линии распространения полярных шапок и несколько самых больших кратеров. В сетке пересекающихся меридианов и параллелей под восьмым градусом северной широты виднелась точка, обведенная красным кружком,— место посадки. Астрогатор нетерпеливо передвинул карту.

— Сами вы в это не верите! — накинулся он на Рогана.— Трессор наверняка был не глупее нас с вами, не поддался бы он никаким подводным, чепуха! А кроме того, если б даже и находились под водой разумные существа, то одним из первых их действий было бы завоевание суши. Ну, скажем, хотя бы в скафандрах, наполненных водой... Абсолютная чепуха! — повторил он, не для того чтобы окончательно уничтожить выдумку Рогана, а просто потому, что думал уже о чем-то другом.

— Постоим здесь положенное время,— заключил он

наконец и коснулся нижнего края карты: та с легким шуршанием свернулась и исчезла в одном из отделений стеллажа для карт.— Подождем и увидим.

— А если нет? — осторожно спросил Роган.— Поищем их?

— Роган, будьте же благоразумны. Шестой звездный год, и такое...— астрогатор поискал подходящее определение, не нашел и заменил его пренебрежительным жестом.— Планета величиной с Марс. Как же нам их искать? То есть «Кондора»,— поправился он.

— Ну да, почва здесь железистая...— неохотно согласился Роган.

Анализы действительно показывали в песке основательную примесь окислов железа. Значит, ферроиндукционные индикаторы были здесь ни к чему. Не зная, что сказать, Роган замолчал. Он был убежден, что командир в конце концов найдет какой-нибудь выход. Не возвращаться же им с пустыми руками, без всяких результатов. Он ждал, глядя на торчащие насупленные брови Горпах.

— По правде говоря, я не верю, чтобы это двухсуточное ожидание что-нибудь нам дало, но правила этого требуют,— сделал неожиданное признание астрогатор.— Да сядьте вы, Роган. Стоите надо мной, как упрек совести. Регис—самое идиотское место, какое можно себе представить. Верх бестолковости. Непонятно, зачем посылали сюда «Кондора». Впрочем, что толку говорить, раз уж это случилось.

Горпах замолчал. В плохом настроении он всегда становился разговорчивым, легко мог втянуть в спор, даже фамильярный по тону, что было небезопасно—командир мог в любую минуту оборвать разговор какой-нибудь резкостью.

— Словом, так или иначе, а что-то нам нужно делать. Знаете что? Давайте-ка выведем на экваториальную ор-

биту пару малых фотонаблюдателей. Но чтобы это была добросовестная круговая орбита. И низкая. Километров этак семьдесят.

— Это еще в пределах ионосферы,— запротестовал Роган.— Они сгорят через несколько десятков витков.

— Пускай сгорят. Но до этого сфотографируют, что удастся. Я вам посоветовал бы рискнуть даже на шестьдесят километров. Они, возможно, сгорят уже на десятом витке, но только снимки, сделанные с такой высоты, могут что-нибудь дать. Вы знаете, как выглядит ракета с высоты ста километров даже через самый лучший телеобъектив? Булавочная головка по сравнению с ней покажется целым горным массивом. Давайте-ка это сразу... Роган!

На этот окрик навигатор обернулся, уже стоя на пороге. Командир швырнул на стол акт с результатами анализов.

— Что это такое?! Что еще за идиотизм? Кто это писал?

— Автомат. А в чем дело? — спросил Роган, стараясь сохранять спокойствие, хотя и его уже разбирала злость.

«Пойдет теперь брюзжать»,— подумал он, приближаясь с нарочитой неторопливостью.

— Читайте. Здесь. Вот здесь.

— Метана четыре процента,— прочел Роган. И вдруг остолбенел.

— Метана четыре процента, а? А кислорода — шестнадцать? Вы знаете, что это такое? Гремучая смесь! Может, вы мне объясните, почему вся атмосфера не взорвалась, когда мы сели на бороводороде?

— Действительно... не понимаю... — пробормотал Роган.

Он подбежал к пульту наружного контроля, выбрал через зонды эксгаустера немного воздуха снаружи и,

пока астрогатор в зловещем молчании прогуливался по рубке, смотрел, как анализаторы усердно постукивают стеклянными сосудами.

— Ну и что?!

— То же самое. Метана четыре процента, кислорода — шестнадцать, — сказал Роган.

Правду говоря, он совершенно не понимал, как это возможно, и все же почувствовал удовлетворение — по крайней мере Горпах ни в чем его теперь не сможет упрекнуть.

— Покажите-ка! Гм... Метана — четыре... ну, чтоб меня черти... ладно! Роган, зонды на орбиту, а потом прошу пожаловать в малый лаб. В конце концов, для чего же у нас ученые? Пускай они себе головы ломают.

Роган спустился вниз, вызвал двух техников-ракетчиков и передал им распоряжение астрогатора. Потом поднялся на второй ярус. Тут размещались лаборатории и каюты специалистов. Он проходил мимо узких, запрессованных в металл дверей с двухбуквенными табличками: «Г. И.», «Г. Ф.», «Г. Т.», «Г. Б.» и другими в том же роде. Двери малой лаборатории были широко распахнуты; сквозь монотонный говор ученых иногда прорывался бас астрогатора. Роган остановился у порога. Тут собрались все «главные» — главный инженер, биолог, физик, врач и все технологи из машинного отделения. Астрогатор сидел в крайнем кресле, под электронным программником подручной цифровой машины, а оливково-смуглый Модерон говорил, сплетя маленькие, как у девочки, руки:

— Я не специалист по химии газов. Во всяком случае, это, по-видимому, не обычный метан. Иная энергия связей; разница всего лишь в сотых долях, но имеется. Он вступает в реакцию с кислородом лишь при наличии катализаторов, да и то вяло,

— Какого происхождения этот метан? — спросил Горпах, крутя большими пальцами.

— Углерод в нем, во всяком случае, органического происхождения. Этого мало, но нет сомнений...

— Изотопы имеются? Какого возраста? Сколько ему, этому метану?

— От двух до пятнадцати миллионов лет.

— Ничего себе расхождение!

— Времени у нас было всего полчаса. Ничего больше сказать не могу.

— Доктор Квастлер! Откуда берется этот метан?

— Не знаю

Горпах поочередно посмотрел на своих специалистов. Можно было ожидать вспышки гнева, но он внезапно усмехнулся.

— Слушайте, вы — люди опытные. Летаем мы вместе не со вчерашнего дня. Я прошу высказать ваше мнение. Что нам теперь следует сделать? С чего начать?

Поскольку никто не торопился высказываться, биолог Иоппе, один из немногих, кто не боялся вспыльчивости Горпах, сказал, спокойно глядя в глаза командиру:

— Это — не обычная планета класса Субдельта-92. Если б она была обычной, «Кондор» не погиб бы. Специалисты «Кондора» были не хуже и не лучше, чем мы, а поэтому единственное, что известно наверняка: их познаний оказалось недостаточно, чтобы предотвратить катастрофу. Из этого следует, что мы должны и дальше проводить процедуру третьей степени и исследовать сушу и океан. Думаю, что надо начать геологические бурения, а одновременно заняться здешней водой. Все остальное базировалось бы на предположениях, а мы не можем позволить себе такую роскошь в данной ситуации.

— Хорошо. — Горпах сжал челюсти. — Бурение в пре-

делах силового поля — не проблема. Займется этим доктор Новик.

Главный геолог кивнул.

— Что касается океана... Роган, на каком расстоянии от нас береговая линия?

— Около двухсот километров,— сказал навигатор, ничуть не удивившись, что командир знает о его присутствии, хотя и не видит его: Роган стоял в нескольких шагах за ним, у дверей.

— Далековато. Но «Непобедимого» мы уж не будем трогать с места. Вы, Роган, возьмете столько человек, сколько сочтете нужным; включите Фитцпатрика или еще кого-нибудь из океанологов. И шесть резервных энергоботов. Поедете с ними на берег. Действовать будете только под силовой защитой: никаких прогулок по морю, никаких погружений. Автоматами тоже прошу не разбрасываться — у нас их не слишком-то много. Ясно? Значит, можете приступать. Да, еще одно. Здешний воздух пригоден для дыхания?

Врачи пошептались.

— В принципе да,— сказал наконец не вполне уверенно Стромонт.

— Что значит «в принципе»? Можно дышать или нет?

— Такое количество метана не безразлично для организма. Через некоторое время создается перенасыщение крови, и это может вызвать такие легкие мозговые явления, как расстройства координации, глухоту... но это лишь через час, а то и через несколько часов.

— А, может, применить какой-нибудь поглотитель метана?

— Нет. То есть нет смысла делать такие поглотители, потому что их пришлось бы часто менять, а кроме того, процент кислорода все же низковат. Я лично — за кислородные аппараты.

— Хм... Остальные тоже?

Витте и Эльдьярн кивнули. Горпах встал.

— Значит, приступаем. Роган! Как дела с зондами?

— Сейчас будем их забрасывать. Можно мне перед уходом проконтролировать орбиты?

— Можно.

Роган вышел, оставив за собой говор лаборатории. Когда он переступил порог рулевой рубки, солнце как раз заходило. Темный, чуть ли не фиолетовым пурпуром набухший краешек его диска со сверхъестественной отчетливостью чеканил на горизонте зубчатый контур кратера. Небо, которое в этой области Галактики роилось звездами, казалось сейчас каким-то неестественно громадным. Все ниже загорались большие созвездия, словно поглощая тающую во тьме пустыню. Роган вызвал по интеркому людей, обслуживавших носовую катапульту для спутников. Они как раз собирались запустить первую пару фотоспутников. Следующие должны были отправиться вверх через час. Завтра дневные и ночные снимки обоих полушарий планеты должны будут дать изображение всего экваториального пояса.

— Минута тридцать одна... азимут семь. Навожу...— повторял певучий голос в репродукторе.

Роган приглушил его регулятором и повернул кресло к контрольному щиту. Никому бы он в этом не признался, но его всегда занимала игра огоньков при запуске зондов на околопланетную орбиту. Сначала вспыхнули рубиновые, белые и голубые контрольки бустера. Потом забормотал стартовый автомат. Когда внезапно оборвалось его тиканье, легкая дрожь прошла по всему корпусу крейсера. Пустыня на экранах тут же озарилась фосфорическим сиянием. С тонким, предельно напряженным гуденьем, обливая корабль потоками пламени, миниатюрный снаряд вылетел из носовой катапульты. Сияние уда-

ляющегося спутника все слабее перебегало по склонам дюн и наконец угасло. Полет снарядика уже и слышен не был, зато жаром световой лихорадки охватило весь контрольный щит. С горячечной поспешностью выскакивали из мрака продолговатые огоньки баллистического контроля, им убежденно поддакивали жемчужные лампочки дистанционного управления, потом появились сигналы о поочередном выбрасывании обгоревших гильз, похожие на разноцветную разукрашенную елочку, и наконец надо всем этим радужным скопищем вспыхнул белый чистый прямоугольник — знак того, что спутник вышел на орбиту. На снежно-белой блестящей поверхности прямоугольника замаячило серое пятнышко и, подрагивая, сложилось в цифру 67. Это была высота полета. Роган еще раз просчитал элементы орбиты; но и перигей и апогей уместались в заданных границах. Ему тут уже нечего было делать. Он посмотрел на ракетные часы, показывавшие восемнадцать ноль ноль, потом на те часы, что показывали местное время — одиннадцать ночи. На минуту закрыл глаза. Роган был рад этой вылазке на океан: он любил действовать самостоятельно.

Он ощущал сонливость и голод. С минуту раздумывал, не принять ли стимулирующую таблетку. Но решил, что достаточно будет поужинать. Вставая, он почувствовал, до чего измучен, удивился — и это удивление его слегка взбудило.

Роган спустился вниз, в кают-компанию. Там уже сидели люди из его группы — два водителя подушечных транспортеров, среди них Ярг, которого он любил за неизменно хорошее настроение, и Фитцпатрик с двумя своими коллегами, Брозой и Кехлином. Они заканчивали ужин, а Роган еще только заказывал горячий суп, вынимал из стенного податчика хлеб и бутылки безалкогольного пива. Он нес все это на подносе к столу, когда пол ле-

гонько дрогнул. «Непобедимый» запустил очередной спутник.

Командир не разрешил ехать ночью. Они отправились в пять часов по местному времени, перед восходом солнца. Двигались строем, который был прозван погребальным шествием — из-за строгого порядка, продиктованного необходимостью, а также из-за надоедливой медлительности. Открывали и замыкали строй энергоботы, которые эллипсоидным силовым полем защищали все машины, идущие посредине, — универсальные подушечники, вездеходы, снабженные рациями и радарам, кухню, транспортер с самоустанавливающимся герметическим жилым баракком и малый лазер ближнего боя на гусеничном ходу, в просторечии именуемый шилом.

Роган уселся вместе с тремя учеными в передний энергобот. Это было, по правде говоря, неудобно, они еле умещались там, но по крайней мере создавалась иллюзия более или менее нормального путешествия. Скорость приходилось приноравливать к самым медленным машинам, то есть именно к энергоботам.

Поездку нельзя было назвать изысканным удовольствием. Гусеницы вездеходов рычали и ржали в песках, турбинные двигатели ныли, как комары слоновьих размеров; прямо за спиной у сидящих рвался из решетчатых картеров охлаждающий воздух, а энергобот бултыхался, как груженная шлюпка на волнах.

Черный шпиль «Непобедимого» вскоре скрылся из виду. Некоторое время они двигались в горизонтальных лучах солнца, холодного и красного, как кровь, по однообразной пустыне; песку постепенно становилось все меньше, из-под него выступали косо торчащие пластины скал, их приходилось объезжать. Кислородные маски в

сочетании с воем двигателей не располагали к беседе. Все внимательно изучали местность, но пейзаж не менялся — до самого горизонта громоздились скалы, большие выветрившиеся глыбы. Наконец равнина пошла под уклон, и на дне очень пологой котловины показался узкий, полувысохший ручей; в воде его блестело отражение красной зари. Галечные отмели, тянущиеся по обе стороны ручья, свидетельствовали о том, что вода здесь иногда сильно прибывает. Остановились ненадолго, чтобы исследовать воду. Она была абсолютно чистой, но довольно жесткой — с примесью окислов железа и незначительными следами сульфидов. Двинулись дальше, теперь уже несколько быстрее — гусеницы легко шли по каменистому грунту. На западе возникли невысокие обрывистые холмы.

Машина, замыкавшая строй, поддерживала непрерывную связь с «Непобедимым», антенны радаров вращались, радаристы, то и дело поправляя наушники, корпели у своих экранов, жуя ломтики концентратов. Иногда из-под какого-нибудь подушечника сразгону вылетал камень и прыгал вверх, будто внезапно оживший. Потом дорогу преградили пологие нагие холмы. Не останавливаясь, взяли несколько проб, и Фитцпатрик крикнул Рогану, что кремнезем здесь органического происхождения. Наконец, когда черно-синей линией обозначилось впереди водное зеркало, они обнаружили и известняк.

Вездеходы спускались к берегу, грохоча по маленьким плоским камешкам. Горячее дыхание машин, визг гусениц, вой турбин — все это внезапно утихло, когда океан, зеленоватый вблизи и совершенно земной с виду, оказался в ста метрах. Теперь началось сложное маневрирование: чтобы прикрыть рабочую группу полем, пришлось ввести головной энергобот довольно глубоко в воду. Сначала машину герметизировали, и она, управляе-

мая с другого энергобота, пошла в воду, вздымая вспененные волны, и постепенно превратилась в еле заметное темное пятно в глубине; лишь тогда по сигналу, поданному с центрального поста, затопленный гигант выдвинул на поверхность эмиттер Дирака; и когда поле установилось, прикрывая своим невидимым куполом часть берега и прибрежных вод, начались исследования.

Океан был несколько менее солон, чем земной; однако анализы не дали никаких сенсационных результатов. Через два часа они знали примерно столько же, сколько вначале. Поэтому решили выслать в открытое море два телеуправляемых телевизионных зонда и с центрального поста прослеживали на экранах их путь. Но лишь когда зонды удалились за черту горизонта, сигналы принесли первое важное сообщение. В океане существовали какие-то организмы, по форме напоминающие костистых рыб. При появлении зонда они исчезали с невероятной быстротой, ища спасения в глубине. Эхолоты определили глубину моря в этом месте первого контакта — полтораста метров.

Броза уперся — нужна ему хоть одна такая рыба. Начали охотиться, зонды гонялись за тенью, стремительно извивающимися в зеленой тьме, стреляли электрическими разрядами, но эти самые рыбы проявляли необычайную способность маневрировать. Лишь после нескольких выстрелов удалось поразить разрядом одну рыбу. Зонд, ухвативший ее в свои клещи, немедленно направили к берегу. Кехлин и Фитцпатрик тем временем манипулировали другим зондом, собирая образцы поднимающихся из глубины волокон, которые сочли здешним видом водорослей. Потом они послали зонд на самое дно, на глубину четверть километра. Сильное придонное течение очень мешало управлять им — зонд все время сносило на груды подводных скал. Наконец удалось пе-

ревернуть некоторые из них. Как правильно предполагал Кехлин, под их прикрытием находилась целая колония гибких кистевидных созданий.

Когда оба зонда вернулись в границы поля, биологи принялись за работу в поставленном тем временем бараке, где можно было наконец снять опротивевшие кислородные маски. Роган, Ярг и пятеро остальных впервые за этот день отведали горячей пищи.

До самого вечера они собирали образцы минералов, исследовали придонную радиоактивность воды, измеряли интенсивность солнечного освещения и делали еще сотню таких же нудных и кропотливых дел, которые надо выполнять добросовестно, даже педантично, если хочешь получить надежные результаты. К сумеркам все, что возможно, было сделано, и Роган мог со спокойной совестью подойти к микрофону, когда Горпах вызвал его с «Непобедимого».

В океане было полным-полно живых существ, которые, однако, все до одного избегали прибрежной зоны. В организме рыбы при вскрытии не обнаружилось ничего особенного. Эволюция жизни на планете, по предварительным расчетам, продолжалась несколько сот миллионов лет. Обнаружили значительное количество зеленых водорослей, что объясняло наличие кислорода в атмосфере. Деление живых организмов на растительные и животные было типичным; типичными оказались и скелетные структуры позвоночных. Единственное, чему биологи не знали аналогии на Земле, был особый орган чувств у пойманной рыбы, реагировавший даже на самые ничтожные изменения напряженности магнитного поля.

Горпах велел экспедиции немедленно возвращаться и в конце разговора сказал, что имеются новости: кажется, удалось установить место посадки погибшего «Кондора».

Поэтому, несмотря на протесты биологов, утверждавших, что им и нескольких недель было бы мало для исследований, свернули барак, запустили моторы, и колонна двинулась на северо-запад. Роган не мог сообщить товарищам никаких подробностей о «Кондоре» — он и сам их не знал. Ему хотелось поскорей очутиться на корабле; он предполагал, что командир даст ему очередное задание, сулящее более важные открытия. Конечно, теперь необходимо было прежде всего обследовать предполагаемое место посадки «Кондора». Поэтому Роган выжимал из машин всю доступную им скорость, и гусеницы совсем уж адски лязгали и скрежетали, размалывая камни.

Наступила тьма, и зажглись большие фары машин; это выглядело необычно и даже угрожающе: движущиеся снопы света то и дело выхватывали из мрака бесформенные и будто шевелящиеся силуэты великанов, которые оказывались только скалами — свидетелями прошлого, последними остатками выветрившейся горной цепи. Несколько раз пришлось притормаживать у глубоких расселин, зияющих в базальте. И наконец, далеко уже за полночь, они увидели освещенный со всех сторон, будто на параде, сверкающий издали, как металлическая башня, корпус «Непобедимого». По всему пространству силового поля сновали вереницы машин — выгружались припасы, горючее; группы людей стояли у пандуса в слепящем свете прожекторов. Уже издали слышались отголоски этой неустанной суетни. Над движущимися столбами света вздымался молчаливый, испещренный перебегающими световыми пятнами корпус крейсера. Вспыхнули голубые огни, указывая, где будет открыта дорога сквозь силовую завесу, и машины, покрытые толстым слоем пыли, одна за другой въехали в защищенный круг. Роган, не успев еще спрыгнуть с машины, окликнул од-

ного из стоявших поблизости,— он узнал Бланка,— спрашивая, что с «Кондором».

Но боцман ничего особенного не знал, Роган от него мало что услышал. Перед тем как сгореть в плотных слоях атмосферы, четыре спутника доставили одиннадцать тысяч снимков; по мере их поступления снимки наносились на особым образом протравленные пластинки в картографической каюте. Чтобы не терять времени, Роган вызвал к себе техника-картографа Эретта и, принимая душ, расспрашивал его обо всем, что произошло на корабле.

Эретт был одним из тех, кто искал на полученной фотографии следы «Кондора». Это зернышко стали в океанах песка разыскивало около тридцати человек одновременно: кроме планетологов, на это дело мобилизовали картографов, радарных операторов и всех пилотов. Сутки напролет они посменно просматривали поступающие снимки, отмечая координаты каждого подозрительного пункта планеты. Но известие, переданное Рогану командиром, оказалось ошибочным. За корабль приняли редкостно высокий каменный столб, отбрасывающий тень, поразительно похожую на четкую тень ракеты. Так что о судьбе «Кондора» по-прежнему ничего не знали.

Роган хотел доложить командиру о своем прибытии, но тот уже отправился спать. Роган тоже пошел к себе. Несмотря на усталость, долго не мог уснуть. А когда он встал утром, астрогатор через Баллмина, руководителя планетологов, передал распоряжение отправить весь собранный материал в главную лабораторию. В десять утра Роган ощутил такой голод — он еще не завтракал,— что спустился на второй ярус, в малую кают-компанию радарных операторов. И тут, когда он стоя допивал кофе, ринулся к нему Эретт.

— Что, нашли его? — порывисто спросил Роган, увидев взволнованное лицо картографа.

— Нет. Но нашли нечто большее. Идите скорей, вас вызывает астрогатор...

Рогану казалось, что стеклянный цилиндр подъемника ползет невероятно медленно. В затемненной каюте было тихо, лишь шуршали реле, а из подающего отверстия выплывали все новые и новые влажно блестящие снимки, но никто не обращал на них внимания. Два техника выдвинули из стенного люка нечто вроде эпидиаскопа и погасили остальное освещение как раз в тот момент, когда Роган открыл двери. Он успел заметить белеющую среди других голову астрогатора. Потом засеребрился спущенный с потолка экран. Все затаили дыхание. Роган постарался придвинуться поближе к большой светлой плоскости. Снимок был не слишком удачный и вдобавок черно-белый. Посреди мелких, хаотически разбросанных кратеров выделялось голое плоскогорье, с одной стороны обрывающееся по такой прямой линии, словно скалы рассек какой-то гигантский нож: это была береговая линия; остальную часть снимка заполняла однообразная чернота океана. Неподалеку от обрыва распростерлось мозаичное скопище нечетко очерченных форм, в двух местах перекрытое полосами облаков и их тенями. Но все равно не подлежало сомнению, что эта странная, нечетко просматриваемая формация не является геологическим образованием.

«Город...» — взволнованно подумал Роган, но не сказал этого вслух. Все по-прежнему молчали. Техник возился у эпидиаскопа, тщетно пытаясь увеличить четкость изображения.

— Были помехи на приеме? — раздался в тишине спокойный голос астрогатора.

— Нет, — ответил из темноты Баллмин. — Прием был

чистый, но это один из последних снимков третьего спутника. Через восемь минут после этого он перестал отвечать на сигналы. Вероятно, снимок сделан через объективы, уже поврежденные высокой температурой.

— Камера находилась над эпицентром не выше семидесяти километров,— добавил кто-то; Рогану показалось, что это говорит один из самых способных планетологов, Мальте.— А по правде говоря, я оценил бы ее в пятьдесят пять — шестьдесят километров... Посмотрите...— Его силуэт заслонил часть экрана: он приложил к изображению прозрачный пластиковый шаблон с вырезанными кружками и примерил его поочередно к нескольким кратерам на другой половине снимка.— Они заметно больше, чем на предыдущих снимках. Впрочем,— заметил он,— это не имеет особого значения. Так или иначе...

Планетолог не закончил, но все поняли, что он хотел сказать: что вскоре они проверят точность снимка, поскольку исследуют эту область планеты. Некоторое время все продолжали вглядываться в изображение на экране. Роган уже не был так уверен, что на экране — город или, точнее, развалины города. О том, что это геометрически правильное образование давно уже покинуто, свидетельствовали тонкие волнистые линии песчаных заносов, которые со всех сторон обтекали странные строения,— некоторые почти утонули в песчаном разливе пустыни. Кроме того, эти геометрически четкие руины делила на две неравные части черная зигзагообразная линия, расширяющаяся по мере продвижения в глубь материка,— сейсмическая трещина, пополам расколовшая некоторые большие «строения». Одно из них, очевидно рухнувшее, образовало нечто вроде моста, зацепившегося концом за противоположный берег расщелины.

— Дайте свет,— сказал астрогатор. Когда стало свет-

ло, он взглянул на стенные часы.— Через два часа стартуем.

Послышались озадаченные возгласы. Особенно энергично протестовали люди Главного геолога, которые во время пробных бурений уже углубились в почву на двести метров. Горпак повел рукой, показывая, что никаких дискуссий не будет.

— Все машины возвращаются на корабль. Обеспечьте сохранность полученных материалов. Просмотр снимков и дальнейшие анализы идут своим чередом. Где Роган? А, вы тут? Хорошо. Слыхали, что я сказал? Через два часа все должны быть на стартовых местах.

Возвращение выгруженных машин на борт проводилось торопливо, но упорядоченно. Роган был глух к мольбам Баллмина, который выпрашивал еще пятнадцать минут на бурение.

— Вы же слышали, что сказал командир,— повторял он направо и налево, подгоняя монтажников, которые на самоходных кранах подъезжали к выкопанным рвам.

Буровая аппаратура, временные решетчатые платформы, контейнеры с горючим поочередно отправлялись в грузовые люки. Когда остались лишь рытвины, свидетельствовавшие о проделанной работе, Роган и Вестергард, заместитель Главного инженера, на всякий случай еще раз обошли места начатых исследований. Потом люди исчезли в люке корабля. Лишь тогда зашевелился песок на дальних обводах защитного поля,— вызванные по радио, вереницей возвращались энергоботы, укрывались в люках корабля; затем «Непобедимый» втянул внутрь, под бронированные плиты пандус и вертикальную клетку подъемника для экипажа, и на мгновение все стихло. Потом однообразный вой ветра был заглушен металлическим свистом сжатого воздуха, продувающего дюзы. Клубы пыли окутали корму, зеленое зарево замерцало в них,

сливаясь с красным солнечным светом, помчались стремительные немолчные громы, сотрясая пустыню и многократным эхом отражаясь в скалистых стенах кратера, и корабль медленно вознесся в воздух, чтобы, оставив за собой выжженный круг на скале, остекленевший песок и туманные клочья конденсации, с нарастающей скоростью исчезнуть в фиолетовом небе.

Много позже, когда последний след его пути, обозначенный белесой струей пара, уже расплылся в воздухе, а движущиеся пески начали прикрывать обнаженную скалу и заполнять опустевшие рытвины и ямы, на западе появилась темная туча. Двигаясь низко, она развернулась, выдвинутым клубящимся крылом окружила место посадки и повисла над ним. Некоторое время она висела неподвижно. Когда солнце уже заметно склонилось к горизонту, из тучи на пустыню начал падать черный дождь.

Среди руин

«Непобедимый» сел на тщательно выбранном месте, почти за шесть километров на север от внешней границы того, что они называли городом. «Город» неплохо просматривался из рубки. Сейчас еще больше, чем при разглядывании фотоснимков, казалось, что это искусственно созданные конструкции. Угловатые, черно-серые, иногда металлически поблескивающие, обычно более широкие у основания, разные по высоте, они раскинулись на много километров. Но даже самые сильные оптические приборы не помогали различить детали; казалось лишь, что большинство этих строений дыряво, как решето.

На этот раз еще не утих металлический хрип остывающих дюз, как корабль выдвинул из своего нутра пандус и клеть подъемника, окружил себя линией энергоботов. И сразу же на самой границе силового поля, как раз про-

тив «города», который, стоя на уровне почвы, нельзя было увидеть за цепью невысоких холмов, собралась группа из пяти вездеходов, к ней присоединился вдвое превышающий их, похожий на чудовищного жука с синеватым панцирем самоходный излучатель антиматерии.

Командиром оперативной группы был Роган. Он стоял, выпрямившись, в первом вездеходе, в его открытой башенке, ожидая, когда по приказу с борта «Непобедимого» откроется проход через силовое поле. Инфороботы на двух ближайших холмах выпустили вереницу негаснущих зеленых ракет, обозначая проход, и, построившись по двое, маленькая колонна во главе с вездеходом Рогана тронулась в путь.

Басовито пели двигатели, фонтаны песка били из-под баллонных пневматиков исполинских машин; впереди, в двухстах метрах перед головным вездеходом, двигался над землей робот-разведчик, похожий на сплюснутую тарелку, с мелко вибрирующими сяжками, а струя воздуха, которую он выбрасывал из-под себя, взметала верхушки дюн, и казалось, что он попутно зажигает на дюнах незримый огонь. Поднятая пыль долго не оседала в почти неподвижном воздухе, и путь колонны обозначался красноватой клубящейся полосой.

От машин ложились все более длинные тени: близился закат. Колонна обошла лежавший на ее пути почти полностью засыпанный кратер и через двадцать минут добралась до зоны руин. Тут строй ее изменился. Три автономных вездехода полукругом выдвинулись вперед и включили ярко-голубые огни, сигнализируя, что локальное силовое поле создано. Две машины с людьми шли внутри этого движущегося прикрытия. В пятидесяти метрах за ними шагал на своих двухэтажных сгибающихся ногах исполинский излучатель антиматерии. Перевравшись через засыпанный песком клубок чего-то вро-

де изодранных металлических тросов или проводов, они задержались: одна нога излучателя сквозь песок провалилась в невидимую щель. Два арктана спрыгнули с вездехода Рогана и освободили увязшего гиганта. Потом колонна двинулась дальше.

То, что они назвали городом, в действительности ничуть не походило на земные поселения. Утонув на неизвестную глубину в движущихся песках, стояли темные массивы с ошетилившимися, словно щетки, поверхностями, не похожие ни на что знакомое людям. Эти сооружения, которым и названия нельзя было подобрать, достигали высоты нескольких этажей. Не было в них ни окон, ни дверей, ни даже стен. Одни походили на собранные в складки и взаимопроникающие в бесконечно многих направлениях сети очень плотной вязки с утолщениями в местах взаимопереходов; другие выглядели как усложненные пространственные арабески, которые могли бы образоваться из взаимопроникающих пчелиных сотов или решет с треугольными и пятиугольными отверстиями. В каждом большом элементе, в каждой видимой плоскости можно было обнаружить своеобразную правильность, не такую однородную, как в кристалле, но несомненную, повторяющуюся в определенном ритме, хоть его часто и прерывали следы разрушений. Некоторые конструкции, состоящие словно из ограненных и плотно сросшихся ветвей (но эти ветви не росли произвольно, как бывает у деревьев и кустарников,— они представляли собой либо части дуги, либо две закрученные в противоположных направлениях спирали), торчали из песка вертикально; встречались и наклонные конструкции, будто половинки разводного моста. Ветры, дующие чаще всего с севера, нагромождали на всех горизонтальных плоскостях и на неглубоких прогибах летучий песок, так что издали многие из этих руин походили на приземистые пирамиды. Од-

нако вблизи эти будто бы гладкие поверхности оказывались системой ветвистых остроконечных прутьев, рек, кое-где так плотно переплетенных, что в их чаще задерживался песок.

Рогану показалось было, что это какие-то кубические и пирамидальные обломки скал, покрытые омертвелой, иссохшей растительностью. Но через несколько шагов и это впечатление исчезло, ибо правильность, чуждая живым созданиям, проступала сквозь хаос разрушений. Руины нельзя было назвать ни монолитными — в них можно было заглянуть сквозь просветы металлической чащи, — ни пустыми: эта чаща заполняла их целиком. Отовсюду веяло мертвенным запустением. Роган подумал об излучателе, но не имело смысла применять силу, раз некуда было вторгаться.

Порывистый ветер гнал меж высоких бастioned облака едкой пыли. Ритмически расположенные чернеющие отверстия заполнял песок, который все осыпался струйками, образуя у подножий крутые конусы. Неустанный шорох песка сопровождал людей повсюду. Вращающиеся антенны, ультразвуковые микрофоны, индикаторы излучения молчали. Слышалось лишь поскрипывание песка под колесами да прерывистое завывание двигателей, когда машины маневрировали на поворотах. Колонна то утопала в глубокой холодной тени гигантских сооружений, то снова выходила на песок, озаренный пурпурным светом.

Наконец они добрались до тектонической трещины. Это была расселина шириной в сто метров, образовавшая пропасть, с виду бездонную и уж наверняка страшно глубокую, раз ее не заполнили целые водопады песка, неустанно свергавшиеся вниз под порывами ветра. Роган послал на другую сторону летающего робота-разведчика, и они видели на экране то, что ловил робот своими теле-

объективами; но и там картина была все та же. Через час разведчика вызвали обратно, и Роган, посоветовавшись с Баллином и физиком Гралевым, которые сидели в его машине, решил более детально осмотреть несколько руин.

Сначала они попробовали выяснить при помощи ультразвуковых зондов, какова толщина песчаного слоя на «улицах» мертвого «города». Это было довольно канительное занятие. Результаты зондирования не совпадали один с другим,— вероятно, потому, что скалистая подпочва подверглась внутренней декристаллизации во время землетрясения, вызвавшего тектонический разлом. По-видимому, в этой огромной неглубокой котловине слой песка достигал толщины от семи до двенадцати метров.

Колонна двинулась на восток, к океану и, проехав одиннадцать километров по дороге, извивающейся между черными руинами, которые делались все ниже и все меньше выступали из песка, пока не исчезли совсем, добралась до голых скал. Тут они остановились у обрыва, такого высокого, что грохот волн, разбивающихся об его подножие, доходил сюда как еле слышный отголосок. Полоса обнаженного, свободного от песка камня, неестественно гладкого, отмечала линию обрыва; на севере вздымалась вереница горных вершин, которые застывшими скачками падали к зеркалу океана. «Город» виднелся позади как черный силуэт, утопающий в рыжеватом тумане. Роган связался с «Непобедимым», передал астрогатору добытую информацию, в сущности равную нулю, и колонна, по-прежнему соблюдая все меры предосторожности, вернулась в глубь развалин.

По дороге случилось небольшое происшествие. Крайний слева энергобот, вероятно вследствие маленькой ошибки в курсе, слишком расширил радиус силового поля, так что оно коснулось края склонившегося над ними остроконечного сотовидного строения. Излучатель анти-

материи, который кто-то сориентировал на автоматический удар в случае нападения, был подсоединен к указателям потребления мощности поля; внезапный скачок потребления он истолковал как явный признак того, что кто-то пытается проникнуть в силовое поле, и выстрелил в безвинную развалину.

Вся верхняя секция изогнутого строения величиной с земной небоскреб утратила свою грязно-черную окраску, раскалилась и ослепительно засверкала, чтобы в следующую долю секунды превратиться в ливень кипящего металла. Ни одна капля не попала на едущих — огненные струи соскользнули по поверхности невидимого купола, созданного силовым полем, и, прежде чем достигли земли, испарились от жара термической волны. Однако аннигиляция вызвала скачок радиоактивности, счетчики Гейгера автоматически включили сигнал тревоги, и Роган, ругаясь и обещая кости переломать тому, кто так запрограммировал аппаратуру, немало времени потратил на отмену тревоги и на ответ «Непобедимому», который заметил вспышку и немедленно запросил о ее причине.

— Пока мы только всего и знаем, что это металл. Вероятно, сталь с примесью вольфрама и никеля, — сказал Баллмин, который, не смущаясь поднявшейся суматохой, воспользовался случаем и проделал спектроскопический анализ пламени, охватившего развалины.

— Можете вы определить их возраст? — спросил Роган, стряхивая мелкий песок, осевший на руках и на лице.

Скрюченную от жара уцелевшую часть развалин они уже миновали; она висела теперь над пройденной ими дорогой, как сломанное крыло.

— Нет. Могу только сказать, что они чертовски старые. Чертовски старые, — повторил Баллмин.

— Надо исследовать их поближе... И не буду я спра-

шивать разрешения у старика,— добавил Роган с внезапной решимостью.

Они остановились у сложного объекта, состоящего из нескольких сходящихся в центре ответвлений.

Открылась обозначенная двумя ракетами дверца в силовом поле.

Вблизи это совсем уж казалось хаосом. Фронтон постройки состоял из треугольных плит, покрытых проводочными «щетками»; плиты эти подпирались сплетением стержней толщиной с крупную ветвь; снаружи это сплетение еще выглядело в какой-то мере упорядоченным, но в глубине, куда они пытались заглянуть, присвечивая сильными рефлекторами, стержни разветвлялись, расходясь в стороны от толстых узлов, снова сплетались, и все это вместе походило на гигантскую проводочную сетку, в которой лежит бесконечное множество свернутых в клубок и перепутанных кабелей. Искали в них следы электрического тока, поляризации, остаточного магнетизма, наконец, радиоактивности — без малейших результатов.

Зеленые огни, отмечавшие вход в поле, тревожно мерцали. Свистел ветер, потоки воздуха, врываясь в стальную чащобу, сатанински выли.

— Что могут означать эти проклятые джунгли?!

Роган утирал лицо, счищая песок, прилипший к потной коже. Они вдвоем с Балмином стояли на окаймленной невысокими перилами плоской верхушке летающего разведчика, который висел на высоте пятнадцати-восемнадцати метров над «улицей», а точнее — над занесенной песком треугольной площадью среди двух сходящихся развалин. Глубоко внизу виднелись машины и маленькие фигурки людей, которые смотрели вверх, запрокинув головы.

Робот медленно парил над строениями. Теперь они находились над поверхностью, из которой густо торчали

черноватые металлические острия; местами ее прикрывали треугольные плиты, но они не лежали в одной плоскости — отклоняясь вверх или в сторону, позволяли заглянуть в залитое мраком нутро. Переборки, стержни, стенки с сотовидными углублениями переплетались так густо, что туда не мог проникнуть солнечный свет и в них бессильно вязли даже лучи прожекторов.

— Как вы думаете, Баллмин, что это может означать? — повторил Роган.

Он был зол. Лоб, который непрерывно приходилось вытирать, покраснел, кожа болела, глаза жгло. Через несколько минут нужно было передавать очередной рапорт «Непобедимому», а он даже слов не мог найти, чтобы описать то, что увидел.

— Я не ясновидец, — ответил Баллмин. — Я даже не археолог. Думаю, впрочем, что и археолог ничего бы вам не сказал. Кажется мне... — он замолчал.

— Ну, говорите же!

— По-моему, это не похоже на жилые строения. На развалины жилищ каких угодно созданий, понимаете? Если это вообще с чем-либо можно сравнить, так разве что с машиной...

— С машиной, да? Но с какой? С хранилищем информации? С каким-то вариантом электронного мозга?

— Вы, должно быть, и сами в это не верите... — флегматично проговорил планетолог.

Робот сдвинулся в сторону, по-прежнему почти касаясь прутьев, беспорядочно торчащих среди погнутых плит.

— Нет. Не было тут никаких электрических цепей. Где же вы видите ограждения, изоляцию, экранировку?

— Может, они были из горючего материала. Их мог уничтожить огонь. В конце концов, это же развалины, — ответил Роган без особой уверенности.

— Может быть,— неожиданно согласился Баллмин.
— Так что же мне сказать астрогатору?
— Лучше всего покажите ему эту абракадабру прямо по телевидению.

— Это был не город...— вдруг сказал Роган, словно подытожив в уме все, что увидел.

— Вероятно, нет,— поддакнул планетолог.— Во всяком случае, не такой город, какой мы можем вообразить. Не обитали тут ни человекоподобные существа, ни хоть сколько-нибудь на них похожие. А обитатели океана весьма сходны с земными. Значит, было бы вполне логично найти и на суше формы жизни, сходные с нашими.

— Да. Я все время об этом думаю. Никто из биологов не хочет об этом говорить. Что думаете вы?

— Биологи не хотят об этом говорить потому, что история эта смахивает на сказку: дело выглядит так, будто что-то не пустило жизнь на сушу... Будто бы помешало ей вынырнуть из воды...

— Такая причина могла когда-то сработать один раз, например в виде очень близкой вспышки Сверхновой. Ведь вы же знаете, что несколько миллионов лет назад Дзета Лиры была Новой. Может быть, жесткое излучение истребило жизнь на суше, а организмы в глубинах океана уцелели...

— Если б было такое излучение, о котором вы говорите, то и сейчас удалось бы обнаружить его следы. Между тем поверхностная радиоактивность почвы исключительно низка для этих областей Галактики. А кроме того, за эти миллионы лет эволюция снова продвинулась бы вперед; конечно, не было бы никаких позвоночных, только примитивные прибрежные существа. А вы заметили, что берег абсолютно безжизнен?

— Заметил. А это действительно имеет такое значение?

— Решающее. Жизнь возникает прежде всего на прибрежном мелководье и лишь потом спускается в глубины океана. Тут не могло быть иначе. Что-то ее спихнуло вглубь. И думаю, что до сих пор закрывает доступ на сушу.

— Почему?

— Потому, что здешние рыбы боятся зондов. На планетах, которые я знаю, никакие живые существа не боялись аппаратов. Никогда они не боятся того, чего не видели.

— Вы хотите сказать, что они уже видели зонды?

— Не знаю я, что они видели. Но зачем им понадобился орган, воспринимающий магнетизм?

— Что за проклятая история! — пробурчал Роган.

Он смотрел на изодранные металлические фестоны, перегнувшись через перила. Черные кривые концы прутьев вибрировали в струе воздуха, рвущейся из-под робота. Балмин длинными щипцами обломал несколько прутьев.

— Я вам вот что скажу, — произнес он. — Тут даже и не было особенно высокой температуры. Никогда не было, а то металл покрылся бы окалиной. Значит, и ваша гипотеза насчет пожара отпадает.

— Тут никакая гипотеза не устоит, — буркнул Роган. — Да и вообще я не вижу, как можно связать эту полоумную чашобу с гибелью «Кондора». Ведь это же все абсолютно мертво.

— Это не значит, что оно всегда было таким.

— Тысячу лет назад, согласен. Но не восемь... Нечего нам тут больше искать. Вернемся вниз.

Они больше не разговаривали, пока машина опускалась у зеленых сигнальных огней. Роган велел техникам включить телевизионные камеры и передать «Непобедимому» сведения о ситуации.

Сам он уселся в кабине головного вездехода с учены-

ми. Продув крохотное помещение кислородом, они начали есть концентраты, запивая их кофе из термоса. Над их головами сияла круглая трубка светильника. Рогану был приятен ее белый свет. Его уже раздражал красноватый день этой планеты. Баллмин отплевывался — песок, коварно пробравшийся в мундштук маски, во время еды скрипел у него на зубах.

— Это мне кое-что напоминает...— неожиданно проговорил Гралев, завинчивая термос. Его густые черные волосы блестели под светильником.— Я бы вам сказал, но с условием, что вы не примете это слишком всерьез.

— Если это тебе напоминает хоть что-нибудь, и то уже неплохо,— ответил Роган с набитым ртом.— Говори, что же именно.

— Так прямо — ничего. Но я слышал одну историю... собственно, вроде сказку. О лирянах...

— Это не сказка. Они на самом деле существовали. О них имеется целая монография Ахрамяна,— заметил Роган. За спиной Гралева на щите начал пульсировать огонек — сигнал, что включена прямая связь с «Непобедимым».— Пэйн предполагал, что некоторым из них удалось спастись. Но я почти уверен, что это неправда. Они все погибли при вспышке Новой.

— То есть в шестнадцать световых годах отсюда,— сказал Гралев.— Я этой книги Ахрамяна не знаю. Но слышал, не помню даже где, историю, как они пытались спастись. Будто бы высылали корабли на все планеты других звезд, что поблизости от них. Они уже неплохо знали субсветовую астрогацию.

— А дальше что?

— Да, собственно, это все. Шестнадцать световых лет — не слишком-то большое расстояние. Может, какой-нибудь их корабль сел здесь?

— Ты предполагаешь, что они здесь? То есть их потомки?

— Не знаю. Просто я ассоциировал с ними эти руины. Они могли все это построить...

— Как они, собственно, выглядели? — спросил Роган. — Они были человекоподобными?

— Ахрамян считает, что да, — ответил Баллмин. — Но это лишь предположение. От них осталось меньше, чем от австралопитеков.

— Странно...

— Ничуть не странно. Их планета примерно на полтора десятка тысячелетий окунулась в хромосферу Новой. Были периоды, когда температура на ее поверхности превышала десять тысяч градусов. Даже скалистая подпочва претерпела полнейшую метаморфозу. От океанов и следа не осталось, вся планета прожарилась, как кость в огне. Вы только представьте — сотенка веков в пожаре Новой!

— Лиряне, здесь? Но зачем бы им скрываться? И где?

— Может, они уже вымерли? И вообще вы от меня слишком многого не требуйте. Я просто сообщил, что мне пришло в голову.

Настала тишина. На пульте управления вспыхнул сигнал тревоги. Роган вскочил, схватил наушники.

— Роган слушает... Что? Это вы? Да! Да! Слушаю... Сейчас выезжаем! — Он повернул к товарищам побледневшее лицо. — Вторая группа нашла «Кондора»... в трехстах километрах отсюда...

«Кондор»

Издали ракета походила на падающую башню. Это впечатление усиливалось от неравномерности песчаных наносов: с запада они были значительно выше, чем с вос-

тока; очевидно, тут господствовали западные ветры. Несколько тягачей поблизости от ракеты засыпало почти целиком, и даже недвижимый излучатель с поднятой крышкой наполовину ушел в песчаный холм. Но на корме виднелись отверстия дюз — она находилась во впадине, защищенной от ветра. Поэтому стоило сгрести тонкий слой песка, как открылся доступ к предметам, разбросанным у пандуса.

Люди с «Непобедимого» стояли на краю песчаной воронки. Вездеходы уже опоясали широким кругом всю территорию, и испускаемые эмиттерами пучки энергии слились в защитное поле. Транспортеры смыкались вокруг кормы «Кондора».

Пандус корабля не доходил до поверхности метров на пять, словно что-то внезапно приостановило его спуск. Клеть подъемника, однако, стояла прочно, а пустая кабина с открытой дверцей будто приглашала войти. Рядом с ней торчало из песка несколько кислородных баллонов. Их алюминиевые крышки сверкали, будто их только что оставили здесь. Чуть подальше из песчаного холма высывался какой-то голубой предмет, — оказалось, что это пластиковый контейнер. И вообще во впадине валялось множество хаотически разбросанных предметов: консервные банки, целые и вскрытые, теодолиты, фотоаппараты, бинокли, штативы, фляги — одни в целости и сохранности, другие со следами повреждений.

«Ну прямо будто их кто целыми охапками швырял с корабля!» — подумал Роган и, запрокинув голову, посмотрел туда, где темнело отверстие люка: его клапан был приоткрыт.

Маленькая летная разведка под командой Деврие наткнулась на мертвый корабль совершенно случайно. Деврие и не пытался проникнуть внутрь «Кондора», а немедленно уведомил базу. Группа Рогана должна была

раскрыть тайну двойника «Непобедимого». Техники уже бежали от своих машин, неся ящики с инструментами.

Роган заметил под тонким слоем песка какую-то выпуклость, пнул ее носком ботинка, приняв за маленький глобус, и, все еще не понимая, что это такое, вытащил бледно-желтый шар из песка. Он охнул, еле сдержав крик; все обернулись к нему. Роган держал в руках человеческий череп.

Потом они нашли другие кости — их было много, — а также один целый скелет, одетый в комбинезон. Между отвалившейся нижней челюстью и зубами верхней еще лежал мундштук кислородного аппарата, а стрелка манометра остановилась на 46 атмосферах. Став на колени, Ярг отвернул вентиль баллона, и газ хлынул с протяжным шипением. В идеально сухом воздухе пустыни даже след ржавчины не коснулся ни одной из стальных деталей редуктора и винты вращались совсем легко.

Механизм подъемника можно было пустить в ход с нижней платформы, но, видимо, в сети не было тока: на кнопки нажимали безрезультатно. Карабкаться наверх по сорокаметровой ферме лифта было весьма нелегко, и Роган раздумывал, не лучше ли послать наверх несколько человек на летающем роботе. Но тем временем двое техников, связавшись тросом, полезли по наружному переплету клетки. Остальные молча следили за их восхождением.

«Кондор», звездолет в точности того же класса, что и «Непобедимый», всего несколькими годами раньше сошел с верфи, и их силуэты были неразлично похожи. Люди молчали. Хоть никто об этом не говорил, они все же предпочли бы увидеть обломки корабля, разбившегося вследствие какой-то аварии, пускай даже при взрыве реактора. То, что он стоял здесь, утопая в песке пустыни и безжизненно накренившись, словно поверхность подалась

под давлением его кормовых опор, окруженный таким хаосом вещей и человеческих останков и вместе с тем такой с виду целехонький, всех ошеломило.

Техники добрались до люка, без труда откинули клапан и исчезли внутри. Их не было так долго, что Роган начал уже беспокоиться, но тут дрогнул лифт, приподнялся на метр и снова опустился на песок. В отверстии люка появился один из техников: он взмахнул рукой, показывая, что можно ехать.

Роган, Баллмин, биолог Хагеруп и один из техников, Кралик, вчетвером вошли в кабину. Роган по укоренившейся привычке посмотрел на мощную выпуклость корпуса, проплывающую за переплетом клетки, — и остолбенел. Титаново-молибденовые плиты были все не то на сверлены, не то исколоты каким-то ужасающе твердым инструментом; отверстия эти были неглубоки, но до того густо усеивали наружную оболочку корабля, что вся она стала рябой, словно от оспы. Роган тряхнул за плечо Баллмина, но тот и сам уже заметил эту диковину. Оба они уставились на странные отверстия, стараясь получше их разглядеть.

Все дырочки были маленькие, словно выдолбленные острием долота, но Роган знал, что нет такого долота, которое вгрызлось бы в оболочку космического корабля. Этого можно было бы добиться разве что химическим воздействием. Ничего они, однако, выяснить не смогли — кабина остановилась, надо было идти в барокамеру.

Внутри корабль был освещен: техники уже пустили в ход аварийный генератор, работающий на сжатом воздухе. Песок, удивительно мелкий и легкий, лежал толстым слоем лишь у высокого порога: ветер вдул его туда сквозь щель приоткрытого люка. В коридорах его совсем не было. Помещения третьего яруса открывались перед идущими — чистые, опрятные, ярко освещенные; лишь

кое-где лежали второпях брошенные вещи: кислородная маска, пластмассовая тарелка, часть комбинезона. Но так было только на третьем ярусе. Ниже, в картографических и звездных кабинах, в каютах экипажа, на радарных постах, в коридорах — всюду господствовал необъяснимый хаос.

Совсем ужасное зрелище представляла собой центральная рубка. Там не уцелело прямо-таки ни одного стекла — ни в экранах, ни в часах. К тому же стекла во всех аппаратах состояли из массы, не дающей осколков, и какие-то невероятно мощные удары превратили их в серебристый порошок, который покрывал пульта, кресла, даже проводку и контактные гнезда. По соседству, в библиотеке, будто высыпавшись горой из мешка, валялись развернутые, переплетшиеся в большие скользкие клубки микрофильмы, изодранные книги, изломанные циркули, логарифмические линейки, пленки спектральных анализов вперемешку с кипами больших звездных каталогов Камерона, над которыми кто-то особенно глумился, с яростью, но и с непонятым терпением выдирая один за другим их плотные и твердые пластикатовые листы. В клубе и в прилегающем к нему проекционном зале проходы были забаррикадированы горами смятой одежды и кусками распоротой обивки кресел. Все это, как сказал боцман Гернер, выглядело так, будто на ракету напало стадо взбесившихся павианов. Люди, онемев при виде этого разрушения, проходили ярус за ярусом. В малой навигационной каюте лежал у стены скорченный труп человека в полотняных брюках и испачканной рубашке. Кто-то из техников, первым войдя сюда, накрыл труп брезентом. Это была, собственно, мумия с бурой кожей, присохшей к костям.

Роган ушел с «Кондора» одним из последних. Голова у него кружилась, его одолевали приступы тошноты, и он

напрягал всю свою волю, чтобы сдержаться. Ему казалось, что он видел кошмарный, невероятный сон. Но лица окружающих убеждали его, что все это было в действительности. Дали краткую радиограмму на «Непобедимый». Часть экипажа осталась на «Кондоре», чтобы навести там хоть некоторый порядок. Однако Роган велел сначала детально сфотографировать все помещения корабля и составить точные описания, в каком виде они находились.

Возвращались они с Баллмином и Гаарбом, одним из биофизиков. Водителем вездехода был Ярг. Его широкое обычно улыбающееся лицо словно съежилось и потемнело. Многотонная машина двигалась рывками, это было совсем непохоже на обычную плавную езду уравновешенного Ярга: вездеход вихлял между дюнами, выбрасывая в стороны гигантские песчаные фонтаны. Впереди шел безлюдный энергобот, обеспечивая силовую защиту. Все молчали; каждый думал о своем. Роган почти боялся встречи с астрогатором — не знал, что, собственно, ему сказать. Одно из самых ужасных открытий — ужасных своей крайней бессмысленностью — Роган застал. В туалетной восьмого яруса он нашел куски мыла с четкими отпечатками человеческих зубов. А ведь там не могло быть голода; склады были битком набиты почти нетронутыми запасами продовольствия, даже молоко в холодильниках превосходно сохранилось.

На полдороге они приняли радиосигналы какого-то маленького вездехода, мчавшегося им навстречу в облаке пыли. Встретившись, обе машины притормозили. В маленьком вездеходе ехали двое — немолодой уже техник Магдов и нейрофизиолог Сакс. Выяснилось, что после отъезда Рогана и других с «Кондора» в губернаторе обнаружили замороженное человеческое тело. Человека этого, возможно, еще удастся оживить; так что Сакс вез

всю необходимую аппаратуру с «Непобедимого». Роган решил ехать обратно, мотивируя это тем, что машина ученого не имеет силовой защиты. На деле же он обрадовался, что можно отложить разговор с Горпахом. Машина круто развернулась, и они помчались обратно, вздымая песок.

Вокруг «Кондора» оживленно сновали люди. Из песчаных наносов вытаскивали все новые и новые предметы. В стороне под белыми полотнищами в ряд лежали трупы — их было уже больше двадцати. Пандус был спущен, даже стояночный реактор «Кондора» давал уже ток. Их машины заметили издали по облаку пыли и открыли проход в силовое поле. На «Кондор» уже прибыл врач, маленький доктор Нигрен, но он не хотел в одиночку осматривать человека, найденного в гибернаторе.

Роган, пользуясь своими правами — ведь он замещал здесь командира, — пошел вместе с врачами. Обломки мебели и оборудования, которые раньше не давали приблизиться к дверям гибернатора, теперь были убраны. Индикаторы показывали семнадцать градусов холода. Медики, увидев это, переглянулись и ни слова не сказали. Но Роган достаточно знал о гибернации, чтобы понять, что температура эта слишком высока для полной обратной смерти, а для гипотермического сна, наоборот, слишком низка. Непохоже было, что этого человека в гибернаторе специально подготовили к пребыванию в соответствующих условиях — скорее он попал туда случайно, так же непонятно и бессмысленно, как все, что делалось на «Кондоре».

Действительно, когда они оделись в термоскафандры и открыли тяжелую дверь гибернатора, то увидели ничком лежащего на полу человека в одном белье. Роган помог перенести его на маленький мягкий стол под время

бестеневыми лампами,— это был даже не стол, а кушетка для небольших процедур, которые иной раз приходится проводить в гибернаторе.

Роган боялся увидеть лицо этого человека — он ведь знал очень многих из экипажа «Кондора». Но этот был ему незнаком. Если бы его тело не сделалось холодным и твердым, словно лед, могло бы показаться, что он спит. Веки его были сомкнуты, кожа в сухом герметическом помещении даже сохранила естественный цвет, только побледнела. Но подкожную ткань заполняли микроскопические ледяные кристаллы. Врачи опять молча переглянулись. Потом начали готовить свои инструменты. Роган сел на одну из коек. Две длинных их шеренги были аккуратно застланы — в гибернаторе сохранился нормальный безукоризненный порядок.

Несколько раз звякнули инструменты, врачи зашептались, и наконец Сакс, отойдя от стола, сказал:

— Ничего не удастся сделать.

— Умер...— скорее делая единственно возможный вывод из этих слов, чем спрашивая, уронил Роган.

Нигрен тем временем подошел к щиту климатизатора. Вскоре по гибернатору пошла струя теплого воздуха. Роган встал, собираясь уйти, но тут увидел, что Сакс возвращается к столу. Он поднял с пола и открыл небольшую черную сумку — и там оказался тот аппарат, о котором Роган не раз уже слышал, но которого никогда не видел в действии. Сакс весьма спокойно и педантично разматывал провода с плоскими электродами на концах. Приложив шесть электродов к голове умершего, он закрепил их эластичной лентой, потом присел на корточки, вынул из сумки три пары наушников, надел одну из них и, все в той же позе, начал двигать ручку настройки. На его лице с закрытыми глазами появилось выражение предельной сосредоточенности. Вдруг он нахмурился, на-

гнулся еще ниже, придерживая ручку, потом сорвал наушники.

— Коллега Нигрен,— сказал он каким-то странным голосом.

Маленький доктор взял наушники.

— Что? — задыхаясь, дрожащими губами прошептал Роган.

Аппарат этот на палубном жаргоне называли «замогильный фонендоскоп». Если человек умер недавно или если тело не подверглось разложению — как в данном случае, из-за холода,— то можно было этим аппаратом «подслушать» мозг, точнее говоря, то, чем было заполнено сознание в последние минуты.

Аппарат посылал электрические импульсы в глубь черепа; они шли по пути наименьшего сопротивления, то есть по тем нервным волокнам, которые в предагональном периоде образовывали функциональное единство. Результаты никогда не были точными и надежными, но ходили слухи, что несколько раз удалось таким образом получить необычайно важную информацию. В этих обстоятельствах, когда так многое зависело от того, приоткроется ли хоть краешек тайны, окутавшей трагедию «Кондора», применить «замогильный фонендоскоп» было просто необходимо. Роган уже понял, что нейрофизиолог вовсе не рассчитывал на оживление замерзшего человека и приехал, собственно, чтобы поймать передачу из его мозга. Он стоял недвижно, чувствуя странную сухость во рту и тяжелые удары сердца, когда Сакс протянул ему наушники. Если б не простота и натуральность этого жеста, Роган не решился бы их надеть. Но он сделал это под спокойным взглядом темных глаз Сакса, который припал на одно колено у аппарата, осторожно повертывая ручку усилителя.

Сначала он не услышал ничего, кроме слабого гуде-

ния токов, и сразу почувствовал облегчение, потому он ничего и не желал слышать. Он хотел бы, даже не отдавая себе в этом отчета, чтобы мозг этого незнакомого ему человека был нем, как камень. Сакс, поднявшись, поправил наушники у него на голове. Тогда сквозь свет, заливающий белую стену губернатора, Роган увидел серую, словно пеплом засыпанную, затуманенную картину, как бы висящую на неопределенном расстоянии. Он невольно закрыл глаза, и изображение стало почти четким.

Это было нечто вроде прохода где-то внутри корабля с тянущимися по потолку трубами; во всю ширину его загромождали человеческие тела. Казалось, что они движутся, но это мерцало и колыхалось все изображение. Люди лежали полуголые, остатки одежды свисали лохмотьями, а их неестественно белая кожа была покрыта не то черными крапинками, не то какой-то сыпью. Возможно, и это было лишь случайным побочным эффектом, потому что таких же черных точек было полным-полно на полу и на стенах. Вся эта картина, будто нечеткий снимок, сделанный сквозь толстый слой текучей воды, колебалась, растягивалась, съеживалась и мерцала. Охваченный ужасом, Роган внезапно раскрыл глаза; изображение побледнело и почти исчезло, лишь смутной тенью заслоняя яркое сияние ламп. Но Сакс снова коснулся ручки аппарата, и Роган услышал — будто внутри своей головы — слабое нашептыванье: «...аля...ама...ляля...аля...ма...мама...».

И больше ничего. Ток усиления внезапно мяукнул, зажужжал, наполнил наушники не то кукареканьем, не то диким смехом, язвительным и страшным. Но это был уже только ток; просто гетеродин начал генерировать слишком мощные колебания...

Сакс свертывал провода и укладывал их в сумку, а

Нигрен натянул край простыни на лицо мертвеца, сжатые губы которого, возможно под воздействием тепла (в гибернаторе было уже почти жарко, по крайней мере у Рогана пот струился по спине), чуть приоткрылись, будто выражая безграничное изумление. Такими они и исчезли под белым саваном.

— Скажите что-нибудь... Почему вы ничего не говорите?! — взорвался Роган.

Сакс затянул ремешки на сумке, встал и приблизился к нему.

— Спокойней, навигатор...

Роган зажмурился, сжал кулаки, напрягся изо всех сил, но безрезультатно. Как всегда в такие минуты, им овладела ярость и с ней очень трудно было справиться.

— Простите... — пробормотал он. — Так что же, собственно, это значит?

Сакс расстегнул и сбросил на пол слишком свободный скафандр и перестал казаться рослым и крепким — снова стал худым сутулым человеком с узкой грудью, с тонкими нервными руками.

— Я знаю не больше вашего, — сказал он. — А может, и меньше.

Роган ничего не понял, но ухватился за его последние слова:

— То есть почему меньше?

— Потому что меня здесь не было — я не видел ничего, кроме этого трупа. Вы тут были с утра. Это изображение вам ничего не говорит?

— Нет. Они... они шевелились. Они тогда еще были живы? И что на них такое было? Эти пятнышки...

— Они не шевелились. Это оптическая иллюзия. Энграммы фиксируются так же, как фотографии. Иногда получается сдвиг — образы налагаются друг на друга. В данном случае этого не было.

— А эти пятнышки? Тоже оптическая иллюзия?

— Не знаю. Все возможно. Но кажется мне, что нет. Вы как считаете, Нигрен?

Маленький доктор уже освободился от скафандра.

— Не знаю,— сказал он.— Может, это и не был артефакт. На потолке их не было, правда?

— Этих пятнышек? Нет. Только на них... и на полу. И на стенах...

— Если бы это накладывалась другая проекция, они, вероятно, покрывали бы все изображение,— сказал Нигрен.— Но это не наверняка. Слишком много случайностей в таких фиксациях...

— А голос? Это... это бормотание? — с отчаянием допытывался Роган.

— Одно слово произносилось отчетливо: «мама». Вы это слышали?

— Да. Но там было еще что-то. «Аля...ляля...» — это повторялось...

— Повторялось потому, что я обшарил всю теменную область коры,— проворчал Сакс.— Это означает: всю зону слуховой памяти,— пояснил он Рогану.— Это и есть самое необычное...

— Эти слова?

— Нет. Не эти слова. Умиравший может думать о чем угодно; если б он думал о матери, это было бы даже абсолютно нормально. Но его слуховая память пуста. Совершенно пуста, понимаете?

— Нет. Ничего не понимаю. Как это — пуста?

— Сканирование теменных слоев обычно не дает результатов,— объяснил Нигрен.— Там слишком много энграмм, слишком много зафиксированных слов. Получается так, будто пытаешься читать сто книг сразу. Хаос. А у него,— он поглядел на тело, прикрытое простыней,—

у него там ничего не было. Никаких слов, кроме вот этих нескольких слогов.

— Да. Я проходил от сенсорного центра речи до самого sulcus Rolandi,— сказал Сакс.— Потому эти слоги и повторялись: это были единственные уцелевшие фонетические структуры.

— А остальные? А другие?

— Нету их,— Сакс, будто теряя терпение, рывком поднял тяжелый аппарат — даже кожаная ручка футляра закрипела.— Просто нет их, и все. Не спрашивайте меня, что с ними случилось. Этот человек полностью потерял слуховую память.

— А эта картина?

— Это дело другое. Он видел это. Мог даже не понимать, что видит, но фотоаппарат тоже ничего не понимает, однако фиксирует то, на что его нацелишь. Впрочем, не знаю, понимал он или нет... Вы мне поможете, коллега?

Врачи ушли, таща аппараты. Дверь закрылась. Роган остался один. И тут его охватило такое отчаяние, что он подошел к столу, отбросил покрывало и, расстегнув рубашку мертвеца — она оттаяла и стала уже совсем мягкой,— внимательно осмотрел его грудь. Он вздрогнул, прикоснувшись к телу,— кожа стала эластичной; ткани оттаивали, мышцы при этом расслаблялись, голова, прежде неестественно приподнятая, безвольно откинулась, словно этот человек и вправду спал.

Роган искал на его теле следов какой-нибудь загадочной эпидемии, отравления, укусов, но не нашел ничего. Два пальца левой руки разомкнулись, открывая маленькую ранку. Ее края слегка зияли; она начала кровоточить. Красные капли падали на белую пенопластовую крышку стола. Это уж оказалось не по силам Рогану. Даже не закрыв мертвеца саваном, он выбежал из губернатора и кинулся, расталкивая столпившихся в корн-

доре людей, к выходу, словно его что-то преследовало.

Ярг задержал его у барокамеры, помог надеть кислородный прибор, даже мундштук сунул ему в губы.

— Ничего не известно, навигатор?

— Нет, Ярг. Ничего. Ничего!

Он не замечал, с кем спускается вниз в кабине подъемника. Двигатели машин были на холостом ходу. Ветер усилился, и песчаные вихри неслись, хлеща шершавую, изъязвленную оболочку ракеты. Роган совсем забыл об этой странной истории с оболочкой. Он подошел к корме и, став на цыпочки, коснулся плотного металла кончиками пальцев. Броня была похожа на утес — именно на поверхность очень старого выветрившегося утеса, всю в твердых бугорках, неровную. Он видел между вездеходами высокую фигуру инженера Ганонга, но даже и не попытался спросить, что он думает об этом феномене. Инженер знал не больше, чем он. То есть ничего. Ничего.

Он возвращался вместе с дюжиной людей, сидя в углу кабины на самом большом вездеходе. Слово из далекой дали слышал их голоса. Боцман Тернер заговорил что-то об отравлении, но все на него обрушилось:

— Отравление? Чем? Все фильтры в идеальном состоянии! В резервуарах полным-полно кислорода. Запасы воды нетронуты... Еды вдосталь...

— Видали, как выглядел тот, кого мы нашли в малой навигационной? — спросил Бланк. — Я с ним был знаком... нипочем бы его не узнал, но у него был такой перстень с печаткой...

Никто ему не ответил.

Вернувшись на базу, Роган отправился прямо к Горпаху. Тот уже ориентировался в ситуации благодаря телевизионным передачам и рапортам ранее вернувшейся группы, которая вдобавок привезла несколько сотен снимков. Роган почувствовал невольное облегчение, поняв, что

может не отчитываться перед командиром о своих наблюдениях.

Астрогатор внимательно пригляделся к нему, встав из-за стола, где кипы фотографий громоздились на карте окрестностей. Они были одни в большой навигационной каюте.

— Возьмите себя в руки, Роган,— сказал он.— Я понимаю, что вы переживаете, но нам прежде всего необходимо благоразумие. И самообладание. Нам надо добраться до сути этой сумасшедшей истории.

— У них были все средства защиты — энергоботы, лазеры, излучатели. Главный антимагнит стоит у самого корабля. У них было то же, что есть у нас,— бесцветным голосом проговорил Роган. Он вдруг сел.— Извините... — тихо сказал он.

Астрогатор вынул из стенного шкафчика бутылку коньяка.

— Старое средство, иногда годится. Выпейте это, Роган. Раньше его применяли на полях сражений.

Роган молча глотнул жгучую жидкость.

— Я проверил сборные счетчики всех агрегатов мощности,— сказал он таким тоном, словно жаловался.— На них никто не нападал. Они даже ни разу не стреляли. Просто... просто...

— Они сошли с ума? — спокойно подсказал астрогатор.

— Хотел бы я хоть в этом удостовериться. Но как это возможно?

— Вы видели бортовой журнал?

— Нет. Гаарб его увез. Он у вас?

— Да. После даты посадки там всего четыре записи. Они касаются тех руин, которые вы исследовали, и... «мушек».

— Не понимаю. Каких мушек?

— Этого я не знаю. Дословно эта запись звучит так... — Он взял со стола открытый бортжурнал. — «Никаких признаков жизни на суше. Состав атмосферы...» — ну, это данные анализов... А, вот тут: «В 18.40 второй разведывательный отряд на вездеходах, возвращаясь из развалин, попал в локальную песчаную бурю со значительной активностью атмосферных разрядов. Радиосвязь удалось наладить, несмотря на помехи. Отряд сообщает, что обнаружено значительное количество мушек, появляющихся...».

Астрогатор замолчал и отложил журнал.

— А дальше? Что же вы не дочитываете?

— Это, собственно, и есть конец. На этом обрывается последняя запись.

— И больше ничего нет?

— Остальное можете посмотреть.

Он придвинул к Рогану открытую страницу. Она была исчерчена неразборчивыми каракулями. Роган расширенными глазами вглядывался в хаос пересекающихся линий.

— Тут вроде буква «б»... — сказал он тихо.

— Да. А здесь «Г». Большое «Г». Совсем будто бы маленький ребенок писал... Вам не кажется?

Роган молчал, держа пустой стакан в руке — он забыл его поставить. Он подумал о недавних своих честолюбивых замыслах: ведь он мечтал о том, чтобы командовать «Непобедимым», а сейчас благодарил судьбу, что не ему придется решать дальнейшую участь экспедиции.

— Вызовите руководителей специализированных групп. Роган! Очнитесь!

— Извините. Совещание будет?

— Да. Пускай все собираются в библиотеке.

Через четверть часа все уже сидели в большом квадратном зале с цветными эмалированными стенами, за ко-

торами помещались книги и микрофильмы. Пожалуй, больше всего угнетало это жуткое сходство помещений «Кондора» и «Непобедимого». Все понятно, это были корабли-близнецы, но Роган, в какой бы угол ни глянул, не мог отделаться от сумасшедших картин, въевшихся в память.

У каждого человека тут было свое постоянное место. Биолог, врач, планетолог, инженеры-электронщики и связисты, кибернетики и физики сидели в расставленных полукругом креслах. Эти девятнадцать человек составляли стратегический мозг корабля.

Астрогатор отдельно от всех стоял под полуспущенным белым экраном.

— Все присутствующие ознакомились с ситуацией на «Кондоре»?

Все хором ответили утвердительно.

— До сего времени, — сказал Горпах, — группы, работающие возле «Кондора», обнаружили двадцать девять трупов. На самом корабле их обнаружено тридцать четыре, в том числе один идеально сохранившийся благодаря замораживанию в гибернаторе. Доктор Нигрен, который только что вернулся оттуда, доложит нам...

— Я мало что могу сказать, — вставая, произнес маленький доктор и медленно подошел к астрогатору; он был на голову ниже Горпах. — Мы нашли всего девять мумифицированных трупов. Кроме того, о котором упомянул командир и который будет исследоваться особо. Остальные — это скелеты или части скелетов, извлеченные из песка. Мумификация происходила только внутри корабля, где имелись благоприятные для нее условия: очень низкая влажность воздуха, практическое отсутствие гнилостных бактерий и не слишком высокая температура. Тела, находившиеся на открытом пространстве, подверглись разложению, которое усиливалось в периоды дож-

дей, поскольку в здешнем песке содержится значительный процент окислов и сульфидов железа, реагирующих со слабыми кислотами... Впрочем, думаю, что эти детали несущественны. Если понадобится подробное описание данных реакций, то это можно будет поручить коллегам химикам. Во всяком случае, в этих условиях мумификация не могла происходить, тем более что тут присоединялось воздействие воды и растворенных в ней веществ, а также воздействие песка на протяжении нескольких лет. Последним объясняется отполированность костной поверхности...

— Простите,— прервал его астрогатор.— Доктор, в данный момент наиболее важна причина гибели этих людей.

— Нет никаких признаков насильственной смерти, по крайней мере на телах, наиболее сохранившихся — заявил врач; он ни на кого не смотрел и, поднеся руку к глазам, казалось, изучал нечто невидимое.— Картина такова, будто они умерли естественной смертью.

— То есть?

— Без внешних насильственных воздействий. Некоторые длинные кости, найденные отдельно, переломаны, но такие повреждения могли появиться позже. Чтобы уточнить это, нужны длительные исследования. У наиболее сохранившихся трупов не повреждены ни скелеты, ни кожные покровы. Никаких ран, если не считать мелких царапин, которые наверняка не могли быть причиной смерти.

— Так от чего же они погибли?

— Этого я не знаю. Можно подумать, что с голоду или от жажды...

— Запасы воды и продовольствия там не использованы,— с места сказал Гаарб.

— Об этом я знаю.

С минуту все молчали.

— Мумификация представляет собой прежде всего обезвоживание организма,— пояснил Нигрен; он по-прежнему ни на кого не смотрел.— Жировые ткани подвергаются при этом изменениям, но их можно обнаружить. Так вот... у этих людей они практически отсутствовали. Именно как после длительного голодания.

— Но у того, что в гибернаторе, они были,— бросил Роган, стоя за последним рядом кресел.

— Это правильно. Но он, вероятно, умер от замерзания. Очевидно, каким-то образом попал в гибернатор; может быть, попросту заснул, когда температура снижалась.

— Допускаете вы возможность массового отравления? — спросил Горпах.

— Нет.

— Но, доктор... нельзя же так категорически...

— Могу это объяснить,— ответил врач.— Отравление в планетарных условиях возможно либо через легкие при вдыхании газов, либо через пищеварительный тракт, либо через кожу. На одном из наиболее сохранившихся трупов был надет кислородный аппарат. В баллоне имелся кислород. Его хватило бы на несколько часов.

«Это правда»,— подумал Роган. Он вспомнил этого человека — клочки побуревшей кожи на черепе и скулах, глазницы, из которых сыпался песок.

— Люди эти не могли съесть ничего ядовитого, потому что тут вообще нет ничего съедобного. То есть на суше. А никакой ловли в океане они не предпринимали. Катастрофа наступила вскоре после посадки. Они успели всего только послать разведку в руины. И это было все. Впрочем, вот и Мак Минн. Коллега, вы уже закончили?

— Да,— с порога ответил биохимик.

Все повернулись к нему. Он прошел между креслами

и стал рядом с Нигреном. На нем был длинный лабораторный фартук.

— Вы проделали анализы?

— Да.

— Доктор Мак Минн исследовал тело человека, найденного в гибернаторе,— пояснил Нигрен.— Может, вы сразу скажете, что обнаружили?

— Ничего,— сказал Мак Минн.

Волосы у него были до того светлые, что их можно было принять за седые, и глаза такие же светлые. Крупные веснушки пестрели у него даже на веках. Но сейчас его длинное лошадиное лицо никому не казалось смешным.

— Никаких ядов, органических или неорганических. Все энзимные группы тканей в нормальном состоянии. Кровь в норме. В желудке — остатки переваренных сухарей и концентратов.

— Так как же он погиб? — спросил Горпах; он был по-прежнему спокоен.

— Попросту замерз,— ответил Мак Минн и лишь теперь заметил, что на нем фартук; он расстегнул пряжки и бросил фартук на пустое кресло — скользкая ткань сползла на пол.

— Каково же ваше мнение? — неотступно допытывался астрогатор.

— Нет у меня никакого мнения,— сказал Мак Минн.— Могу только сказать, что эти люди не подверглись отравлению.

— Может, какое-нибудь быстро распадающееся радиоактивное вещество? Или жесткое излучение?

— Жесткое излучение в смертельных дозах оставляет следы: кровоизлияния, петехии, изменения в картине крови. Здесь таких изменений нет. И не существует в природе такого радиоактивного вещества, смертельная доза ко-

торого могла бы через восемь лет бесследно исчезнуть из организма. Здешний уровень радиоактивности ниже земного. Эти люди не соприкасались ни с каким видом радиации. За это я могу поручиться.

— Но ведь убило же их что-то! — повысил голос Баллмин.

Мак Минн молчал. Нигрен тихо сказал ему что-то. Биохимик кивнул и вышел, обходя ряды сидящих. Нигрен тоже сошел с возвышения и уселся на прежнее свое место.

— Дела выглядят не блестяще, — сказал астрогатор. — Во всяком случае, от биологов нам помощи ждать нечего. Кто-нибудь хочет высказаться?

— Да.

Встал Сарнер, физик-атомник.

— Объяснение гибели «Кондора» находится в нем самом, — сказал он и посмотрел на всех своими глазами дальнозоркой птицы; при черных волосах глаза у него были светлые, чуть ли не белые. — То есть оно там имеется, но мы пока не можем его заметить и расшифровать. Хаос в помещениях, нетронутые запасы, положение и размещение трупов, повреждения вещей и аппаратуры — все это что-то означает...

— Если вам больше нечего сказать... — неодобрительно бросил Гаарб.

— Терпение. Мы оказались в потемках. Приходится искать какой-то путь. Пока мы знаем очень мало. У меня такое впечатление, что нам просто не хватает мужества припомнить некоторые вещи, замеченные нами на «Кондоре». Поэтому мы так упорно возвращаемся к гипотезе отравления и вызванного им массового помешательства. Однако в своих собственных интересах — и ради тех, на «Кондоре», — мы должны изучить безоговорочно все факты. Прошу, а вернее категорически предлагаю, чтобы

каждый из нас рассказал тут же, сейчас, о том, что больше всего потрясло его на «Кондоре». О чем он никому не сказал. О чем подумал, что нужно это забыть.

Сарнер сел. Роган после недолгой внутренней борьбы рассказал о тех кусках мыла, которые заметил в туалете.

Потом встал Гралев: под грудями изодранных карт и книг всюду были засохшие экскременты.

Еще кто-то рассказал о консервной банке с отпечатками зубов — будто пытались разгрызть металл. Гаарба особенно поразили каракули в бортовом журнале и упоминание о «мушках». Он не ограничился этим:

— Допустим, что из этого тектонического разлома в «городе» вырвалась волна ядовитого газа и ветер принес ее к ракете. Если вследствие неосторожности люк остался приоткрытым...

— Приоткрыт был только наружный люк, коллега Гаарб. Об этом говорит песок в барокамере. Внутренний был закрыт.

— Его могли закрыть потом, когда уже начали ощущать отравляющее действие газа...

— Но ведь это же невозможно, Гаарб. Внутренний люк не откроется, пока наружный открыт. Они открываются попеременно, это исключает всякую неосторожность или небрежность...

— Но одно не подлежит сомнению — что это случилось внезапно. Массовое помешательство... Я уж не говорю о том, что случаи психоза бывают во время полета, в пустоте, а не на планетах, да еще буквально через несколько часов после посадки. А массовое помешательство, охватившее весь экипаж, могло быть только результатом отравления...

— Или того, что они впали в детство,— проговорил Сарнер.

— Как? Что вы говорите? — ошолбенел Гаарб.— Или это... шутка?

— Я в такой ситуации не стал бы шутить. Я сказал о впадении в детство потому, что никто об этом не говорил. Однако же эта пачкотня в бортжурнале, эти изодранные книги, звездные атласы, эти с трудом нацарапанные буквы... ну, вы же их видели!

— Но что это значит? — спросил Нигрен.— Вы думаете, что все это — определенное заболевание?

— Нет. Такого, кажется, и не существует. Верно, доктор?

— Наверняка нет.

Снова наступило молчание. Астрогатор колебался.

— Это может толкнуть нас на неверный путь. Результаты некроптических прослушиваний всегда неопределенны. Но я уж и не знаю, может ли нам теперь что-нибудь еще больше навредить... Доктор Сакс...

Нейрофизиолог описал изображение, полученное из мозга человека в гибернаторе, и, конечно, сказал о слогах, оставшихся в его слуховой памяти. Это вызвало прямо-таки бурю вопросов; их перекрестным огнем задело и Рогана, поскольку он тоже принимал участие в эксперименте. Но все это ни к чему не привело.

— Эти черные крапинки ассоциируются с «мушками»... — сказал Гаарб.— Постойте-ка. А может, причины смерти были разные? Допустим, на экипаж напали какие-то ядовитые насекомые — в конце концов, невозможно обнаружить следы мелких укусов на мумифицированной коже. А тот, кого нашли в гибернаторе, просто постарался укрыться от этих насекомых, чтобы избежать судьбы товарищей... и замерз.

— Но откуда у него взялась амнезия перед смертью?

— Это потеря памяти, да? А это удалось совершенно точно установить?

— Постольку, поскольку вообще можно считать точными некроптические исследования.

— Так что же вы скажете о гипотезе насчет насекомых?

— По этому вопросу пускай выскажется Лауда.

Лауда был главным палеобиологом корабля; он стоял, ожидая, пока все утихомирится.

— Мы не случайно вообще не говорили о так называемых «мушках». Каждый, кто хоть немного ориентируется в биологии, знает, что никакие организмы не могут существовать вне определенного биотопа, то есть доминирующего комплекса, который образует среда и все существующие в ней виды живого. Так обстоит во всем исследованном космосе. Жизнь либо создает громадное разнообразие форм, либо вообще не возникает. Насекомые не могли появиться без одновременного развития наземных растений, других организмов, беспозвоночных и так далее. Я вам не буду излагать общую теорию эволюции — думаю, достаточно будет заверить вас, что это невозможно. Нет тут никаких ядовитых мух и никаких иных членистоногих — насекомых, многоножек либо паукообразных. И никаких родственных им форм.

— Но нельзя же утверждать это с такой уверенностью! — закричал Баллмин.

— Будь вы моим учеником, Баллмин, не попали бы вы на этот корабль, потому что провалились бы у меня на экзамене — невозмутимо произнес палеобиолог, и все невольно усмехнулись. — Не знаю, как у вас насчет планетологии, а по эволюционной биологии — неудовлетворительно!

— Получается уже типичная распря специалистов... стоит ли время на это тратить? — шепнул кто-то за спиной у Рогана.

— Но ведь, может быть, эти насекомые не здешнего

происхождения! — упорствовал Баллмин. — Может, их привезли откуда-нибудь...

— Откуда?

— С планет Новой.

Тут заговорили все вместе. Не сразу удалось водворить спокойствие.

— Коллеги! — сказал Сарнер. — Я знаю, откуда позаимствовал свою идею Баллмин. Из рассказа Гралева о лирянах.

— Что поделаешь — не отрицаю авторства, — бросил физик.

— Отлично. Допустим, что на такую роскошь, как правдоподобные гипотезы, нам уже нечего рассчитывать. Что нам нужны гипотезы сумасшедшие. Пускай даже так. Коллеги биологи! Допустим, что какой-то корабль с планет Новой привез сюда тамошних насекомых. Могли бы они приспособиться к местным условиям?

— Если гипотеза должна быть сумасшедшей, то могли бы, — со своего места ответил Лауда. — Но даже сумасшедшая гипотеза должна объяснять все.

— То есть?

— То есть она должна объяснить, что изъело всю наружную оболочку «Кондора» и вдобавок до такой степени, что, как мне говорили инженеры, корабль вообще не сможет лететь, пока его не отремонтируют весьма основательно. Или, может, вы думаете, что какие-то насекомые приспособились к потреблению молибденового сплава? Это одно из самых твердых веществ во всем космосе. Коллега Петерсен, чем можно пробрать такую оболочку?

— Если она соответствует кондициям, то, собственно, ничем, — ответил заместитель главного инженера. — Можно ее слегка насверлить алмазами, но и на это потребуется чуть ли не тонна сверл и тысяча часов времени. Уж скорее кислотами. Но кислотами неорганическими, и они

должны были бы действовать при температуре самое меньшее две тысячи градусов и при участии соответствующих катализаторов.

— А что, по-вашему, изъело броню «Кондора»?

— Понятия не имею. Он бы мог так выглядеть, если б сидел в кислотной ванне при соответствующем нагреве. Но как это было сделано без плазменных дуг и без катализаторов, этого я себе не могу представить.

— Вот вам и ваши «мушки», коллега Баллмин! — сказал Лауда.

— Думаю, что нет смысла продолжать дискуссию, — заговорил долго молчавший астрогатор. — Может, рано было ее начинать. Ничего нам не остается, кроме как проводить исследования. Разделимся на три группы. Одна займется руинами, другая — «Кондором», а третья совершит несколько вылазок в глубь западной пустыни. Это максимум возможного, потому что если даже пустят в ход некоторые механизмы «Кондора», я не могу снять с охраны «Непобедимого» больше чем четырнадцать энергобо-тов, а третья степень по-прежнему необходима...

Первый

Гнетущая, скользкая чернота окружала его отовсюду. Он задыхался. Отчаянно силился оттолкнуть словно бы невесомые обвивающие его спирали, проваливался все глубже, с криком, завязшим в раздутом горле, напрасно искал оружие. Он был наг и беспомощен, в последний раз напряг все силы, чтобы крикнуть...

Оглушающий звон вырвал его из сна. Роган вскочил с койки, сознавая лишь одно — что его окружает тьма, в которой неумолчно звенит сигнал тревоги. Это уже не был кошмарный сон. Роган включил свет, натянул комбинезон и побежал к лифту. На всех ярусах у дверцы

лифта толпились люди. Отовсюду неслись протяжные звуки сигналов, красные надписи «Тревога!» пылали на стенах...

Роган вбежал в рулевую рубку. Астрогатор, аккуратно одетый, словно днем, стоял у центрального экрана.

— Я уже отменил тревогу, — спокойно сказал он. — Это только дождь, Роган, но вы посмотрите. Очень красивое зрелище.

Действительно, экран, на котором видна была верхняя часть ночного неба, сверкал бесчисленными искрами разрядов. Капли дождя, падая с высоты, ударялись о невидимую преграду силового поля, накрывающую «Непобедимый», словно гигантская опрокинутая чаша, и, мгновенно превращаясь в микроскопические огненные взрывы, озаряли все вокруг мерцающим светом, похожим на стократно усиленное северное сияние.

— Надо бы получше запрограммировать автоматы... — тихо сказал Роган, совсем уже очнувшись; спать ему расхотелось. — Придется мне сказать Тернеру, чтобы он не включал аннигиляцию. А то какая-нибудь горстка песка, принесенная ветром, станет будить нас среди ночи...

— Допустим, что это была пробная тревога. Вроде маневров, — возразил астрогатор, который, по-видимому, был в неожиданно хорошем настроении. — Сейчас четыре. Можете вернуться к себе, Роган.

— Правду говоря, неохота. Может, вы?

— Я уже выспался. Мне хватает четырех часов. Через шестнадцать лет в космосе ритм сна и бодрствования уже не имеет ничего общего с прежним земным ритмом. Я раздумывал над тем, как получше застраховать исследовательские группы. Это ведь довольно хлопотно — тащить всюду энергоботы и разворачивать силовые прикрития. Что вы об этом думаете?

— Можно выдать людям индивидуальные эмиттеры. Но этим тоже всего не решишь. Человек в силовом пузыре ни к чему притронуться не может... Ну, вы знаете, как это бывает. А если слишком сократишь радиус силовой защиты, так и сам рискуешь обгореть. Я уж такое видал.

— Я даже и о том думал, чтобы никого не пускать на разведку и пользоваться роботами с дистанционным управлением, — признался астрогатор. — Однако это годится на несколько часов, на один день, а похоже, что мы тут пробудем подольше...

— Так что же вы собираетесь делать?

— Каждая группа будет иметь исходную базу, прикрытую силовым полем, но отдельные исследователи должны получить известную свободу действий. Иначе мы так основательно защитим себя от несчастных случаев, что ничего не выясним. Необходимое условие таково: за каждым, кто работает вне силового поля, идет защищенный человек, который наблюдает за его действиями. Не исчезать с глаз — это первое правило на Регис III.

— Куда вы меня назначите?

— Вы хотели бы работать на «Кондоре»?.. Вижу, что нет. Ладно. Остается город либо пустыня. Можете выбирать.

— Я выбираю город. Мне все кажется, что тайна скрыта именно там...

— Возможно. Значит, завтра — собственно, сегодня: ведь уже светает — вы берете свою вчерашнюю команду. Я вам добавлю еще пару арктанов. Ручных лазеров тоже стоит прихватить немного: у меня такое впечатление, что «это» действует на небольшом расстоянии.

— Что «это»?

— Если б я знал... Да! И кухню тоже возьмите, чтобы совершенно от нас не зависеть и в случае надобности работать без постоянной доставки с корабля...

Красное, почти не греющее солнце уходило за черту горизонта. Тени гротескных строений удлинялись и сливались. Ветер все перегонял с места на место песчаные волны среди металлических пирамид. Роган сидел на крыше тяжелого вездехода и в бинокль смотрел на Гралева и Хена, которые за границей силового поля рылись у подножия черноватого «пчелиного сота». Ремень, на котором висел ручной лазер, наминал шею. Роган передвинул его как можно дальше назад, не отводя глаз от товарищей. Плазменная горелка в руке Хена сверкала, как маленький ослепительный бриллиант. Внутри вездехода послышался ритмически повторяющийся сигнал вызова, но Роган даже головы не повернул. Он слышал, как водитель отвечает базе.

— Навигатор! Приказ командира! Мы должны немедленно возвращаться! — возбужденно крикнул Ярг, высывая голову из люка башенки.

— Возвращаться? Почему?

— Не знаю. Они все время повторяют сигнал немедленного возвращения и четыре раза ЭВ.

— ЭВ?! Ох, все кости у меня одеревенели! Это означает, что нужно поторопиться. Дай мне сюда микрофон и зажги сигнальные огни.

Через десять минут все работавшие вне поля сидели уже в машинах. Роган повел свою маленькую колонну с максимальной быстротой, какая была возможна на холмистой местности. Бланк, выполнявший сейчас при нем обязанности связиста, вдруг протянул ему наушники. Роган спустился вниз, в металлическое нутро, пахнущее нагретым пластиком, и, сидя под ветерком из вентилятора, шевелившим ему волосы, слушал, как группа Галлахера, работающая в западной пустыне, обменивается сигналами с «Непобедимым». Похоже было, что надвигается буря. Барометры уже с утра показывали, что

давление падает, но лишь сейчас из-за горизонта вылезли темно-синие плоские тучи. Над ними небо было чистое. На нехватку атмосферных помех жаловаться не приходилось — в наушниках так трещало, что связь шла только морзянкой. Роган ловил группы условных сигналов. Включился он слишком поздно и не мог понять, о чем идет речь. Понял только, что группа Галлахера тоже полным ходом возвращается на базу, а на корабле объявлена готовность, и всех врачей вызвали на посты.

— Медицинская готовность, — сказал он Баллмину и Гралеву, которые выжидающе глядели на него. — Какой-нибудь несчастный случай. Но, наверно, ничего особенного. Может, обвал случился, кого-нибудь засыпало...

Он говорил так потому, что люди Галлахера должны были заняться геологическими раскопками в месте, установленном предварительной разведкой. По правде говоря, сам он не верил, что произошел просто обыкновенный несчастный случай во время работы.

От базы их отделяло всего шесть километров, но группа Галлахера, видимо, двинулась к базе несколько раньше: в тот момент, когда показался темный вертикальный силуэт корабля, они пересекли совершенно свежие следы гусениц, а при таком ветре следы исчезли бы меньше чем за полчаса.

Они приблизились к внешней границе поля и начали сигнализировать, чтобы открыли проход. Пришлось невероятно долго ждать, прежде чем им ответили. Наконец вспыхнули условные огни, и колонна вошла в зону силового поля.

Группа с «Кондора» была уже здесь. Значит, это ее впустили перед ними, а не геологов Галлахера. Стояли вездеходы — одни у пандуса, другие — поперек дороги, беспорядок был полнейший, бежали люди, по колени увязая в песке, автоматы поблескивали фонариками. Уже смеркалось. С минуту Роган не мог разобраться в этом

хаосе. Вдруг в высоте вспыхнул слепяще белый световой столб. Большой прожектор сделал «Непобедимого» похожим на гигантский морской маяк. Он выискал далеко в пустыне колонну огоньков, колыхавшихся то вверх, то вниз, то в стороны, будто приближалась какая-то флотилия. Снова засверкали огни, указывая проход в силовое поле. Машины еще не успели остановиться, а сидевшие в них люди Галлахера уже спрыгивали в песок, от пандуса катился на колесах другой прожектор, сквозь ряды сгрудившихся машин шла группа людей, окружая носилки, на которых кто-то лежал.

Роган растолкал стоявших перед ним в тот момент, когда носилки проносили мимо него, — и остолбенел. В первое мгновение он еще думал, что действительно произошел несчастный случай, но у человека на носилках были связаны руки и ноги.

Дергаясь всем телом так, что скрипели веревки, которыми он был связан, и широко раскрыв рот, человек издавал какой-то странный скулящий вой. Группа с носилками ушла вперед, продвигаясь в световом пятне прожектора, а до Рогана, стоящего в темноте, все еще доносилось это нечеловеческое скулящее завывание. Белое пятно света сдвигающимися в нем фигурками людей все уменьшалось, поднимаясь по пандусу, и остановилось на широко зияющем отверстии грузового люка. Роган начал допытываться, что случилось, но кругом были люди из группы «Кондора», которые знали не больше его самого.

Прошло немало времени, прежде чем Роган опомнился и навел хоть некоторый порядок. Вереница машин пошла вверх по пандусу, осветился лифт, толпа, теснящаяся возле него, стала таять; наконец и Роган одним из последних поднялся вверх, вместе с тяжело навьюченными арктанами, спокойствие которых казалось ему коварнейшей насмешкой.

Внутри ракеты протяжно звенели информаторы и внутренние телефоны, на стенах все еще горели сигналы, вызывающие врачей по тревоге, но вскоре они погасли. Коридоры постепенно пустели, часть экипажа спускалась вниз, в кают-компанию. Роган слышал разговоры и шаги в коридорах; какой-то опоздавший арктан тяжело шагнул, направляясь к отсеку роботов. Наконец все разошлись, а Роган стоял один, будто парализованный, словно утратив надежду понять, что происходит, и уверившись, что никакого объяснения этому нет и быть не может.

— Роган!

Роган вздрогнул. Этот окрик привел его в себя. Перед ним стоял Гаарб.

— Это вы? Гаарб... вы видели? Кто это был?

— Кертелен.

— Что?! Это невозможно...

— Я видел его почти до самого конца...

— До какого конца?

— Я был с ним вместе, — неестественно спокойно произнес Гаарб.

— Исследовательская группа в пустыне?... — еле выговорил Роган.

— Да.

— И что же с ним случилось?

— Галлахер избрал это место на основании сейсмических зондирований... Мы попали в лабиринт неглубоких извилистых ущелий, — медленно говорил Гаарб, словно не к нему обращаясь, а просто силясь припомнить очередность событий. — Там мягкие породы органического происхождения, изрытые водой, масса гротов, пещер... вездеходы пришлось оставить наверху... Мы шли, держась вместе, было нас одиннадцать человек. Феррометры показывали наличие железа в большом количест-

ве; мы его искали. Кертелен думал, что там где-то запрятаны какие-то машины.

— Да, мне он тоже говорил нечто подобное... И что же было дальше?

— В одной из пещер, совсем неглубоко, под натеками, — там есть даже сталактиты и сталагмиты, — он нашел что-то вроде автомата.

— В самом деле?

— Нет, это не то, что вы думаете. Совершеннейшая рухлядь, съеден даже не ржавчиной — это какой-то не ржавеющий сплав, — но коррозией, полуистлевший, ну попросту обломки.

— Но, может, другие...

— Да ведь этому автомату по меньшей мере триста тысяч лет.

— Почему вы знаете?

— Потому что на нем оседал известняк, по мере того как испарялась вода, капающая со сталактитов. Галлахер сам проделал примерные расчеты, исходя из скорости испарения, образования осадка и толщины его слоя. Триста тысяч лет — это по самым заниженным расчетам... Да и вообще автомат этот, собственно, знаете, на что похож? На эти самые руины!

— Значит, это никакой не автомат...

— Нет, он, должно быть, двигался, только не на двух ногах. И не как краб... Да вообще-то не успели мы выяснить — сразу вслед за этим...

— Ну, что же было?

— Я время от времени пересчитывал людей. Я был в прикрытии, понимаете, обязан был охранять их... но они ведь все были в кислородных масках, вы же знаете — в масках все становятся похожи друг на друга, а комбинезоны тоже трудно было различить по цвету, очень уж они перепачкались глиной и запылились. Вдруг я одного че-

ловека недосчитался. Созвал я всех, и мы начали поиски. Кертелен очень обрадовался своему открытию, вот и продолжал шнырять по ущелью. Я думал, что он просто свернул в какое-нибудь ответвление ущелья... там ведь полно закоулков, но все они короткие, неглубокие, отлично освещенные... И вдруг он вышел навстречу нам из-за поворота. Уже в таком состоянии. С нами был Нигрен, он сначала подумал, что это тепловой удар...

— Так что же с ним, собственно?

— Он без сознания. Хотя вообще-то нет. Он может ходить, двигаться, но только невозможно установить с ним контакт. И речь он потерял. Вы слышали его голос?

— Да.

— Теперь он вроде выдохся немного. Сначала было еще хуже. Никого из нас он не узнавал. В первые минуты это было самым страшным. Я кричу: «Кертелен, куда ж ты запропал?», а он идет мимо, ну будто оглох, прошел между нами и двинулся вверх по ущелью, но такой походкой, так как-то чудно, что все мы похолодели. Ну прямо будто подменили его. На оклики он не реагировал, мы побежали за ним. Что там делалось! Словом, пришлось его связать, иначе нам бы его сюда не доставить.

— А врачи что говорят?

— Да переговариваются, как положено, по-латыни, а вообще-то ничего не понимают. Нигрен и Сакс пошли к командиру, можешь там их расспросить...

Гаарб ушел тяжелыми шагами, наклонив голову на свой особый манер. Роган на лифте поднялся наверх, в рулевую рубку. Там было пусто, но, проходя мимо картографической кабины, он услышал сквозь неплотно закрытую дверь голос Сакса, и вошел туда.

— Будто бы абсолютная потеря памяти. Так это выглядит, — говорил нейрофизиолог.

Он стоял спиной к Рогану и разглядывал рентгенов-

ские снимки, поднимая их к свету. За столом над открытым бортжурналом сидел астрогатор; поднятая рука его лежала на стеллаже, битком набитом свернутыми в рулон звездными картами. Он молча слушал Сакса, который неторопливо вкладывал снимки в конверт.

— Амнезия. Но невероятно полная. Он потерял не только память о себе, но и речь, способность писать, читать. Это, собственно говоря, нечто большее, чем амнезия: полнейший распад, уничтожение личности. У него не осталось ничего, кроме примитивнейших рефлексов. Он может ходить и есть, но только если пищу придвигать к его губам. Он тогда ее схватывает, но...

— Он видит и слышит?

— Да. Несомненно. Но не понимает того, что видит. Не отличает людей от движущихся предметов.

— Рефлексы?

— Нормальные. Тут все дело в центре.

— В центре?

— Ну да. В мозге. Будто бы полностью стерты все и всякие следы памяти.

— Так, значит, тот человек с «Кондора»...

— Да. Теперь я в этом уверен. Там было то же самое.

— Видал я однажды нечто подобное... — совсем тихо, почти шепотом сказала астрогатор. Он глядел на Рогана, но будто не видел его. — Это было в пространстве...

— Ах, знаю! И как это мне в голову не пришло! — чуть не крикнул нейрофизиолог. — Амнезия после магнитного удара, так ведь?

— Да.

— Я такого случая никогда не наблюдал. Знаю этот синдром только теоретически. Это ведь случалось много лет назад при прохождении на большой скорости через сильные магнитные поля?

— Да. То есть в особых условиях. Тут существенна

не столько сама напряженность магнитного поля, сколько ее градиент и стремительность происходящего изменения. Если в пространстве встречаются большие градиенты, — а бывают и скачкообразные увеличения, — то индикаторы обнаруживают их на расстоянии. Раньше таких приборов не было...

— Правильно... — повторял врач. — Правильно... Амерхаттен проводил такие эксперименты на обезьянах и кошках. Подвергал их действию мощных магнитных полей, и они теряли память...

— Да, ведь тут есть нечто общее с электрическим стимулированием мозга...

— Но в этом случае, — вслух рассуждал Сакс, — мы, кроме рапорта Гаарба, располагаем показаниями всех людей его группы. Мощное магнитное поле... ведь это ж, наверное, сотни тысяч гаусс?

— Сотен тысяч недостаточно. Нужны миллионы, — безучастно сказал астрогогатор. Лишь теперь его взгляд остановился на Рогане. — Войдите и закройте дверь.

— Миллионы?! А наши приборы разве не обнаружили бы такое поле?

— Только, — возразил Горпах, — если б оно было сконцентрировано в очень малом пространстве — ну, скажем, величиной с этот глобус — и снаружи было бы экранировано...

— Словом, если бы Кертелен всунул голову между полюсами гигантского электромагнита?..

— Даже этого мало. Поле должно вибрировать с определенной частотой.

— Но там не было никакого магнита и никакой машины, кроме тех проржавевших обломков. Ничего, одни только промытые водой ущелья, гравий да песок...

— И пещеры, — мягко и словно равнодушно заметил Горпах.

— И пещеры... Вы что же думаете, что его кто-то затаскил в эту пещеру, где есть магнит... нет, ведь это же...

— А вы как это объясняете? — спросил командир, и казалось, что разговор этот не то надоел ему, не то стал утомлять.

Сакс молчал.

В три сорок ночи весь корабль наполнился протяжным звонком тревоги. Люди вскакивали с постелей и, ругаясь на чем свет стоит, на ходу одеваясь, мчались на свои посты. Роган уже через пять минут после начала тревоги очутился в рулевой. Астрогатора там еще не было. Роган подбежал к центральному экрану. Черная ночь на востоке редела от бесчисленных белых вспышек. Казалось, будто летящий из одного пункта рой метеоритов атакует ракету. Он глянул на контрольные приборы поля. Автоматы он запрограммировал сам: они теперь уже не могли реагировать ни на дождь, ни на песчаную бурю. Из невидимой во тьме пустыни летело что-то и разбрызгивалось огненными бисеринками. На поверхности поля возникали взрывы, загадочные снаряды отскакивали, уже в огне чертили светящиеся, постепенно меркнущие параболы или стекали по выпуклости силовой оболочки. Вершины дюн возникали на миг из мрака и таяли; стрелки контрольных приборов лениво подрагивали — мощность, которую потребляла система эмиттеров на защиту от загадочной бомбардировки, была относительно невелика. Уже слыша за спиной шаги командира, Роган поглядел на спектроскопические индикаторы.

— Никель, железо, марганец, бериллий, титан, — прочел на ярко освещенном щите астрогатор, став рядом. — Много бы я дал, чтобы посмотреть, что же это такое...

— Дождь металлических частиц, — медленно проговорил Роган. — Судя по разрядам, размеры их невелики...

— Охотно бы я поглядел на них вблизи... — буркнул командир. — Как вы думаете, может, рискнуть?

— То есть выключить поле?

— Да. На долю секунды. Небольшое количество их попадет в зону защиты, а остальных мыотрежем, снова включив поле...

Роган довольно долго не отвечал.

— Что ж, можно бы... — нерешительно сказал он наконец.

Но не успел командир подойти к пульту управления, а светящийся рой уже угас так же внезапно, как и возник, и настала тьма, такая, которую знают лишь планеты, лишённые лун, кружащиеся вдали от центральных звездных скоплений Галактики.

— Не удалась нам охота, — проворчал Горпах.

Он долго стоял, положив руку на главный выключатель, потом, слегка кивнув Рогану, вышел. Стонущий звук сигналов, отменяющих тревогу, наполнял все ярусы корабля. Роган вздохнул, еще раз поглядел на экраны, залитые черной тьмой, и пошел спать.

Туча

Они начинали уже привыкать к планете — к ее неизменному пустынному облику с прозрачными тенями тающих, неестественно светлых облаков, между которыми и днем просвечивали яркие звезды, к шороху песка, оседающего под колесами и под ногами, к багровому грузному солнцу, касания которого неизмеримо нежнее, чем на Земле, и если подставишь ему спину, то почувствуешь не тепло, а вроде как молчаливое его присутствие.

По утрам исследовательские группы отправлялись на свои участки, энергоботы исчезали среди песчаных холмов, колыхаясь, словно неуклюжие лодки, опадала пыль, и оставшиеся на «Непобедимом» говорили о том, что будет на обед, что сегодня сказал радарный боцман боцману связистов, или пытались припомнить, как звали пилота, который потерял ногу во время аварии на навигационном спутнике Терра-5. Болтали вот так, сидя на пустых канистрах под корпусом, тень которого вращалась, словно стрелка гигантских солнечных часов, и все удлинялась, пока не достигала линии энергоботов. Тогда люди вставали и начинали высматривать возвращающихся.

Те же, что возвращались, голодные и усталые, разом утрачивали оживление, которое поддерживала в них работа. Даже группа «Кондора» через неделю уже перестала приносить сенсационные новости, сводившиеся к тому, что в обнаруженных останках удалось распознать кого-то из знакомых. То, что в первые дни было символом ужаса, привезли с «Кондора», тщательно упаковали (ведь как иначе назовешь добросовестное укладывание всех уцелевших человеческих останков в герметические контейнеры, которые потом отправились вниз, на корму), и оно исчезло.

И тогда люди, по-прежнему просеивающие песок вокруг кормы «Кондора» и обшаривающие его каюты и коридоры, вместо облегчения, которого, пожалуй, можно было ждать, начали испытывать томящую скуку и, словно забыв о том, что случилось с экипажем «Кондора», занялись коллекционированием дурацких пустячков, неизвестно кому принадлежавших прежде, оставшихся после несуществующих уже владельцев. Так что вместо документов, которые объяснили бы загадку, — за неимением таких документов — они привозили то старую губ-

ную гармонику, то китайскую головоломку, и предметы эти, уже лишенные своего мистического зловещего ореола, шли в оборот, становились словно бы общей собственностью команды. Роган, который нипочем бы не поверил, что вот такие вещи возможны, уже через неделю вел себя точно так же, как и остальные. И только по временам, оставаясь один, задавал себе вопрос, зачем он, собственно, здесь? И чувствовал тогда, что вся их деятельность, вся их торопливая суетня, эти бесконечные исследования, просвечивания, собирания образцов, бурение скальных пород, осложненные постоянной необходимостью соблюдать третью степень — открывать и закрывать силовое поле, держать наготове лазеры, заранее точно рассчитав зону их действия, вести постоянный оптический контроль, непрерывно пересчитывать людей, поддерживать многоканальную связь, — все это сплошной грандиозный самообман. Что по сути дела они только и ждут какого-нибудь нового несчастного случая, новой беды и лишь притворяются, что это не так.

Сначала люди толпились по утрам перед лазаретом «Непобедимого», чтобы узнать новости о состоянии Кертелена. Он казался им не столько жертвой таинственного нападения, сколько неким нечеловеческим существом, совершенно несхожим с людьми; они будто бы целиком поверили в фантастические сказки и считали, что чуждые, враждебные силы этой планеты могут превратить одного из них в загадочное чудовище. А на самом-то деле Кертелен был попросту калекой. Оказалось, впрочем, что его мозг, открытый всему, как у младенца, и такой же пустой, воспринимает сведения, которые сообщают врачи, и Кертелен понемногу учится говорить — именно как ребенок. Уже не слышно было в лазарете ни нечеловеческого скулящего завывания, ни бессмысленного младенческого лепета, такого страшного в устах зрелого мужчины. Через

неделю Кертелен начал выговаривать некоторые слоги и стал узнавать врачей, хотя и не мог произнести их имена.

С этого времени интерес к нему начал понемногу падать, особенно когда врачи объяснили: он ничего не сможет рассказать о том, что и как с ним произошло, даже когда вернется к норме или, вернее, окончит свое странное, но неизбежное обучение.

А работы шли своим чередом. Накапливались планы «города», уточнялись детали конструкций его «ветвистых пирамид», хотя предназначение их по-прежнему оставалось неясным. Астрогатор счел, что дальнейшие изыскания на «Кондоре» ничего не дадут, и прекратил их. Сам же корабль приходилось бросить — ремонт его оболочки был не под силу инженерам «Непобедимого», а к тому же имелись дела, гораздо более срочные и важные. Забрали только на «Непобедимый» множество энергоботов, транспортеров, вездеходов и всякой аппаратуры, а остов «Кондора» — после такого опустошения он сделался и вправду остовом — наглухо закрыли, теша себя надеждой, что либо они сами, либо какая-то очередная экспедиция отбуксирует все же корабль в родной порт. Горпах перебросил группу с «Кондора», работавшую под руководством Реньяра, на север; там она присоединилась к группе Галлахера. Роган теперь стал главным координатором всех исследований и отлучался с «Непобедимого» лишь ненадолго, да и то не каждый день.

Ведя раскопки в лабиринте ущелий, орошаемых подземными источниками, группы Реньяра и Галлахера сделали странные открытия.

Слои осадочных пород перемежались прослойками вещества, имевшего не планетарное происхождение. Специалисты мало что могли сказать по этому поводу. Выглядело это так, будто на древний базальтовый щит, глу-

бинный пласт коры, миллионы лет назад легло бесчисленное множество металлических осколков, возможно, попросту частиц металла (была высказана гипотеза, что в атмосфере Регис распылился гигантский железо-никелевый метеорит и огнистым дождем впаялся в горные породы той древней эпохи), и эти осколки или частицы, медленно окисляясь, вступая в химические реакции с окружающей средой, в конце концов преобразовались в слои буровато-черных, а местами красновато-рыжих отложений.

Ранее проводившиеся раскопки затрагивали едва лишь верхние слои коры, геологическая структура которой своей сложностью могла ошарашить и самого опытного планетолога. Когда пробурили скважину до базальта возрастом в миллиард лет, то оказалось, что в лежащих на нем породах, несмотря на значительную их перекристаллизацию, обнаруживается углерод органического происхождения. Сначала подумали, что эта местность ранее находилась на дне океана. Но в слоях уже настоящего каменного угля были найдены отпечатки многих видов растений, которые могли произрастать лишь на суше. Реестр живых существ, обитавших на суше, постепенно дополнялся и разрастался. Стало уже известно, что триста миллионов лет назад в джунглях планеты водились примитивные пресмыкающиеся. Часть позвоночника и обломки роговых челюстей одного из них ученые доставили на корабль с триумфом, которого, однако, не разделил экипаж.

Жизнь на суше словно бы начинала развиваться дважды. Первая катастрофа произошла около ста миллионов лет назад; тогда началось стремительное вымирание животных и растений, вызванное, вероятно, вспышкой Новой. Но впоследствии жизнь здесь возродилась и буйно расцвела, образовав новые формы; ни количество, ни

степень сохранности обнаруженных остатков не давали оснований для более точной классификации, но удалось установить, что на планете никогда не было существ, подобных млекопитающим. Еще через девяносто миллионов лет произошла другая вспышка Новой, но теперь уже на большом расстоянии от Регис; удалось обнаружить следы этой вспышки в виде радиоактивных изотопов. По приблизительным подсчетам интенсивность жесткого излучения на поверхности планеты не была настолько высокой, чтобы вызвать массовое вымирание всего живого. Тем более непонятно было, почему с тех пор остатки животных и растений все реже и реже встречались в геологических наслоениях. Зато все больше становилось этих спрессованных «осадков» — сульфидов сурьмы, окислов молибдена, закисей железа, солей никеля, кобальта и титана. В этих металлических слоях, относительно неглубоких, возрастом от шести до восьми миллионов лет, имелись кое-где очаги высокой радиоактивности, но в соизмерении с возрастом планеты эта радиоактивность была кратковременной. В общем получалось, что в ту эпоху по какой-то причине произошел ряд бурных, но сугубо локальных ядерных реакций, продукты которых и содержались в «металлических осадках». Кроме гипотезы насчет «железисторадиоактивного метеорита», высказывались и другие, совсем уж фантастические, связывающие эти необычные очаги «радиоактивного зноя» с катастрофой на планетах Лиры и с гибелью тамошней цивилизации. Предполагали, например, что при попытках колонизовать Регис III произошли ядерные сражения между экипажами посланных сюда кораблей.

Но и такая гипотеза не объясняла, откуда взялись эти странные металлические слои такой толщины, а пробные бурения показали, что они имеются и в других, довольно отдаленных районах. Во всяком случае, неизбежно скла-

дывалось представление, столь же загадочное, сколь и бесспорное: жизнь на суше погибла в тот же период — продолжавшийся несколько миллионов лет, — когда начали формироваться металлические слои. Причиной этой гибели всего живого не могла быть радиация: общее количество излучения в пересчете на эквивалент ядерных взрывов составляло максимум двадцать — тридцать мегатонн. Такие взрывы (если это вообще были взрывы, а не какие-либо иные ядерные реакции), распределенные на сотни тысячелетий, безусловно, не представляли серьезной опасности для биологической эволюции.

Подозревая какую-то связь между металлическими отложениями и руинами «города», ученые настаивали на том, чтобы продолжать исследования. Это было сопряжено с многочисленными трудностями, поскольку вскрышные работы и рытье карьеров требовали переброски больших масс почвы. Единственным выходом было пробивать штольни, но тогда людей, работающих под землей, уже не сможет защитить силовое поле. И все же работы постановили продолжить; решающую роль тут сыграло то, что на глубине двадцати с лишним метров, в пласте, изобиловавшем окислами железа, были найдены ржавые обломки весьма странной формы, похожие на разъеденные коррозией и распавшиеся элементы каких-то миниатюрных механизмов.

На девятнадцатый день после посадки корабля над районом, где работали горняки, начали собираться гряды туч, невиданно плотных и темных. Около полудня разбушевалась гроза, по силе превышающая земные грозы. В хаосе непрерывно сверкающих молний смешались небо и скалы. Вздувшиеся потоки, мчась по извилинам ущелий, начали заливать штреки, людям пришлось выбраться оттуда и укрыться вместе с автоматами под куполом главного силового поля, в которое били километровые

молнии. Тучи постепенно перевалили на запад и черной, исчерченной молниями стеной закрыли весь горизонт над океаном. Возвращаясь на корабль, горняки обнаружили по дороге массу черных металлических зернышек. Решив, что это и есть знаменитые «мушки», тщательно их собрали и привезли на корабль. Ученые ими заинтересовались, но это не были останки насекомых — тут сомневаться не приходилось. Состоялось очередное совещание специалистов, неоднократно переходившее в ожесточенные споры. Наконец решили отправить экспедицию в северо-восточном направлении, дальше района ущелий и металлических пластов, поскольку на гусеницах машин «Кондора» были обнаружены частицы некоторых весьма интересных минералов, не встречавшихся ни на одном из обследованных участков.

Экспедиция в составе двадцати двух человек, превосходно снаряженная, с энергоботами, шагающим излучателем с «Кондора», вездеходами, роботами, в том числе двенадцатью арктанами, снабженная автоматическими экскаваторами и бурами, запасами кислорода, пищи и ядерного топлива, отправилась на следующий день под руководством Реньяра. С ней поддерживали непрерывную радио- и телевизионную связь, пока выпуклость планеты не преградила путь ультракоротким волнам. Тогда вывели на стационарную орбиту автоматический телевизионный ретранслятор, и связь опять наладилась.

На второй день пути, около полудня, Реньяр сообщил Рогану, что хочет хорошенько осмотреть почти целиком засыпанные развалины на дне неглубокого кратера. Часом позже качество радиосвязи ухудшилось из-за сильных атмосферных помех. Пришлось перейти на диапазон более коротких волн; прием улучшился. Вскоре вслед за этим, когда начали стихать раскаты дальней грозы, движущейся с севера на восток, то есть в том же направле-

нии, что и экспедиция, радиосвязь внезапно прервалась. Особенно странным было то, что одновременно ухудшилась и телевизионная связь — ведь она поддерживалась через внеатмосферный спутник и не зависела от состояния ионосферы. К часу дня была потеряна всякая связь с экспедицией. Ни техники, ни даже физики, призванные на помощь, не могли объяснить этого явления. Похоже было на то, что металлическая стена опустилась где-то в пустыне, отрезав экспедицию, находящуюся в ста семидесяти километрах от «Непобедимого».

Роган, все это время не отходивший от астрогатора, заметил, что Горпах встревожен. Вначале ему казалось, что тревога эта необоснованна. Он предполагал, что грозовая туча, оказавшаяся как раз на пути экспедиции, может обладать своеобразными экранирующими свойствами. Однако физики, с которыми посоветовался Роган, усомнились, может ли образоваться такой плотный слой ионизированного воздуха. Около шести, когда гроза утихла, а связь наладить не удалось и на непрерывно повторяемые сигналы не было никакого ответа, Горпах выслал два разведывательных аппарата типа летающих тарелок: один из них летел на высоте нескольких сотен метров над пустыней, а другой двигался четыремя километрами выше и служил первому телевизионным ретранслятором.

Роган, астрогатор и несколько ученых, среди них Баллин и Сакс, стояли перед главным экраном в рулевой рубке, непосредственно наблюдая за всем, что попадало в поле зрения пилота первой машины. За зоной извилистых, залитых глубокой тьмой ущелий простиралась пустыня с нескончаемыми вереницами барханов, уже исполосованных черными тенями, — солнце клонилось к западу. В этом косо падающем свете, который придавал пустыне особенно угрюмый вид, изредка проплывали под машиной небольшие, по края заполненные песком крате-

ры; некоторые можно было распознать лишь благодаря коническому возвышению в центре, оставшемуся от давно угасшего вулкана.

Местность постепенно поднималась и становилась несколько иной. Из песчаных волн возникали гряды высоких скал, переходящие в систему причудливо зазубренных горных цепей. Торчащие кое-где каменные столбы походили то на корпуса искалеченных ракет, то на исполинские фигуры людей. На склонах прорисовывались резкие линии расселин, у подножия которых громоздились конусы осыпей. Наконец пески исчезли начисто, уступив место суровой стране стремнин и ущелий. Кое-где извивались издали похожие на реки щели тектонических трещин, разрывающих кору планеты. Пейзаж все больше походил на лунный.

И тут впервые ухудшилась телевизионная связь — изображение начало подрагивать, колебаться, нарушалась синхронизация. Увеличили мощность эмиссии, но это помогло лишь ненадолго.

Скалы, ранее белесоватые, становились все темнее. Нагромождение их, уходящее в необозримую высь, было бурым, с ядовитым металлическим отблеском; кое-где виднелись пятна бархатной черноты, будто там на голых скалах укоренились густые, но мертвые заросли...

Вдруг отозвалась все время молчавшая фония на первой летающей тарелке. Пилот крикнул, что слышит сигналы автоматических передатчиков, которые были установлены на головном вездеходе экспедиции. Но люди, стоящие в рулевой рубке, слышали только его голос, слабый и словно замирающий, когда он вызывал группу Реньяра.

Солнце стояло уже совсем низко. В его кровавом свете возникла перед машиной черная клубящаяся стена, подобная гигантской туче, взмывшей от подножия гор

метров на тысячу вверх. Все, что находилось за ней, было совершенно невидимым. Если бы не мерное, медленное движение внутри этой клубящейся громады, местами чернильно черной, местами металлически отсвечивающей фиолетовым пурпуром, ее можно было бы принять за невиданную горную формацию. Горизонтальные лучи солнца высвечивали в ней пещеры, заполненные загадочными мелькающими вспышками, будто в них бешено кружились сверкающие рои черных ледяных кристалликов. В первое мгновение всем показалось, что туча движется навстречу летящей машине, но это была иллюзия: наоборот, летающая тарелка на прежней скорости приближалась к странной преграде.

— Говорит ЛТ-4. Должен ли я подняться над тучей? Прием,— послышался приглушенный голос пилота.

Помедлив долю секунды, астрогатор ответил:

— Говорит первый. ЛТ-4, остановитесь перед тучей!

— Говорит ЛТ-4. Останавливаюсь,— сразу отозвался пилот, и Рогану показалось, что в его голосе прозвучало облегчение.

Лишь несколько сот метров отделяло машину от тучи. Теперь почти весь экран занимала поверхность гигантского, угольно-черного, невероятного вертикального моря. Машина уже остановилась. И вдруг — никто и слова сказать не успел — из тяжело колеблющейся массы вылетели длинные расплывчатые полосы и затемнили изображение, оно тут же преломилось, задрожало и исчезло, прошитое трассами слабеющих разрядов.

— ЛТ-4! ЛТ-4! — кричал радист.

— Говорит ЛТ-8,— внезапно включился пилот второй машины.— База, говорит ЛТ-8. Давать изображение? Прием!

— Говорит база. ЛТ-8, давайте изображение!

Экран заполнился хаосом яростно кружащихся чер-

ных струй. Это была та же самая картина, только с высоты четырех километров. Видно было, что туча лежит длинной монолитной полосой вдоль ответвления вздымающейся горной цепи, словно преграждая доступ к ней. Поверхность ее лениво колебалась, словно застывающая масса; но первой машины, которую она только что поглотила, обнаружить не удалось.

— Говорит база. ЛТ-8, слышите ли вы ЛТ-4? Прием.

— Говорит ЛТ-8, не слышу, перехожу на интерференционные волны. ЛТ-4, внимание, говорит ЛТ-8, отвечай, ЛТ-4, ЛТ-4! — слышался голос пилота. — База, ЛТ-4 не отвечает, перехожу на инфракрасные волны. Внимание, ЛТ-4, говорит ЛТ-8, отвечай! База, ЛТ-4 не отвечает, пробуя зондировать тучу радаром...

В затемненной рубке не слышно было даже дыхания. Все замерли, ожидая. Изображение на экране оставалось прежним, скалистый хребт торчал над разливом черноты, будто остров, погружившийся в чернильный океан. Высоко в небе догорали перистые, пропитанные золотым светом облака, солнечный диск уже касался горизонта, приближались сумерки.

— База, говорит ЛТ-8, — раздался голос пилота, будто бы изменившийся за несколько секунд молчания. — Радар обнаружил цельнометаллическое экранирование. Прием.

— Говорит база. ЛТ-8, переключите радарное изображение на телеэкран. Прием.

Экран потемнел, погас, на мгновение заполнился белым сверканием, потом позеленел, мерцая миллиардами искр.

— Эта туча состоит из железа, — проговорил или, вернее, выдохнул кто-то за спиной у Рогана.

— Язон! — позвал астрогатор. — Язон, вы здесь?

— Здесь, — физик-ядерник выдвинулся вперед.

— Могу я это подогреть? — спокойно спросил астрогатор, показывая на экран, и все его поняли.

Язон медлил с ответом.

— Надо бы предупредить ЛТ-4, чтобы он максимально увеличил радиус поля...

— Не говорите глупостей, Язон. С ним нет связи...

— До четырех тысяч градусов... с некоторым риском...

— Спасибо. Блаар, дайте микрофон! ЛТ-8, говорит первый, направьте лазеры на тучу, малая мощность, до биллиэрга в эпицентре, непрерывный огонь вдоль азмута!

— ЛТ-8 слушает, непрерывный огонь до биллиэрга, — немедленно отозвался голос пилота.

Через секунду сверкнула вспышка, и центральная часть тучи, заполнившая низ экрана, изменила окраску. Сначала она будто размазалась, потом побагровела и закипела; в ней возникло нечто вроде пылающей воронки, в которую падали, словно всасываясь, ближайшие слои тучи. Это движение внезапно прекратилось, туча разомкнулась гигантским кольцом, в открывшемся окне возникли нагромождения скал, и только мелкая черная пыль, похожая на копоть, витала над ними.

— ЛТ-8, говорит первый. Снижайтесь на дистанцию максимальной эффективности огня!

Пилот повторил приказ. Туча, тревожно вибрирующим кольцом окружая разрыв, пыталась его заполнить, но, как только ее выдвигающиеся отростки охватывал жар пламени, втягивала их обратно. Это длилось уже несколько минут. Астрогатор не решался ударить по туче всей мощностью излучателя — где-то в ее недрах находился ЛТ-4. Роган догадывался, на что рассчитывает Горпах: он надеялся, что машина прорвется в очищенное пространство. Но она все не появлялась. ЛТ-8 почти неподвижно висел над тучей, поражая ослепительными

уколами лазеров клубящуюся кромку черного круга. Небо над ним было еще довольно светлым, но скалы внизу медленно тонули в приливе тьмы. Солнце заходило.

Из тьмы, сгуставшейся у подножия гор, внезапно полыхнула зловещая вспышка. Грязновато-красное раскаленное облако, будто жерло вулкана, просвечивающее сквозь дым и пепел, колеблющимся саваном закрыло все поле зрения. Теперь видна была лишь сплошная тьма, в недрах которой кипело и клочотало пламя. Эта туча, что бы она собой ни представляла, ринулась в атаку на захваченную ею машину и сгорала в нестерпимом огне ее силовой защиты.

Роган взглянул на астрогатора — тот стоял, застыв, как мертвец, и его неподвижное лицо озаряли зыбкие отблески зарева. Черное кипение и пылающий в его недрах, по временам словно ветвящийся огненными кустами пожар заполняли центр экрана. Вдалеке виднелся высокий скалистый пик, весь в холодном багрянце последних закатных лучей, сейчас казавшихся невыразимо земными... Тем более невероятным было то, что творилось в недрах тучи. Роган ждал; лицо астрогатора оставалось неподвижным. Но он должен был принять решение: либо приказать верхней машине, чтобы она пошла на помощь той, первой, либо, оставив ЛТ-4 на волю судьбы, послать разведчика дальше на северо-восток.

И тут опять произошло нечто неожиданное. То ли пилот нижней, увязшей в туче машины потерял голову, то ли там случилась какая-то авария, но только в черном водовороте полыхнула вспышка, ослепительно сверкающая в центре, и туча длинными рваными полосами разлетелась во все стороны. Взрыв был таким мощным, что изображение на экране заколыхалось, вторя скачкам ЛТ-8 на ударной волне. Потом чернота вернулась и, кроме нее, не было уже ничего.

Астрогатор наклонился к радисту и сказал что-то так тихо, что его слова не дошли до Рогана, но радист немедленно повторил их, почти крича:

— Готовь антипротоны! Полную мощность на тучу, непрерывный огонь!

Пилот повторил приказ. И сейчас же один из техников, следивший за боковым экраном, который показывал все, что делалось позади машины, закричал:

— Внимание! ЛТ-8! Вверх! Вверх! Вверх!!!

Из свободного ранее пространства на западе с ураганной быстротой летело крутящееся черное облако. Вначале оно было краем тучи, но вдруг оторвалось от нее и, влача за собой вытянувшиеся от стремительного бега отростки, круто двинулось вверх. Пилот, который заметил это на какую-то долю секунды раньше техника, рванулся по вертикали вверх, набирая высоту. Но туча догоняла его, выбрасывая в небо черные клубящиеся столбы. Пилот переносил огонь с одного столба на другой; ближайший из них, получив лобовой удар, свернулся черным клубком, раздвоился, размазался. Внезапно все изображение начало вибрировать.

В этот момент, когда часть тучи уже входила в поток радиоволн, нарушая связь машины с базой, пилот, по видимому, впервые применил излучатель антиматерии. Казалось, вся атмосфера планеты превратилась в огненный океан от этого удара; пурпурный свет заката исчез, будто погашенный дуновением; в зигзагах помех еще мгновение мелькала туча, светлели и расплывались дымящиеся над ней столбы, а потом второй, еще более страшный взрыв разбросал яростные огнепады над хаосом скал, тонущим в клубах дыма и пара. Но это было последнее, что удалось увидеть; через секунду изображение судорожно задергалось, пронизанное искрами разрядов, и исчезло. Только пустой белый экран горел в

затемненной рубке, освещая смертельно бледные лица смотрящих на него людей.

Горпах велел радистам вызывать обе машины, а сам перешел с Роганом, Язоном и остальными в соседнюю навигационную кабину.

— Что представляет собой, по-вашему, эта туча? — без всяких предисловий спросил он.

— Она состоит из металлических частиц. Нечто вроде взвеси с дистанционным управлением из единого центра, — сказал Язон.

— Гаарб?

— И я того же мнения.

— Есть какие-нибудь предложения? Нет? Тем лучше. Который из суперкоптеров в лучшем состоянии, наш или тот, с «Кондора»?

— Оба они исправны, — ответил главный инженер. — Но я лично предпочел бы наш.

— Ладно. Роган, если я не ошибаюсь, вы хотели выйти из-под силового зонтика... Вам представляется подходящий случай для этого. Получите восемнадцать человек, двойной комплект автоматов, контурные лазеры и антипротоны... есть у нас еще что-нибудь? — Никто не ответил. — Ну да, пока не изобрели ничего более совершенного, чем антиматерия... Стартуете в 4.31, то есть на восходе солнца, и попытаетесь разыскать тот карьер на северо-востоке, о котором говорил Реньяр в последнем рапорте. Там сядете в силовом поле. По пути бейте все мало-мальски подозрительное на максимальной дистанции. Ни малейшего выжидания, наблюдения, никаких экспериментов. Никакой экономии на мощности ударов. Если потеряете связь со мной, делайте свое дело дальше. Когда найдете этот кратер, садитесь поосторожней, чтобы не на людей... я предполагаю, что они где-то здесь... — Он указал пункт на карте, занимавшей всю стену. —

В этой зоне, заштрихованной красным. Это лишь эскиз, но ничего более точного у меня нет.

— Что я должен делать после посадки? Искать их?

— Предоставляю решать это вам. Помните только об одном: вы не имеете права стрелять ни по каким целям уже на расстоянии пятидесяти километров от этого места, потому что внизу могут быть наши люди.

— По наземным целям?

— Вообще ни по каким. До этой вот границы, — астрогатор одним движением разделил надвое пространство, нанесенное на карту, — вы можете применять свои средства уничтожения в наступательных целях. За этой чертой вы имеете право только защищаться силовым полем. Язон! Сколько может выдержать поле суперкоптера?

— Даже миллионы атмосфер на квадратный сантиметр.

— Что значит «даже»? Вы продать мне его хотите, что ли? Я спрашиваю: сколько? Пять миллионов? Двадцать?

Горпах говорил совершенно спокойно: именно такого его настроения больше всего опасались на корабле. Язон откашлялся.

— Поле было испытано на два с половиной...

— Это дело другое. Слышите, Роган? Если туча притиснет вас к этой черте, бегите. Лучше всего — вверх. Впрочем, всего я вам не предскажу... — Он посмотрел на часы. — Через восемь часов после старта буду вызывать вас на всех волнах. Если это окажется безрезультатным, попробуем наладить связь либо через спутник, либо оптически. Будем лазировать азбукой Морзе. Я не знаю пока таких случаев, чтобы и это не дало результата. Но попробуем предвидеть больше того, что мы знаем. Если и лазеры дадут осечку, еще через три часа возвращайтесь. Если меня здесь не будет...

— Вы собираетесь лететь?

— Не перебивайте меня, Роган. Нет. Не собираюсь. Но не все зависит от нас. Если меня здесь не будет, выходите на околопланетную орбиту. Вы уже делали это на суперкоптере?

— Да, два раза, на Дельте Лиры.

— Хорошо. Значит, вы знаете, что это несколько сложно, однако вполне осуществимо. Орбита должна быть стационарной; точные расчеты даст вам перед стартом Стром. На этой орбите вы будете ждать меня 36 часов. Если я за это время не дам о себе знать, возвращайтесь на планету. Отправляйтесь на «Кондор» и попробуйте пустить его в ход. Я знаю, как обстоят там дела. Однако никаких других вариантов у вас тогда не будет. Если вам удастся проделать этот номер, возвращайтесь на Базу и рапортуйте обо всем, что произошло. Есть у вас вопросы?

— Да. Можно мне попытаться установить контакт с теми... с тем центром, что управляет тучей, если мне его удастся обнаружить?

— И это я оставляю на ваше усмотрение. Во всяком случае, рисковать следует в разумных пределах. Я, конечно, ничего не знаю, но кажется мне, что этот командный центр не находится на поверхности планеты. И вообще его существование, по-моему, проблематично...

— В каком смысле?

— Да мы ведь непрерывно держим под контролем весь электромагнитный спектр. Если бы кто-нибудь управлял этой тучей при помощи излучения, мы зарегистрировали бы соответствующие сигналы.

— Этот центр может находиться в самой туче...

— Возможно. Не знаю. Язон, могут существовать какие-либо способы дистанционного управления, не зависящие от электромагнетизма?

— Вы спрашиваете, каково мое мнение? Нет. Таких способов не существует.

— А о чем же еще мнению мог я вас спросить?

— То, что я знаю, не равнозначно тому, что существует. Что может существовать. Мы таких способов не знаем. Вот и все.

— Телепатия... — заметил кто-то из стоящих сзади.

— На эту тему мне нечего сказать, — сухо возразил Язон. — Во всяком случае, в пределах исследованного космоса ничего подобного не обнаружено.

— Мы не можем тратить время на бесплодную дискуссию, — вмешался астрогатор. — Берите своих людей, Роган, и подгоставляйте суперкоптер. А вы, Стром, рассчитайте стационарную орбиту с пяти тысячным апогеем.

— Будет сделано, командир.

Астрогатор приоткрыл дверь рулевой рубки.

— Вернер, как там? Ничего не услышали?

— Ничего, командир. То есть трещат разряды. Атмосферные разряды. А больше ничего.

— Никаких следов эмиссионного спектра?

— Никаких следов...

«Это означает, что ни одна из летательных машин уже не пользуется своим оружием... что они прекратили борьбу... — подумал Роган. — Если б они пускали в ход лазеры или хоть индукционные излучатели, то индикаторы «Непобедимого» обнаружили бы это на расстоянии нескольких сот километров».

Роган был слишком поглощен трагической ситуацией, чтобы его могло тревожить задание, полученное от астрогатора. Впрочем, у него и времени на это не было. В эту ночь он глаз не сомкнул. Нужно было проверить все оборудование коптера, загрузить его дополнительным топливом, взять продовольствие и оружие, так что они еле успели к назначенному сроку.

Едва лишь краешек красного солнечного диска выглянул из-за горизонта, как машина весом в семьдесят тонн и высотой с трехэтажный дом взмыла в воздух, вздымая тучи песка, и двинулась на северо-восток. Роган сразу же набрал высоту пятнадцать километров; в стратосфере он мог развить максимальную скорость, да и встреча с черной тучей тут была менее вероятна; так по крайней мере он думал. То ли Роган был прав, то ли просто им посчастливилось, но только меньше чем через час они уже снижались в косых лучах солнца над кратером, дно которого еще заливала тьма.

Не успели струи раскаленных газов ударить вниз и взметнуть песчаную тучу, как операторы видеосвязи передали в навигационную кабину экстренное предупреждение: в северной части кратера они замечают нечто подозрительное. Тяжелая летательная машина остановилась, чуть подрагивая, будто на невидимой натянутой пружине, и с высоты пятисот метров все начали тщательно просматривать северный сегмент.

На экране увеличителя виднелись на пепельно-рыжем фоне крохотные прямоугольники, с геометрической точностью размещенные вокруг более крупного, серо-стального. Роган, Гаарб и Баллмин, стоявшие у пульта управления, одновременно распознали в них машины экспедиции Реньяра.

Они немедленно сели недалеко, соблюдая все меры предосторожности. «Ноги» коптера еще продолжали мерно сгибаться и приседать, а люди уже спустили трап и выслали две разведывательные машины, защищенные подвижным силовым полем. Углубление кратера походило на плоскую миску с выщербленными краями. Вулканический конус, высившийся в центре, был покрыт черно-коричневой скорлупой лавы.

Полтора километра — таким примерно было расстоя-

ние — разведка прошла за несколько минут. Радиосвязь действовала отлично. Роган переговаривался с Гаарбом, который сидел в головном вездеходе.

— Подъем кончается... сейчас мы их увидим! — несколько раз повторил Гаарб. Вдруг он крикнул: — Вот они! Вижу их!!! — И уже спокойней добавил: — Кажется, все в порядке. Раз, два, три, четыре... все машины на местах... только почему они стоят на солнце?

— А люди? Вы их видите? — допытывался Роган и невольно щурил глаза, стоя у микрофона.

— Да. Там что-то движется... два человека... о, еще один... и кто-то лежит в тени... я вижу их, Роган!

Голос его отдалился. Роган слышал, как он что-то говорит своему водителю. Последовал тупой хлопок — это выпустили дымовую ракету. Голос Гаарба опять приблизился:

— Это мы в знак приветствия... дым немного снесло в их сторону... сейчас он развеется... Ярг... что там? Что?! То есть как это... Эй! Слушайте!

Его крик заполнил всю кабину и внезапно оборвался. Роган различал замирающий рокот моторов, слышались быстрые, бегущие шаги, какие-то неясные, приглушенные расстоянием призывы, кто-то вскрикнул один раз, еще одно восклицание — и настала тишина.

— Алло! Гаарб! Гаарб! — повторял он, с трудом шевеля онемевшими губами.

Зашуршали тяжелые шаги по песку, захрипел репродуктор.

— Роган! — слышался изменившийся, задыхающийся голос Гаарба. — Роган! То же самое, что с Кертеленом! Они ничего не воспринимают, нас не узнают, ни слова не говорят... Роган, вы слышите меня?!

— Слышу... И все они вот так?...

— Кажется... я еще не знаю... Ярг и Тернер подходят к каждому, по очереди, выясняют...

— Как же это, а поле?..

— Поле выключено. Нет его. Наверно, они выключили.

— Есть какие-нибудь следы борьбы?

— Нет, ничего такого. Машины стоят целехонькие, без повреждений, а они лежат, сидят, их можно встряхивать, толкать, они... Что? Что там?!

До Рогана донеслись неясные звуки, прерываемые протяжным скулящим завыванием. Он стиснул челюсти, но не мог отделаться от тошноты, спазмами подступающей к горлу.

— Великое небо, это Гралеv! — вскрикнул Гаарб. — Гралеv! Слушай, Гралеv! Ты не узнаешь меня?! — Его тяжелое дыхание словно ворвалось в кабину. — Он тоже... — выдохнул Гаарб и помолчал, будто собираясь с силами. — Роган... я не знаю, справимся ли мы сами... Надо их всех отсюда забрать. Пришлите побольше людей...

— Сию минуту.

Через час под металлическим корпусом суперкоптера остановилась кошмарная процессия. Из двадцати двух людей, отправившихся в экспедицию, осталось восемнадцать; о судьбе остальных четверых ничего не было известно. Большинство не сопротивлялось, когда их сажали в вездеходы и везли; но пятерых пришлось тащить насильно, — они не хотели сдвинуться с того места, на котором их нашли. На носилках их отправили в импровизированный лазарет на нижней палубе коптера. Тринадцать остальных увели в отдельное помещение, где они без сопротивления позволили уложить себя на койки. Пришлось раздевать их, снимать обувь, потому что они были беспомощны, как младенцы. Их неподвижные, мас-

кообразные лица наводили ужас. Роган, немой свидетель этой сцены, стоя в проходе между рядами постелей, мысленно отметил, что все тринадцать по-прежнему сохраняют пассивность, а те немногие, которых пришлось доставить силой, вопят и завывают нечеловеческими голосами.

Он оставил больных на попечение врача, а сам послал на поиски исчезнувших всю технику, какой располагал. Техники у него теперь было в избытке — он пустил в ход и машины из группы Реньяра. Едва он выслав последний патруль, как радист вызвал его в кабину: установилась связь с «Непобедимым».

Роган даже не удивился, что это удалось, — его как будто ничто уже не могло удивить. Он кратко сообщил Горпаху обо всем, что произошло.

— Кто не найден? — спрашивал астрогатор.

— Сам Реньяр, Беннигсен, Коротка и Мид. Что с пилотами? — в свою очередь спросил Роган.

— Никаких сведений не имею.

— А туча?

— Я утром посылал троих в патруль. Вернулись через час назад. Там даже и следа тучи нет.

— Ничего нет? Вообще ничего?

— Ничего.

— И летающих тарелок тоже?

— Ничего нет.

Гипотеза Лауды

Доктор Лауда постучал в каюту астрогатора и, войдя, увидел, как тот чертит что-то на фотограмметрической карте.

— Что у вас? — не поднимая головы, спросил Горпах.

— Я хотел вам кое-что сказать.

— Это так срочно? Через пятнадцать минут мы стартуем.

— Не знаю. Кажется, я начинаю понимать, что тут происходит, — сказал Лауда.

Астрогатор отложил циркуль. Глаза их встретились. Биолог был ничуть не моложе командира. Странно было, что ему еще разрешали летать. Видно, очень уж ему этого хотелось. Походил он скорее на старого механика, нежели на ученого.

— Вам так кажется, доктор? Я вас слушаю.

— В океане существует жизнь, — сказал биолог. — В океане она существует, а на суше — нет.

— Почему? На суше тоже была жизнь, Баллмин ведь обнаружил следы.

— Да. Но им более пяти миллионов лет. А потом все живое на суше было истреблено. То, что я скажу, звучит фантастично, и, собственно говоря, у меня нет почти никаких доказательств, но... Ну, в общем так. Предположим, что когда-то, а именно миллионы лет назад, сел здесь корабль из другой системы. Возможно, из района Новой. — Теперь он говорил несколько быстрее, но так же спокойно. — Мы знаем, что перед тем, как вспыхнула Дзета Лиры, на шестой планете системы обитали разумные существа. У них была высокоразвитая цивилизация технологического типа. Допустим, что здесь совершил посадку разведывательный корабль лирян и что при этом произошла катастрофа. Какой-нибудь несчастный случай, в результате которого погиб весь экипаж. Скажем, взрыв реактора, цепная реакция... в общем корабль, опустившийся на планету Регис, не имел уже на борту ни одного живого существа. Уцелели только... автоматы. Не такие, как наши. Не человекоподобные. Лириане, вероятно, тоже не были человекоподобны. Значит, эти автоматы уцелели и покинули корабль. Это были высокоспе-

цнализированные гомеостатические механизмы, способные существовать в самых тяжелых условиях. Теперь уже не было никого, кто мог бы давать им приказы. Некоторые из них — те, которые по структуре мышления наиболее походили на лирян, — возможно, пытались отремонтировать корабль, хотя в данной ситуации это не имело смысла. Но вы же знаете, как это бывает. Ремонтный робот будет ремонтировать, что ему положено, независимо от того, пригодится это кому-либо или нет. Однако потом взяли верх другие автоматы. Обособились от тех, лиряноподобных. Возможно, местная фауна пыталась на них нападать. Тут существовали ящероподобные пресмыкающиеся, значит, были и хищники, а хищник определенного типа нападает на все, что движется. Автоматы начали с ними бороться и победили их. К этой борьбе они должны были приспособиться. Они преобразовывались так, чтобы наилучшим образом приспособиться к условиям этой планеты. Определяющим здесь явилось, по-моему, то, что эти автоматы были наделены способностью производить другие автоматы по мере надобности. Ну, скажем, для борьбы против летающих ящеров им понадобились летающие механизмы. Никаких конкретных деталей я, конечно, не знаю. Говорю, представляя себе такую ситуацию в условиях естественной эволюции. А может, тут не было летающих ящеров: может, были подземные пресмыкающиеся, прорывавшие ходы в почве. Не знаю. Важно то, что с течением времени эти механизмы в совершенстве приспособились к условиям и им удалось одолеть и истребить весь животный мир планеты. Растительный — тоже.

— Растительный тоже? Чем же это можно объяснить?

— Этого я толком не знаю. Я мог бы вам предложить даже несколько различных гипотез, но предпочитаю воздержаться от этого. К тому же я еще не сказал самого

важного. В процессе своего существования на Регис эти механизмы через несколько сот поколений перестали походить на те, которые положили им начало, то есть на продукты лирянской цивилизации. Понимаете? Это означает, что началась неживая эволюция. Эволюция механических устройств. Что является главным признаком гомеостата? Умение приспособиться к изменчивым условиям, даже самым враждебным, самым тяжелым. Для последующих видов этой эволюции самоорганизующихся металлических систем главной опасностью являлись вовсе не животные или растения. Им необходимы были источники энергии и материалов, из которых можно делать запасные части и очередные механизмы. Разыскивая месторождения металлов, они создали нечто вроде горной промышленности. Их предки, прибывшие на том гипотетическом корабле, несомненно, работали на лучистой энергии. Но на Регис вообще нет радиоактивных элементов. Значит, этот источник энергии был для них закрыт. Пришлось искать другой. Несомненно, возник жестокий энергетический кризис, и я думаю, что тогда между этими устройствами началась война. Просто — борьба за существование. Ведь на этом и основана эволюция. На отборе. Устройства высокоорганизованные в интеллектуальном смысле, но менее способные примениться к этой новой ситуации — допустим, из-за своего размера, при котором требовалось большое количество энергии, — не смогли выдержать конкуренцию с устройствами, менее развитыми интеллектуально, однако более экономными и с более высоким коэффициентом полезного действия...

— Погодите-ка. Не будем уж говорить о фантастичности вашей гипотезы, но ведь в эволюции, в эволюционной борьбе всегда выигрывает существо с более развитой нервной системой, верно? В данном случае вместо нерв-

ной системы была, скажем, какая-то электронная, но принцип все равно тот же.

— Это истинно лишь по отношению к однородным организмам, появившимся на планете в результате естественной биологической эволюции, а не к прибывшим из других систем.

— Не понимаю.

— Ну, просто биохимические условия существования жизни на Земле всегда были и есть почти одинаковы. Водоросли, амебы, растения, низшие и высшие животные построены почти из идентичных клеток, у них в принципе одинаковый обмен веществ — белковый, а при таком равноценном старте дифференцирующим фактором становится тот, о котором вы говорили. Это не единственный фактор, но, во всяком случае, один из важнейших. Но тут было иначе. Самые высокоразвитые механизмы из тех, что оказались на Регис, питались радиоактивной энергией из собственных ресурсов, но более простые устройства, какие-нибудь небольшие ремонтные системы, допустим, были снабжены батареями, подзаряжающимися от солнечной энергии. Тогда они могли бы иметь громадное преимущество перед теми.

— Но те, более развитые, могли же отобрать у них солнечные батареи... А впрочем, к чему вы клоните? Может, не стоит об этом и спорить, Лауда?

— Нет, это очень существенно, командир, это очень важное обстоятельство, потому что, на мой взгляд, тут речь идет о неживой эволюции весьма своеобразного типа, которая возникла в совершенно необычных условиях, созданных стечением обстоятельств. Короче говоря, я так себе представляю: в этой эволюции победили устройства, во-первых, наиболее эффективно уменьшающиеся, а во-вторых, оседлые, недвигающиеся. Первые положили начало этим вот черным тучам. Я лично ду-

маю, что это очень маленькие псевдонасекомые, которые способны в случае надобности, в общих, так сказать интересах объединяться в большие системы. А именно вот в эти тучи. Таким путем шла эволюция движущихся механизмов. Оседлые же положили начало тому странному виду металлической вегетации, который представляют руины так называемых городов....

— Значит, по-вашему, это не города?

— Безусловно. Никакие не города, а просто большое скопление оседлых механизмов, неживых созданий, способных размножаться и черпающих солнечную энергию при посредстве своеобразных органов... ими, как я предполагаю, являются треугольные пластины...

— Так вы считаете, что «город» и сейчас продолжает существовать?

— Нет. У меня такое впечатление, что по какой-то неизвестной нам причине этот «город», или скорее этот металлический лес, проиграл в борьбе за существование и теперь представляет собой распадающиеся трупы. Уцелел лишь один вид — движущиеся механизмы, которые завладели всей сушей на планете.

— Почему?

— Не знаю. Я всякие расчеты делал. Возможно, за последние три миллиона лет здешнее солнце начало остывать быстрее, чем раньше, и эти большие оседлые «организмы» уже не могли получать от него достаточное количество энергии. Но это лишь туманное предположение.

— Допустим, что так оно и есть, как вы рассказали. Вы считаете, что у этих «туч» имеется какой-то командный центр на поверхности или в недрах планеты?

— Думаю, что ничего такого нет. Возможно, эти микромеханизмы сами становятся таким центром, чем-то вроде «неживого мозга», когда соединяются определен-

ным образом. Разделение для них, может быть, более полезно. Они составляют свободные негустые рои, могут благодаря этому постоянно держаться на солнце или же двигаться вслед за грозowymi тучами; не исключено, что они черпают энергию из атмосферных разрядов. Но в момент опасности или, если взять шире, при внезапной перемене, которая угрожает их существованию, они объединяются...

— Но ведь должно же что-то вызвать эту реакцию объединения. И вообще — где же находится во время «роев» невероятно сложная память всей системы? Ведь электронный мозг «умнее» любого из своих элементов. Если бы демонтировали мозг, то разве смогли бы эти элементы потом сами вскочить на соответствующие места? Сначала нужно было бы составить план всего мозга...

— Не обязательно. Достаточно было бы, чтобы каждый элемент содержал память о том, с какими другими элементами он непосредственно соединялся. Допустим, элемент номер один должен соприкоснуться определенными поверхностями с шестью другими элементами; каждый из них «знает» то же самое о себе. Таким образом, количество информации, содержащееся в отдельном элементе, может быть ничтожно малым, но, кроме нее, нужен всего лишь один сигнал, типа «Внимание! Опасность!», по которому все элементы соединяются надлежащим образом и мгновенно возникает «мозг». Но это, разумеется, лишь примитивная схема. Я предполагаю, что дело обстоит куда сложнее, хотя бы потому, что такие элементы наверняка часто гибнут, а это ведь не должно отражаться на деятельности целого...

— Ладно. У нас нет времени, чтобы дальше обсуждать детали. Вы усматриваете в своей гипотезе какие-то конкретные выводы для нас?

— В известном смысле — да. Но негативные. Миллионы лет механической эволюции. Явление, с которым человек еще не встречался в Галактике. Обратите внимание на основную проблему. Все известные нам машины существуют не для самих себя, а для кого-то другого. Так что с человеческой точки зрения кажутся бессмысленными разрастающиеся металлические дебри Регис или ее железные тучи; правда, такими же «бессмысленными» можно назвать, например, земные кактусы, растущие в пустынях. Суть дела в том, что эти механизмы отлично приспособились к борьбе с живыми существами. Мне кажется, что убивали они лишь в самом начале этой борьбы, когда жизнь на суше кипела; выяснилось, что не экономно расходовать энергию на убийства. Поэтому они используют другие методы, которые обусловили и катастрофу на «Кондоре», и несчастный случай с Кертеленом, и, наконец, трагедию группы Реньяра.

— Что же это за методы?

— Я точно не знаю, в чем они состоят. Могу лишь высказать личное суждение. Случай Кертелена — это ведь уничтожение почти всей информации, какую содержит мозг человека. То же, очевидно, они проделывали и с животными. Живые существа, искалеченные таким образом, неминуемо должны погибнуть. Это способ, более простой, быстрый и экономный, чем убийство... Вывод я из этого делаю, к сожалению, пессимистический. Может, это даже еще слабо сказано... Мы находимся в неизмеримо худшем положении, чем они, по нескольким причинам. Прежде всего, куда легче уничтожить живое существо, чем механизм. Далее — они эволюционировали в таких условиях, что боролись и с живыми существами, и со своими металлическими «братьями» — мыслящими автоматами. Значит, они сражались одновременно на двух фронтах, стараясь уничтожить и адаптационные системы

живых существ, и всякое проявление разума у механизмов. В результате этой миллионнолетней войны должен был выработаться необычайный универсализм и совершенство истребительных действий. Боюсь, что победить мы смогли бы лишь в том случае, если б целиком их уничтожили, а это практически невозможно...

— Вы так думаете?

— Да. То есть, конечно, при соответствующей концентрации средств можно было бы уничтожить всю планету... но ведь это же не является нашей задачей, не говоря уж о том, что у нас и сил на это не хватит. Ситуация действительно единственная в своем роде, поскольку, как я это понимаю, мы вообще-то далеко превосходим их в интеллектуальном смысле. Эти механизмы ни в коем случае не представляют собой никакой разумной силы, просто они в совершенстве приспособились к условиям Регис... к уничтожению всего разумного, а также всего живого. Сами они неживые. Поэтому то, что для них безвредно, для нас может оказаться убийственным.

— Но почему вы уверены, что они не обладают разумом?

— Я мог бы тут уклониться, отговориться незнанием, но скажу вам, что если я вообще в чем-либо уверен, так именно в этом. Почему они не являются разумной силой? Да если б у них был разум, так они давно бы с нами расправились. Если вы мысленно восстановите по очереди все события на Регис с момента нашей посадки, то сами увидите, что они действуют без какого-либо стратегического плана. Нападают от случая к случаю.

— Однако... способ, которым они лишили Реньяра связи с нами, а потом нападение на разведывательные машины...

— Да они попросту делают то же, что тысячелетия назад. Ведь те высшие автоматы, которые они истребили,

наверняка общались между собой именно при помощи радиоволн. Уничтожить этот обмен информацией, расколоть связь — это была одна из первых их задач. Решение прямо-таки само напрашивалось, ведь металлическая туча так надежно экранирует, как ничто другое в мире... И что теперь? Что нам делать дальше? Нам приходится охранять и себя, и свои автоматы, свои машины, без которых мы были бы ничем. А они могут маневрировать абсолютно свободно, имеют практически неисчерпаемые источники воспроизводства, они могут размножиться, если мы уничтожим часть их, и при всем том никакие средства, опасные для живого, не могут им повредить. Неизбежно придется пускать в ход самое разрушительное из наших средств: удары антиматерией... но их и антиматерией целиком не уничтожишь. Вы заметили, как они поступают при ударах? Попросту рассыпаются во все стороны... Кроме того, мы должны все время находиться под защитой, что ограничивает наши стратегические планы, а они могут как угодно дробиться, передвигаться с места на место... И если мы их разобьем на этом материке, они перейдут на другие. Да, в конце концов, это же не наша задача — уничтожать их. Считаю, что мы должны улететь отсюда.

— Ах, вот как...

— Да. Потому что раз нашими противниками являются создания неживой эволюции, наверняка не имеющие психики, мы не можем обсуждать проблему мести, расплаты за «Кондора», за судьбу наших товарищей. Это все равно что пытаться высечь океан, в котором утонул корабль с людьми.

— В том, что вы говорите, было бы много правильного, если б дела в действительности обстояли именно так, — вставая, сказал Горпах. Он оперся руками на исчерченную карту. — Но в конце концов это лишь гипотеза,

а мы не можем вернуться с гипотезами. Нужна уверенность. Не месть, но уверенность. Точный диагноз, установленные факты. Если мы их установим, если я закупо-рю в контейнерах «Непобедимого» образцы этой... этой летающей механической фауны — если она и вправду существует, — тогда я, конечно, сочту, что нам тут больше нечего делать. Тогда уж пускай База определяет дальнейший образ действий. Кстати говоря, нет никакой гарантии, что эти создания останутся по-прежнему на планете: возможно, они так разовьются, что в конечном счете станут угрожать космической навигации в этом районе Галактики.

— Если даже это и случится, то не раньше чем через сотни тысяч, вернее через миллионы лет. Боюсь, что вы все же рассуждаете так, будто мы столкнулись с мыслящим противником. То, что некогда было орудием разумных существ, после их исчезновения приобрело самостоятельность и по прошествии миллионов лет сделалось фактически частью природных сил планеты. Жизнь сохранилась в океане, потому что туда механическая эволюция не распространяется, но она и не пускает эту жизнь на сушу. Этим объясняется и то, что в атмосфере есть кислород — его выделяют водоросли, и то, как выглядит поверхность континентов. Здесь сплошная пустыня, потому что эти механизмы ничего не строят, не создают никакой цивилизации, никаких ценностей, не имеют вообще ничего, кроме себя; поэтому мы и должны рассматривать их как явление природы. Природа ведь тоже не знает ни оценок, ни ценностей. Эти создания просто являются самими собой, существуют и действуют так, чтобы это существование продолжать...

— Как вы объясняете гибель летательных аппаратов? Ведь их защищало силовое поле...

— Силовое поле можно подавить другим силовым

полем. Да ведь, слушайте, для того, чтобы в какие-то доли секунды уничтожить всю память, заключенную в мозге человека, нужно создать вокруг его головы магнитное поле такой напряженности, какой трудно было бы добиться даже нам при помощи всех средств, имеющих на корабле. Понадобились бы гигантские преобразователи, трансформаторы, электромагниты...

— И вы думаете, что у них все это есть?

— Да ничего подобного! Нет у них ничего. Просто они кирпичики, из которых в зависимости от ситуации строится то, что необходимо. Поступает сигнал: «Опасность!» Что-то появилось: это распознается по изменениям среды — например, по изменению электростатического поля. Летающий рой немедленно преобразуется в такой вот «тучемозг», и пробуждается его совместная память: подобные существа уже были, с ними сделали то-то и то-то, и после этого они погибли... И этот образ действий повторяется...

— Ладно,— сказал Горпах, который уже не слушал, что говорит старый биолог.— Старт я откладываю. Сейчас соберем совещание; я не хотел бы этого делать — тут пахнет большой дискуссией, разгорятся страсти ученых,— но другого выхода не вижу. Через полчаса в главной библиотеке, доктор Лауда...

— Пускай меня убедят, что я ошибаюсь, и тогда у вас на корабле появится человек, искренне удовлетворенный...— спокойно проговорил Лауда и исчез из каюты так же тихо, как появился.

Горпах выпрямился, подошел к настенному информатору и, нажав кнопку внутренней связи, вызвал по очереди всех ученых.

Как оказалось, большинство специалистов строило гипотезы того же рода, что и Лауда; он только первым сформулировал все в такой категорической форме. Спо-

ры разгорелись лишь вокруг проблемы — существует ли у «тучи» психика. Кибернетики склонны были счесть ее мыслящей системой, наделенной способностью к стратегическим решениям. Лауде возражали очень резко. Горпахи понимал: страстность этих возражений вызвана не столько гипотезой Лауды, сколько тем, что биолог сразу пришел к нему, вместо того чтобы раньше обсудить все с коллегами. При всей прочности связей, объединявших их с командой, ученые на корабле все же представляли собой нечто вроде «государства в государстве» и соблюдали некий неписанный кодекс поведения.

Главный кибернетик Кронотос спрашивал, каким же образом «туча», по мнению Лауды не имеющая разума, научилась атаковать людей.

— Но это же просто,— возразил биолог.— Она миллионы лет только это и делала. Я имею в виду войну с прежними обитателями Регис. Это были животные, обладавшие центральной нервной системой. «Туча» научилась нападать на них так же, как земные насекомые нападают на жертву. И делает она это с такой же точностью, с какой оса впрыскивает яд в нервную систему кузнечика или майского жука. Это не разум, это инстинкт...

— А почему она знала, как атаковать летательные аппараты? Она же с ними раньше не встречалась...

— Этого мы не можем знать, коллега. Эти механизмы, как я уже говорил, вели войну на двух фронтах. С живыми и с неживыми обитателями Регис. То есть и с другими автоматами. А эти автоматы волей-неволей должны были применять различные виды энергии в целях защиты и нападения...

— Но если среди них не было летающих...

— Я уже догадываюсь, что хочет сказать Лауда,— вмешался заместитель Главного кибернетика Заурахан.— Эти большие автоматы, макроавтоматы, перегово-

ривались друг с другом, чтобы объединиться и действовать сообща, и их легче всего было уничтожить, изолировав, разделив; а тут наилучший способ — блокировка связи...

— Речь идет не о том, можно ли объяснить отдельные формы поведения «тучи», не прибегая к гипотезе о наличии у нее разума, — возразил Кронотос, — поскольку нас не ограничивает бритва Окхэма. Наша задача, по крайней мере сейчас, состоит в том, чтобы создать не такую гипотезу, которая объяснила бы все наиболее экономно и точно, а такую, которая обеспечит наибольшую безопасность действий. Поэтому, мне кажется, следовало бы признать, что «туча», возможно, наделена разумом; это будет более осмотрительно. Если же мы вслед за Лаудой решим, что разума у нее нет, а на деле окажется, что он есть, то за такую ошибку мы рискуем расплатиться ужасной ценой... Я говорю это не как теоретик, а прежде всего как стратег.

— Не знаю, кого ты хочешь победить: тучу или меня, — спокойно ответил Лауда. — Я не сторонник неосторожности, но «туча» не имеет никакого иного разума, нежели тот, какой имеет насекомое, вернее даже не одиночное насекомое, а, допустим, муравейник. Ведь если б дело обстояло иначе, нас бы уже в живых не было.

— Докажи это.

— Мы для тучи не были первым противником типа homo, она уже имела дело с людьми; ведь перед нами здесь был «Кондор». Так вот, чтобы проникнуть внутрь силового поля, этим микроскопическим «мушкам» достаточно было зарыться в песок. Поле доходит лишь до его поверхности. Туча видела силовые поля «Кондора», так что могла додуматься до этого способа. Однако ничего такого она не сделала. Значит, либо туча глупа, либо она действует инстинктивно.

Кронотос не собирался сдаваться, но вмешался Горпах и предложил перенести дальнейшую дискуссию на другое время. Он хотел, чтобы давали конкретные предложения, основываясь на том, что установлено с достаточной вероятностью. Нигрен спросил, нельзя ли экранировать людей при помощи металлических шлемов, которые препятствуют воздействию магнитного поля. Физики, однако, пришли к заключению, что это будет бесполезно — мощное магнитное поле создает в металле вихревые токи, которые сильно разогреют шлем, он начнет обжигать голову, и придется его сорвать, а результат понятен.

Уже вечерело. Горпах в одном углу зала разговаривал с Лаудой и врачами; кибернетики образовали отдельную группу.

— Это все же неслыханно, чтобы существа с более развитым интеллектом, эти макроавтоматы, не одержали победы,— сказал один из кибернетиков.— Это было бы исключением из правила, что эволюция идет по пути усложнения, совершенствования гомеостаза...

— Эти автоматы не имели шансов именно потому, что были уже с самого начала так высоко развиты и сложны,— возразил Заурахан.— Ты пойми: они были высокоспециализированы для сотрудничества со своими конструкторами, лирянами, а когда лиряне исчезли, они оказались вроде как искалеченными, потому что лишились руководства. А те механизмы, из которых развились теперешние «мушки» (я вовсе не утверждаю, что они существовали уже тогда, считаю даже, что это исключается, они могли образоваться лишь намного позже), были относительно примитивными, и поэтому перед ними открывалось много путей развития.

— Возможно, существовал еще более важный фактор,— добавил доктор Сакс, подходя к кибернетикам.— Речь идет о механизмах, а механизмы никогда не прояв-

ляют такой способности регенерировать, как живое существо, живая ткань, которая восстанавливается при повреждении. Макроавтомат, даже если он способен отремонтировать другой автомат, нуждается для этого в инструментах, в целом машинном парке. Поэтому стоило их отрезать от таких инструментов, и они были обезоружены. Сделались почти беззащитной добычей летающих созданий, которые были гораздо менее чувствительными к повреждениям...

— Это невероятно интересно,— сказал вдруг Заурахан.— Из этого следует, что автоматы надо делать совсем по иному принципу, чем сейчас, чтобы они были подлинно универсальными: надо основываться на маленьких элементарных кирпичиках, которые будут взаимозаменяемыми...

— Это не очень-то ново,— усмехнулся Сакс,— ведь эволюция живых форм идет именно таким образом и не случайно... Поэтому и то, что «туча» состоит из таких взаимозаменяемых элементов, наверняка не случайно. Тут все дело в материале. Для поврежденного макроавтомата нужны запасные части, изготовить которые можно лишь при наличии высокоразвитой промышленности. А устройство, состоящее из пары кристалликов, термисторов или других простейших элементов, можно уничтожить, и никакого вреда от этого не будет, его немедленно заменит одно из миллиарда ему подобных...

Видя, что от ученых уже мало чего добьешься, Горпак ушел, а они почти и не заметили этого, увлекшись дискуссией. Он направился в рулевую рубку, чтобы сообщить группе Рогана о гипотезе «неживой эволюции».

Было уже темно, когда «Непобедимый» установил связь с суперкоптером, стоящим в кратере. К микрофону подошел Гаарб.

— У меня тут осталось всего семь человек,— сказал

он,— в том числе два врача при этих несчастных. Все сейчас спят, кроме радиста, он сидит тут со мной. Да... у нас полная силовая защита. Но Роган еще не вернулся.

— Еще не вернулся?! А когда он выехал?

— Около шести вечера. Взял шесть машин и всех остальных людей, одиннадцать человек... Мы договорились, что он вернется после захода солнца. Солнце зашло десять минут назад.

— Радиосвязь вы с ним имеете?

— Час назад потерял связь.

— Гаарб! Почему вы немедленно не известили меня?!

— Так ведь Роган предупредил, что связь на какой-то срок прервется, потому что они забираются в одно из этих глубоких ущелий. Их склоны поросли этой металлической дрянью, а она так экранирует, что практически нечего и говорить о связи.

— Известите меня немедленно, когда Роган вернется... Он за это ответит... Этак мы всех скоро потеряем...

Астрогатор продолжал говорить, но тут Гаарб закричал:

— Они едут, командир! Я вижу огни на откосе, вверх. Это Роган... Раз, два... нет, только одна машина... Сейчас я все узнаю...

— Я жду.

Огни фар колыхались низко, над самой землей; они то освещали световыми столбами лагерь, то снова исчезали в неровностях почвы. Гаарб схватил лежащую не-вдалеке ракетницу и дважды выстрелил вверх. Эффект был замечательный: все спящие вскочили. Тем временем машина описала дугу, радист открыл проход в поле, и по обозначенной голубыми огнями полосе двинулся запыленный вездеход. Гаарб с ужасом узнал маленькую трехместную амфифию командира группы. В скачущем свете фар он побежал навстречу машине. Не успела она тол-

ком остановиться, как из нее выпрыгнул человек в изодранном комбинезоне, с лицом, до того измазанным грязью и кровью, что Гаарб не узнал его, пока тот не заговорил.

— Гаарб...— простонал он, положив ученому руки на плечи, и ноги у него подогнулись.

Подбежали и другие, подхватили его, крича:

— Что случилось?! Где все?!

— Нет... уже... их... никого...— прошептал Роган и повис у них на руках, теряя сознание.

Около полуночи врачам удалось привести его в чувство. Лежа в кислородной палатке, он рассказал то, о чем полчаса позже Гаарб сообщил «Непобедимому».

Группа Рогана

Колонна, которую повел Роган, состояла из двух больших энергоботов, четырех гусеничных вездеходов и маленькой амфибии — в ней сидел Роган вместе с водителем Яргом и боцманом Тернером. Машины шли строем, в соответствии с инструкцией третьей степени. Впереди двигался энергобот без людей, за ним — амфибия Рогана, дальше шли четыре машины, в каждой из которых было по два человека, а замыкал колонну второй энергобот. Энергоботы прикрывали всю группу куполом силового поля.

Роган отважился на этот поход потому, что в кратере при помощи «электронных ищеек» — ольфактометрических индикаторов — удалось обнаружить следы четверых пропавших. Ясно было, что если их не разыскать, то они погибнут от голода или жажды, более беспомощные, чем дети, среди хаоса скал и расселин.

Первые километры колонна шла, полагаясь на указания индикаторов. Часам к семи у входа в одно из уще-

лий, в этом районе широких и неглубоких, в русле пересыхающего ручья были замечены человеческие следы. Они превосходно сохранились в мягком иле, лишь кое-где их размыва тихо струящаяся вода. По характерному узору на отпечатках видно было, что следы эти оставили тяжело обутые люди из группы Реньяра. Следы уходили в глубь ущелья и чуть далее исчезали на каменистом грунте, но это не обескуражило Рогана: он видел, что склоны ущелья вздымаются все круче, и парализованные амнезией люди вряд ли могли на них вскарабкаться. Роган рассчитывал, что вскоре найдет их в глубине ущелья, которое отсюда не просматривалось из-за бесчисленных крутых поворотов.

Посоветовавшись, колонна двинулась дальше и добралась до места, где по обоим склонам ущелья росли странные, необычайно густые металлические кусты. Были они приземистые, кистевидные, высотой примерно в метр — полтора. Вырастали из скальных трещин, заполненных черноватым илом. Сначала они гнездились поодиночке, потом слились в сплошные заросли, которые ржавым щетинистым покровом устилали склоны ущелья почти до самого дна, где, почти исчезая под каменными глыбами, сочилась струйка воды.

Там и сям среди кустов виднелись отверстия пещер. Из некоторых струились тоненькие ручейки, другие были или казались сухими. В те пещеры, отверстия которых находились низко, товарищи Рогана пробовали заглянуть, присвечивая прожекторами. В одной из них нашли множество мелких треугольных кристалликов; они лежали в воде, капавшей со сводов. Роган набрал целую горсть их в карман. С полкилометра они двигались в глубь ущелья, все заметней под уклон. Пока что гусеницы машин отлично справлялись с покатостью, а поскольку в двух местах снова удалось заметить следы подошв на

берегах ручейка, все были уверены, что идут по правильному пути. За одним из очередных поворотов радиосвязь с суперкоптером основательно ухудшилась, а потом и вовсе оборвалась; Роган приписал это экранирующему воздействию металлических зарослей. По обе стороны ущелья, которое здесь было шириной метров двенадцать, вздымались скалы, порой почти отвесные; будто жесткий мех, покрывала их щетинистая гуща зарослей.

Машины дважды проходили через довольно широкие каменные ворота; это потребовало немало времени, так как техникам поля пришлось очень осторожно и точно уменьшать его радиус, чтобы не затронуть скал. Скалы тут сильно растрескались и искрошились от эрозии, и удар силового поля мог вызвать целую лавину обломков. Опасались, конечно, не за себя, а за пропавших товарищей — окажись они поблизости, обвал мог бы их погубить.

Примерно через час после того, как была потеряна радиосвязь, на экранах магнитных индикаторов замелькали частые вспышки. Пеленгаторы, видимо, испортились — нельзя было выяснить, откуда исходят эти импульсы, они указывали одновременно во все стороны. Лишь при помощи счетчиков напряженности и поляризаторов удалось установить, что источник колебаний магнитного поля — заросли, покрывающие стены ущелья. Только теперь все заметили, что и заросли здесь выглядят иначе — исчез ржавый налет, кусты стали выше, больше и словно еще чернее оттого, что их проволоочные ветви были усеяны странными утолщениями. Роган не решился их обследовать — не хотел рисковать, открывая силовое поле.

Колонна ускорила ход; импульсометры и магнитные датчики отмечали все более колеблющуюся активность. Подняв глаза вверх, можно было заметить, что над

поверхностью черной чаши колеблется воздух, будто нагретый до высокой температуры, а за очередными каменными воротами возникли над кустами прозрачные пряди, похожие на тающие дымки. Но было это слишком высоко, и разобраться, что представляет собой это явление, не удавалось даже при помощи биноклей. Правда, Ярг, обладавший очень острым зрением, утверждал, что эти «дымки» похожи на рой маленьких насекомых.

Роган начал беспокоиться: поездка и так уже затянулась сверх ожиданий, а ущелью не было конца. Правда, ехать теперь можно было побыстрей — исчезли нагромождения глыб на русле ручья, да и сам ручей пропал, уйдя глубоко под осыпи, и только когда машины останавливались, в наступившей тишине слышалось слабое журчанье невидимой воды.

За очередным поворотом опять появились каменные ворота — более узкие, чем прежние. Прodelав измерения, техники установили, что проехать через эти ворота с включенным полем невозможно: ведь силовое поле не может приобретать произвольную форму, а всегда представляет собой вариант тела вращения — шар, эллипсоид или гиперболоид. До тех пор им удавалось пробираться сквозь тесные ущелья, сжимая поле в нечто вроде сплющенного стратостата, разумеется, невидимого. Но сейчас этого нельзя было добиться, как ни маневрируй. Роган посоветовался с физиком Томманом и обоими техниками поля, и все вместе решили, что рискнут проехать, выключив защиту на мгновение и лишь частично. Первым, выключив эмиттер, должен был идти энергобот без экипажа, а сразу за воротами эмиттер следовало снова включить, чтобы спереди создалась защита в виде выпуклого диска. Двигаясь сквозь узкий проход, машины с людьми оставались бы без защиты лишь сверху; замыкающий колонну энергобот должен был, как только мину-

ет каменные ворота, включить эмиттер, и тогда снова возникнет полная защита.

Все шло согласно этому плану, и последний из четырех вездеходов почти уже миновал теснину, когда воздух странно вздрогнул от беззвучного толчка — будто поблизости бесшумно свалилась скала; щетинистые стены ущелья задымились, из них выползла черная туча и с бешеной скоростью ринулась на колонну.

Роган, который решил пропустить все вездеходы перед своей амфибией, в этот момент стоял в машине, ожидая, когда пройдет последний из них. Он увидел черноту, внезапно хлынувшую со стен ущелья, и гигантскую вспышку впереди, где в поле переднего энергобота сгорали клубы нападающей тучи. Но большая ее часть пронеслась над огнем и ринулась на машины. Роган крикнул Яргу, чтобы тот немедленно включил эмиттер заднего энергобота и сомкнул поле — в такой ситуации уже не к чему было бояться обвала. Ярг попытался сделать это, но поле не включалось. Вероятно, как сказал потом Главный инженер, перегрелись клистроны аппаратуры. Если бы Ярг подержал эмиттер под возбуждающим током еще несколько секунд, поле, несомненно, включилось бы, но он потерял самообладание и выскочил из машины. Роган схватил его за комбинезон, но Ярг, обезумев от страха, вырвался и пустился наутек вниз по ущелью. Когда Роган сам кинулся к аппаратуре, было уже поздно.

Люди, захваченные тучей врасплох, выскакивали из машин и разбегались во все стороны, почти невидимые в ее бурлящих клубах. Картина эта была настолько невероятной, что Роган уже ничего не пытался делать. Это, впрочем, было и невозможно: включив поле, он убил бы людей, потому что они даже на склоны карабкались, словно ища защиты в металлической чаше. Он недвижимо стоял в машине, ожидая, когда и его постигнет та же

судьба. За его спиной Тернер, высунувшись из своей башенки, бил из спаренных лазеров вверх, но это не имело смысла, потому что основная часть тучи уже слишком приблизилась. Остальные машины находились метрах в шестидесяти от амфибии Рогана. Там метались, катались по земле несчастные, будто охваченные черным пламенем; они, наверное, кричали, но их крик, как и все другие звуки, как и гуденье переднего энергобота, на силовом поле которого продолжали сгорать в мерцающем пламени мириады нападающих, заглушался протяжным басовым жужжанием тучи.

Роган так и стоял, наполовину высунувшись из своей амфибии, даже не пытаясь в ней укрыться, и не от смелости отчаяния, а просто потому, что ни об этом и ни о чем другом он не думал.

Эта картина, которую он никогда не смог забыть,— люди под черной лавиной — внезапно изменилась поразительным образом. Люди перестали кататься по камням, бегать, втискиваться в проволочные заросли. Они медленно останавливались или садились, а туча, разделившаяся на вереницу воронок, образовывала над каждым из них как бы локальный смерч, одним касанием окружала его туловище либо только голову, а потом отдалялась, клубясь и колеблясь; она жужжала все выше между стенами ущелья, наконец заслонила свет сумеречного неба, а потом с протяжным замирающим шумом уползла в скалы, осела в черные джунгли, исчезла, и лишь крохотные черные точки, рассыпавшиеся меж неподвижно лежащими людьми, подтверждали реальность того, что здесь недавно произошло.

Роган, все еще не веря в свое избавление и не понимая, чему его приписать, поискал глазами Тернера. Но башенка была пуста — очевидно, боцман выскочил из машины, неизвестно когда и как; Роган увидел, что он

лежит поодаль, все еще прижимая к груди приклады лазеров, и смотрит остановившимся взглядом.

Роган вышел из машины; он перебегал от одного человека к другому. Они не узнавали его. Ни один ему не ответил. Большинство вело себя спокойно; они ложились либо садились на камни; двое-трое встали и, подойдя к машинам, начали ощупывать их медленными неуклюжими движениями слепцов. Роган глядел, как отличнейший радист, друг Ярга Генлис, словно дикарь, впервые увидавший машины, с полуоткрытым ртом подергивал ручку, открывающую люк вездехода.

В следующее мгновение Роган смог понять, откуда взялась круглая дыра, выжженная в одной из переборок «Кондора». Стоя на коленях, он схватил Баллмина за плечи и начал трясти со всей силой отчаяния, будто веря, что таким образом можно заставить его очнуться. И тут у самой его головы пролетело гремящее фиолетовое пламя. Это один из сидевших поодаль вытащил из кобуры свой излучатель Вейра и невзначай нажал на гашетку. Роган крикнул ему, но человек не обратил на него ни малейшего внимания. Возможно, ему понравился блеск, как малышу нравится фейерверк, и он начал стрелять, расходуя атомный заряд, так что зашипел, раскалившись воздух. Роган, упав наземь, заполз в щель между каменными глыбами.

В этот момент послышался стремительный топот и из-за поворота выбежал Ярг, запыхавшийся, с лицом, блестящим от пота. Он бежал прямо на безумца, который развлекался стрельбой из вейра.

— Стой! Ложись! Ложись!! — изо всех сил крикнул Роган.

Но не успел сбитый с толку Ярг остановиться, как разряд ударил ему в левое плечо, и Роган видел лицо Ярга, когда оторванная рука взлетела в воздух, а из

ужасной раны хлынула кровь. Стрелявший будто бы и не заметил этого, а Ярг, поглядев с безмерным удивлением на кровоточащую культю и на оторванную руку, повернулся и упал.

Человек с вейром встал. Непрерывная струя пламени из накаляющегося излучателя высекала искры из камней; пахло горелым кремнеземом. Движения человека были неуверенными — совсем как у младенца, который держит погремушку. Пламя пронизало воздух между двумя людьми, сидевшими рядом, но они даже не зажмурились от его слепящего блеска; одному из них разряд едва не угодил прямо в лицо. Роган, опять ничего не решив, просто инстинктивно выхватил из кобуры свой вейр и выстрелил всего один раз. Тот человек с размаху стукнул себя скорченными руками в грудь, его оружиебрякнуло о камни, и сам он упал ничком.

Роган вскочил. Смеркалось. Надо было поскорей отвезти всех на базу. Но он располагал только своей маленькой амфибией; когда он попробовал завести вездеход, оказалось, что два из них столкнулись в самом узком месте ворот и растащить их удалось бы лишь при помощи крана. Был еще задний энергобот, но в нем можно было поместить самое большее пятерых, а у Рогана их было девять — живых, хоть и потерявших рассудок. Он подумал, что лучше всего собрать их вместе и связать, чтобы они не могли ни убежать, ни навредить самим себе, включить поля обоих энергоботов, а самому ехать за помощью. С собой он не хотел брать никого, потому что амфибия была совершенно беззащитна, и в случае нападения он предпочитал рисковать одним собой.

Совсем уже стемнело, когда Роган окончил эту жуткую работу; люди позволили связать себя без малейшего сопротивления. Он отвел задний энергобот, чтобы амфибия могла выбраться на свободное пространство, устано-

вил оба эмиттера, дистанционно включил силовую защиту, прикрыв ею всех пострадавших, а сам двинулся в обратный путь.

Таким образом, на двадцать седьмой день после посадки почти половина команды «Непобедимого» была выведена из строя.

Поражение

Как всякая правдивая история, рассказ Рогана выглядел странным и нескладным. Почему туча не напала ни на него, ни на Ярга? Почему не трогала и Тернера, пока тот не выскочил из амфибии? Почему Ярг сначала убежал, а потом вернулся?

На последний вопрос было сравнительно легко ответить. Вернулся, должно быть, когда панический страх немного схлынул и можно было уже сообразить, что до базы километров примерно шестьдесят и что с таким запасом кислорода пешком туда не доберешься. Но другие вопросы оставались загадкой. А от их решения могла зависеть судьба всех людей «Непобедимого». Но пока что было не до гипотез и рассуждений — требовались срочные действия.

Горпax узнал о судьбе группы Рогана после полуночи; получасом позже он стартовал.

Переброска космического крейсера с одного места на другое, находящееся в двухстах километрах, — задача неблагодарная. Корабль должен все время вертикально висеть на огненном столбе выхлопов, вести его нужно с относительно небольшой скоростью, а из-за этого расходуется масса топлива. Двигатели, не приспособленные к такому движению, нуждались в непрерывной помощи электронных автоматов, и все же стальной колосс двигался слегка раскачиваясь, будто на пологой волне. Для

наблюдателя, стоящего на поверхности Регис III, это было бы, наверное, любопытное зрелище — еле различимый сквозь пламя выхлопов силуэт, плывущий во мраке, словно огненная колонна. Придерживаться правильного курса тоже было нелегко, тем более, что кратер, к которому они направлялись, скрывался под тонкой пеленой облаков. Наконец, еще до рассвета, «Непобедимый» опустился в кратере, в двух километрах от прежней базы Рогана; суперкоптер, машины и бараки попали в радиус силового поля, а хорошо вооруженная спасательная группа около полудня привезла всех уцелевших людей группы Рогана. Под госпиталь пришлось занять два дополнительных помещения — мест уже не хватало.

Лишь теперь ученые начали обсуждать, какая же таинственная сила спасла Рогана и — если бы не трагическая случайность — спасла бы и Ярга.

Это было непонятно — ведь оба они не отличались от других ни одеждой, ни вооружением, ни внешностью. Вряд ли могло иметь значение и то, что оба они вместе с Тернером находились в маленькой амфибии.

В то же время Горпах должен был решать, что делать дальше. Ситуация была настолько ясна, что он мог вернуться на Базу с данными, которые оправдывали бы отступление и заодно объясняли трагический конец «Кондора». То, что наиболее интересовало ученых — металлические псевдонасекомые, их симбиоз с механическими «растениями», обосновавшимися на скалах, наконец проблема «психики» тучи (а ведь не было даже известно, существует ли одна туча или их много и могут ли небольшие тучи сливаться в единое целое) — все это вместе взятое не заставило бы Горпаху остаться на Регис хоть часом дальше, если б не то, что не хватало четверых людей из группы Реньяра вместе с самим руководителем.

Следы исчезнувших терялись в ущелье. Не подлежало сомнению, что эти незащищенные существа погибнут там, даже если неживые обитатели планеты и оставят их в покое. Их может спасти лишь помощь «Непобедимого», и надо, значит, обыскивать окрестности.

Единственное, что удалось установить с удовлетворительным приближением, был радиус поисков — люди, потерявшиеся среди ущелий и гротов, не могли отдалиться от кратера более чем на несколько десятков километров. Кислорода у них в аппаратах оставалось уже немного, но врачи утверждали, что дышать воздухом планеты наверняка не опасно для жизни, а оглушение метаном, конечно, было уже несущественно при таком состоянии, в котором находились эти люди.

Район поисков был не очень обширен, но чрезвычайно труден и очень плохо просматривался. Прочесывание всех закоулков, щелей, гротов и пещер даже в благоприятных условиях могло бы длиться недели. В скалистых стенах ущелий, лишь кое-где выходя наружу, скрывалась целая система подземных переходов и гротов, промытых водами. Вполне возможно, что исчезнувшие оказались в одном из таких укрытий; вдобавок нельзя было рассчитывать даже на то, что их удастся найти в одном месте: лишившись памяти, они стали беспомощней, чем дети, — те по крайней мере держались бы вместе. А к тому же эти окрестности были обиталищем черных туч. Мощное вооружение «Непобедимого», его технические средства немногим могли помочь в поисках. Самую надежную защиту — силовое поле — вообще невозможно было применить в подземных переходах. Так что возникала альтернатива — либо немедленно возвращаться, что означало смертный приговор для исчезнувших, либо начинать рискованные поиски. Поиски эти будут иметь реальный

смысл лишь несколько дней, самое большее неделю: после этого удастся обнаружить лишь трупы.

Утром следующего дня астрогатор вызвал к себе специалистов, обрисовал ситуацию и заявил, что рассчитывает на их помощь. В распоряжении ученых находилась горстка «металлических насекомых», которую Роган принес в кармане своей куртки. Почти сутки ушли на их исследование. Горпах хотел знать, существуют ли шансы радикально обезвредить эти существа. Снова встал и вопрос, что спасло Рогана и Ярга от нападения «тучи».

«Пленники» занимали во время совещания почетное место посреди стола, в закупоренном стеклянном сосуде. Осталось их чуть больше десятка, остальные были уничтожены при исследованиях. Создания эти, отличающиеся строгой тройственной симметрией, по форме напоминали букву Y с тремя остроконечными разветвлениями и утолщением в центре, на месте их стыка. В прямых лучах они казались черными, как уголь; в отраженном свете переливались синим и зеленым, как крылья некоторых земных насекомых. Поверхность их состояла из мельчайших плоскостей, похожих на грани бриллианта, а внутри находилась микроскопическая, всегда одинаковая конструкция. Элементы ее были в сотни раз мельче песчинок; они образовывали нечто вроде автономной нервной системы, в которой удалось различить две частично независимые друг от друга схемы. Меньшая из них, расположенная в верхних ответвлениях буквы Y, управляла движениями «насекомого»; в микрокристаллической структуре этих ответвлений содержалось нечто вроде универсального аккумулятора и одновременно трансформатора энергии. В зависимости от характера сжатия, которому подвергались микрокристаллики, они создавали то электрическое, то магнитное поле, то переменные силовые поля, которые могли нагревать центральную часть до относительно вы-

сокой температуры; накопленное при этом тепло излучалось наружу в одном направлении. Вызванное этим движение воздуха, вроде выхлопа, позволяло двигаться в любом направлении.

Одиночный кристаллик не летал, а скорее вспархивал и, по крайней мере во время лабораторных испытаний, не мог точно управлять своим полетом. Но соединяясь кончиками ответвлений с другими кристалликами, он создавал комплекс, и чем больше кристалликов соединялось, тем выше были их аэродинамические возможности.

Каждый кристаллик соединялся с тремя другими; кроме того, он мог соединиться концом ответвления с центром другого кристаллика; так возникало многослойное строение «тучи». При соединении не обязательно было соприкасаться вплотную — стоило сблизить концы, и возникшее при этом поле удерживало все элементы в равновесии. При определенном количестве «насекомых» комплекс начинал проявлять многочисленные закономерности: он мог, реагируя на внешние импульсы, менять направление движения, характер, форму, частоту внутренних пульсаций; при определенных изменениях такого рода смещались знаки поля, и металлические кристаллики начинали взаимно отталкиваться, разъединялись, переходили в состояние «индивидуальной россыпи»...

Кроме схемы, ведающей такими движениями, каждый кристаллик содержал еще одну систему связей или, вернее, ее фрагмент, так как она, по-видимому, представляла собой часть какого-то большого целого. Эта сверхсистема, возникающая, вероятно, лишь при соединении огромного количества элементов, и была тем двигателем, который приводил тучу в действие. На этом, однако, оканчивались познания ученых: они не разбирались в возможностях разрастания этих сверхсистем, и уж совсем неясным оставался вопрос о «разумности» тучи. Кроне-

тос предполагал, что объединяется тем большее количество кристалликов, чем более трудную проблему предстоит им решить. Это звучало довольно убедительно, однако ни кибернетики, ни информатики не знали ничего аналогичного такой конструкции, то есть «произвольно разрастающемуся мозгу», который меняет свои размеры в зависимости от размаха начинаний.

Часть кристалликов, принесенных Роганом, была повреждена. Но остальные демонстрировали типичные реакции. Одиночный кристаллик мог взлетать, висеть в воздухе почти недвижимо, опускаться, приближаться к источнику импульсов либо избегать его. При всем том он был абсолютно безопасен, даже на краю гибели (а исследователи пробовали уничтожить их химическими средствами, накаливанием, силовыми полями, излучением) не выделял никаких видов энергии, и можно было его прикончить, как самого слабенького земного жучка, с той лишь разницей, что кристалло-металлический панцирь не так-то легко было раздавить. Зато объединившись хотя бы в небольшой комплекс, «насекомые» начинали в ответ на воздействие магнитного поля создавать свое поле, которое уничтожало созданное людьми; при нагревании старались избавиться от излишка тепла инфракрасным излучением. Но дальнейших опытов проделать не удалось — ученые располагали всего лишь горсткой кристалликов.

На вопрос астрогатора от имени «главных» отвечал Кронотос. Ученые требовали времени для дальнейших исследований, а прежде всего жаждали добыть побольше кристалликов. Они предлагали поэтому, чтобы в глубь ущелья послали экспедицию, которая, разыскивая пропавших людей, одновременно набрала бы минимум несколько десятков тысяч псевдонасекомых.

Горпах согласился на это. Однако, считая, что не име-

ет больше права рисковать людьми, он решил послать в ущелье машину, которая пока не участвовала ни в одной операции. Это была восьмидесятитонная самоходная машина специального назначения; обычно ее использовали только в условиях высокой радиоактивности, гигантских давлений и температур. Машина эта, которую неофициально все называли «Циклопом», находилась на самом дне корабля, наглухо закрепленная на подъемниках грузового люка. В принципе такие машины не применялись на поверхности планет, а «Непобедимый», по правде говоря, вообще ни разу еще не пускал в ход своего «Циклопа». Ситуации, в которых приходилось прибегать к такой крайности, можно было — по отношению ко всем кораблям Базы — на пальцах одной руки перечесть. Послать за чем-нибудь «Циклопа» — это, по понятиям астронавтов, было все равно, что дать задание дьяволу; никто не слышал, чтобы такая машина потерпела поражение.

Машину, извлеченную при помощи подъемников, поставили на пандусе, и там ею занялись техники и программисты. Кроме обычной системы эмиттеров Дирака, создающих силовое поле, «Циклоп» был снабжен шаровым излучателем антиматерии и мог извергать антипротоны в любом направлении либо во всех направлениях одновременно. Встроенная в бронированное днище система позволяла «Циклопу» благодаря интерференции силовых полей подниматься до высоты нескольких метров над почвой, так что он не зависел ни от рельефа местности, ни от наличия колес или гусениц. Спереди открывалась бронированная пасть, а из нее высывался ингау-стер — нечто вроде телескопической «руки», которая могла проделывать местные бурения, брать пробы минералов и выполнять многие другие работы. «Циклоп» обладал мощной радиостанцией и телепередатчиком, но был приспособлен и для самостоятельных действий: у него

имелся электронный мозг. Техники из оперативной группы инженера Петерсена ввели в этот мозг соответственно разработанную программу: астрогатор считался с тем, что внутри ущелья «Циклоп» потеряет связь с кораблем.

В программу входили поиски пропавших; «Циклоп» должен был, найдя их, ввести в свое нутро; сначала накрыть их вторым, внешним силовым полем, а потом, под этой защитой, открыть проход во внутреннее поле, защищающее его собственный корпус. Кроме того, «Циклоп» должен был набрать побольше кристалликов — из тех, которые нападут на него. Излучатель антиматерии разрешалось применить только при крайней необходимости — если обнаружится, что туча подавляет силовое поле: ведь вспышка аннигиляции угрожала жизни пропавших, окажись они невдалеке от места схватки.

«Циклоп» достигал восьми метров в длину и был соответственно «плечист» — его корпус в поперечнике превышал четыре метра. Если бы какая-нибудь расщелина оказалась для него недоступной, он мог расширить ее, либо действуя стальной «рукой», либо расталкивая и дробя скалы силовым полем. Внутри у него поместили автомат, который должен был заняться найденными людьми; приготовили для них и постели.

Техники окончили работу, проконтролировали все устройства; бронированное туловище удивительно легко соскользнуло вниз по пандусу, и «Циклоп», словно несомый невидимой силой — он не поднимал пыли, даже когда двигался с максимальной быстротой, — миновал голубые огни прохода в силовом поле, и вскоре исчез из поля зрения.

Вначале радиотелевизионная связь между «Циклопом» и кораблем действовала безукоризненно. Роган распознал на экране вход в ущелье, где произошло нападение, по большому «обелиску», похожему на падающую

колокольню, который частично перекрывал просвет между скалистыми склонами. Вскоре «Циклоп» слегка снизил скорость, преодолевая нагромождение больших глыб. Стоящие у экранов слышали даже журчанье ручья, струящегося под камнями, — так бесшумно работал атомный двигатель «Циклопа».

Связисты принимали изображение и звук до тех пор, пока «Циклоп», пройдя более доступную часть ущелья, не оказался среди ржавых зарослей. Благодаря усилиям радиотехников удалось потом передать и получить еще четыре сообщения, но пятое оказалось уже до такой степени искаженным, что можно было лишь догадываться о его содержании: электронный мозг «Циклопа» извещал об успешном продвижении вперед.

Как предусматривалось по плану, Горпах послал тогда с «Непобедимого» летающий зонд с телепередатчиком. Зонд стремительно взвился вверх и через несколько секунд исчез. В центральную рубку начали поступать его сигналы, и тут же возник на экране вид ущелья с высоты полутора километров: истресканные, крошащиеся скалы, покрытые ржавыми черными зарослями. Вскоре стал ясно виден и «Циклоп», который двигался по ущелью, сверкая, как стальной кулак. Горпах, Роган и руководители специальных групп стояли у экранов центральной рубки. Прием был хороший, но они предвидели, что он может ухудшиться или прерваться, и держали наготове другие зонды — телепередатчики. Главный инженер считал, что в случае нападения связь с «Циклопом» наверняка оборвется, но можно будет по крайней мере наблюдать за его действиями.

Электронный глаз «Циклопа» не мог еще этого заметить, но люди, стоящие у экранов, с высоты парящего над ущельем телезонда видели, что лишь несколько сот метров отделяло могучую машину от застрявших в ка-

менных воротах вездеходов. «Циклоп» должен был, выполнив свое задание, на обратном пути взять на буксир два вездехода, поврежденные при столкновении. Вездеходы с высоты выглядели как зеленоватые коробочки; возле одного из них виднелась обуглившаяся фигурка — труп человека, в которого стрелял Роган.

Перед поворотом, за которым торчали шпили каменных ворот, «Циклоп» замедлил ход и приблизился к металлическим зарослям, спускающимся почти до самого дна. С напряженным вниманием следили за ним люди. «Циклопу» пришлось открыть спереди свое силовое поле, чтобы сквозь узкий проход просунуть ингаустер. Все увидели, как выдвинулось нечто вроде удлиненного орудийного ствола с зубчатой лапищей на конце; ингаустер захватил этой лапищей полную горсть кустов и без видимых усилий оторвал их от каменистого грунта; после этого «Циклоп», пятась, сполз на дно ущелья. Вся эта операция была проведена ловко и точно. Через телезонд наладили связь с мозгом «Циклопа», и он сообщил, что «образец», кишачий черными «насекомыми», замкнут в контейнере.

«Циклоп» находился уже в ста метрах от места катастрофы. Там стоял, упершись бронированной кормой в скалу, замыкающий энергобот колонны Рогана, в теснине прохода вздыбились столкнувшиеся вездеходы, а по ту сторону ворот стояли еще два вездехода и перед ними — второй энергобот. Воздух над ними еле заметно вибрировал — силовое поле, которое включил Роган после катастрофы, продолжало существовать. «Циклоп» дистанционно выключил эмиттеры этого энергобота, потом увеличил мощность реактивного выхлопа, приподнялся в воздух, проворно проскользнул над машинами и опустился уже впереди колонны.

В то же мгновение кто-то из стоящих у экранов тревожно вскрикнул. В рубке «Непобедимого», за полсотни

километров от ущелья, все увидели, как задымилась черная щетина его склонов и волнами обрушилась на земную машину с таким напором, что в первое мгновение «Циклоп» совершенно исчез, будто его закрыло кинутым сверху плащом смолистого дыма. Однако тут же всю тучу насквозь пронизала ветвистая молния. «Циклоп» не использовал своего страшного оружия — это созданные тучей энергетические поля столкнулись с его силовой защитой. Незримое силовое поле вдруг словно материализовалось, облепленное толстым слоем кишашей черноты; оно то вздувалось, как огромный лавовый пузырь, то сжималось, и эта странная игра тянулась довольно долго. Людям у экранов казалось, что невидимая для них машина пытается растолкать мириады нападающих, но их становилось все больше и больше, потому что новые тучи одна за другой лавинами катились на дно ущелья. Уже не видно было даже сверкания вспышек на границах силового поля, и только в глухой тишине продолжалась жуткая борьба двух неживых, но мощных сил. Вдруг кто-то из наблюдавших бой вздохнул: пульсирующий пузырь силового поля совсем исчез под черной воронкой; туча превратилась в гигантский смерч, который вздымался над вершинами самых высоких скал и, зацепившись основанием за невидимого противника, бешено кружился километровым водоворотом. Никто не сказал ни слова; все понимали, что туча пытается таким образом раздавить силовой пузырь, в котором, словно ядро в скорлупе, скрывалась машина.

Роган краем глаза заметил, что астрогатор уже открыл было рот, чтобы спросить стоящего рядом Главного инженера, должно быть, о том, выдержит ли силовое поле, но не спросил. Не успел.

Черный смерч, стены ущелья, заросли — все это вдруг исчезло. Казалось, будто на дне ущелья началось извер-

жение вулкана. Столб дыма, кипящей лавы и осколков, окутанный прозрачной пеленой пара, вздымался все выше; пар, возникший, наверное, из закипевшего ручья, добрался до телезонда, на высоту полутора километров.

«Циклоп» пустил в ход излучатель антиматерии.

Никто из стоявших в рубке не шевельнулся, не заговорил, но всех охватило чувство мстительного удовлетворения; оно было неразумным, но это не снижало его интенсивности. Похоже было, что туча наконец нашла достойного противника.

Всякая связь с «Циклопом» прервалась с момента атаки, и люди теперь видели лишь то, что доносили до них ультракороткие волны телезонда сквозь семьдесят километров вибрирующей атмосферы. О битве, разгоревшейся в ущелье, узнали и те, кто был вне центральной рубки. Часть команды, разбиравшая алюминиевый барак, бросила работу. Горизонт на северо-востоке засиял, будто там всходило второе солнце, ярче того, что стояло в зените, а потом это сияние погасил дым, вздымающийся гигантским грибом к небесам.

Техники, контролирующие работу телезонда, вынуждены были отодвинуть его от эпицентра боя и поднять на четыре километра. Лишь теперь он вышел из зоны бурных воздушных потоков, вызванных взрывами. Не видно было ни скал, ни косматых склонов, ни даже черной тучи, которая из них возникла. Экраны были заполнены слоями бурлящего огня и дыма, исчерченного параболами пылающих осколков; акустические датчики зонда передавали неумолчный, то слабеющий, то нарастающий грохот, словно на всей материке шло землетрясение.

То, что дьявольская битва все не кончается, было поразительно. Через несколько десятков секунд после того, как начал действовать излучатель антиматерии, дно ущелья и все вокруг «Циклопа» должно было достичь

температуры плавления. Действительно, скалы уже оседали, таяли, превращались в лаву, и ее пурпурный поток начал пробивать себе дорогу к выходу из ущелья, за несколько километров от средоточия схватки. Горпах некоторое время раздумывал, уж не вышел ли из строя излучатель — казалось невероятным, что туча все еще продолжает нападать на такого страшного противника; но когда зонд по новой команде поднялся еще выше, до границ тропосферы, то изображение, возникшее на экране, доказало астрогатору, что он ошибается.

В поле зрения теперь попадало примерно сорок квадратных километров. И на всей этой изрытой ущельями местности медленно — так казалось на большом расстоянии — со склонов, покрытых темными потоками, из провалов и пещер выплывали новые клубы черноты, вздымались вверх, сливались и, концентрируясь в полете, стягивались к очагу схватки. Какие-то минуты могло казаться, что непрерывно свергающиеся черные лавины подавят огонь излучателя, задушат и угасят его своей массой, но Горпах знал энергетические резервы чудища, созданного человеческими руками.

Сплошной оглушительный, ни на миг не смолкающий гром, плывущий из репродукторов, наполнил рубку; одновременно языки пламени навывлет пробili тучу, взвились на три километра вверх и начали медленно вращаться, образуя нечто вроде огненной мельницы; воздух вибрировал и изгибался от жара, источник которого вдруг начал передвигаться...

«Циклоп» неизвестно почему начал пятиться и, ни на миг не прекращая борьбы, медленно отступал к выходу из ущелья. Возможно, его электронный мозг рассчитал, что взрывы могут раздробить стены ущелья и те рухнут на машину; и хотя «Циклоп» остался бы целым и невредимым даже в такой передрыге, это могло бы помешать

ему маневрировать. Так или иначе, но «Циклоп» с боем прорывался на более широкое пространство, и в бурлящих огненных вихрях нельзя уже было разобрать, где огонь его излучателя, а где пламя пожара, где обрывки тучи, а где раскаленный каменный прах.

Казалось, что накал битвы уже достиг кульминации. Однако в следующий миг произошло нечто невероятное. Экран запылал, вспыхнул ужасной, режущей глаза белизной, зарябил миллиардами взрывов, и новая волна антиматерии уничтожила все вокруг «Циклопа»; воздух, осколки скал, дым, газы — все это, обратившись в жесткое излучение, на пространстве радиусом в километр охватило тучу аннигиляцией и взлетело вверх, словно выброшенное катастрофой из самых недр планеты.

Сейсмические волны промчались по пустыне, и «Непобедимый», стоявший в семидесяти километрах от эпицентра этого чудовищного удара, закачался; вздоходы и энергоботы, стоявшие у пандуса, откатились. А через несколько минут налетел плотный ревущий вихрь, мгновенным жаром опалил лица людей, прячущихся за машинами и, взметая стену клубящегося песка, помчался дальше, в бескрайнюю пустыню.

Какой-то осколок, видимо, угодил в телезонд, хотя тот и находился в тринадцати километрах от эпицентра катаклизма. Связь не прервалась, но изображение очень ухудшилось, начались бесчисленные помехи. Через минуту, когда дым отнесло немного в сторону, Роган, напрягая зрение, увидел очередной этап битвы.

Битва еще не окончилась, как он склонен был предполагать. Если бы нападающими были живые существа, истребление, которому они подверглись, наверное, заставило бы следующие шеренги отступить или хотя бы остановиться у входа в пылающий ад. Но тут мертвое сражалось с мертвым, огонь сражения не гас, а лишь менял

форму и направление главного удара. И тогда Роган впервые понял или смутно догадался, как должны были выглядеть те битвы, некогда кипевшие на Регис, в которых одни роботы крушили и дробили других, какими методами отбора пользовалась неживая эволюция и что имел в виду Лауда, утверждая, что псевдонасекомые победили как более приспособленные. И тут же мелькнуло у него в сознании, что нечто подобное здесь уже происходило, что неживая, неистребимая, солнечной энергией закрепленная в кристалликах память биллионной тучи должна содержать сведения о таких схватках, что именно с такими отшельниками-одиночками, с гигантами в тяжелой броне, с атомными мамонтами из племени роботов сотни веков назад расправились эти мертвые крохи, которые на вид ничего не стоили против сокрушительных разрядов, насквозь прожигающих скалы. И что помогла им уцелеть, помогла уничтожить исполинских страшилищ, распороть их стальную броню, разбросать, как ржавые лохмотья, по бескрайней пустыне останки некогда могучих и идеально точных электронных механизмов только невероятная, неслыханная отвага, если можно применить такое слово к кристалликам тучи-титана. Но какое же еще слово мог он подыскать? И Роган невольно восхищался, видя, как сражается туча после таких ужасающих потерь...

Да, туча продолжала атаку. Теперь над ее покровом на всем видимом сверху пространстве еле выступали самые высокие горные пики. Все остальное, вся страна гор и ущелий утонула в разливе черных волн, мчащихся со всех сторон горизонта, чтобы ринуться в огненную воронку, центром которой был невидимый под вибрирующим раскаленным заслоном «Циклоп». И этот натиск, за который приходилось платить громадными, с виду бессмысленными потерями, имел все же шансы на успех.

Роган и все остальные, теперь уже бессильно глядевшие на экраны, отдавали себе в этом отчет. Энергетические ресурсы «Циклопа» были практически неисчерпаемы, но под непрестанным огнем аннигиляции, несмотря на мощную защиту, на антирадиационное отражающее покрытие, какая-то доля звездных температур все же воспринималась излучателем, возвращалась к своему источнику, и внутри машины должно было становиться все жарче. Человек давно бы уже погиб, находишься он внутри «Циклопа». Возможно, его металлокерамическая оболочка уже накалилась до вишневого свечения, но все видели только сквозь облако дымов и газов пульсирующий сгусток голубого огня, который медленно отползал к выходу из ущелья, так что место первого нападения тучи, в трех километрах к северу, теперь обнажило свою ужасающую растрескавшуюся поверхность, покрытую слоями лавы и шлака, усеянную горами оплавившихся кристалликов, погибших от термического удара.

Горпах велел выключить репродукторы, наполнявшие рубку оглушительным грохотом, и спросил Язона, что произойдет, когда температура внутри «Циклопа» превысит предел выносливости электронного мозга.

Ученый ответил без колебаний:

— Излучатель выключится.

— А силовое поле?

— Поле — нет.

Огненная битва передвинулась уже на равнину, к выходу из ущелья. Чернильный океан бурлил, вздымался, взвихривался и адскими скачками кидался в огненное жерло воронки.

— Наверно, вот сейчас... — сказал Кронотос, вглядываясь в немое, бурно клокочущее море на экране.

Прошла еще минута. Вдруг сверкание огненной воронки резко ослабело. Туча сомкнулась над воронкой.

— Шестьдесят километров от нас,— ответил техник-связист на вопрос Горпах.

Астрогатор объявил тревогу. Все кинулись на свои посты. «Непобедимый» втянул пандус, подъемник и замкнул люки. На экране опять засверкал огонь. Пылающая воронка возникла снова. Но теперь туча прекратила атаку; едва лишь засветились ее илочки, тронутые огнем, как вся остальная часть начала отступать к ущельям, всасываясь в их сумрачный лабиринт, и на экране показался «Циклоп», с виду целый и невредимый. Он все еще пятился, очень медленно, и продолжал непрерывно жечь все вокруг — скалы, песок, дюны.

— Что же он не выключает излучатель?! — закричал кто-то.

Словно услышав этот крик, «Циклоп» перестал метать молнии разрядов, развернулся и с возрастающей скоростью помчался в пустыню. Телезонд сопровождал его на высоте. Внезпно люди увидели, будто огненная нить с неимоверной быстротой летит им в лицо, и, не успев понять, что «Циклоп» выстрелил в зонд и что они видят аннигилировавшие на трассе выстрела частицы воздуха, инстинктивно отшатнулись, словно опасаясь, что разряд пролетит сквозь экран и взорвется в рубке. После этого изображение исчезло, и экран заполнился светлой пустотой.

— Командир, он раскокал зонд! — закричал техник у пульта управления.

Горпах велел запустить другой зонд. «Циклоп» был уже так близко от корабля, что его увидели, как только зонд набрал высоту. Снова промчалась огненная нить, и зонд погиб. Прежде чем изображение исчезло, люди в рубке успели заметить в поле зрения зонда свой корабль: «Циклоп» находился не далее как в десяти километрах от «Непобедимого».

— Спятил он, что ли?! — взволнованно проговорил второй техник.

Эти слова будто отперли какую-то дверцу в мозгу Рогана. Он глянул на командира и понял — Горпах думает о том же. Рогану казалось, что голову, руки, ноги, все его тело наливает свинцовой тяжестью нелепый и неотвязный сон. Но приказы были отданы: командир велел запустить один за другим еще два зонда. «Циклоп» очередно уничтожил их, как опытный стрелок, развлекающийся стрельбой на вскидку.

— Мне нужна вся мощность, — сказал Горпах, не отводя глаз от экрана.

Главный инженер, словно пианист, берущий аккорд, ударил обеими руками по клавишам распределительного пульта.

— Стартовая мощность через шесть минут, — ответил он.

— Мне нужна вся мощность, — повторил Горпах все так же спокойно.

В рубке стало так тихо, что слышно было, как жужжат реле за эмалированными перегородками, словно там просыпается пчелиный рой.

— Корпус реактора слишком холоден... — начал было Главный инженер.

Но тут Горпах повернулся к нему и в третий раз, по-прежнему не повышая голоса, сказал:

— Мне нужна ВСЯ мощность.

Инженер молча протянул руку к главному рубильнику. В недрах корабля коротко проблеснули сигналы тревоги и на них отозвался, как далекая барабанная дробь, топот людей, бегущих на свои посты. Горпах снова смотрел на экран. Никто не сказал ни слова, но все поняли, что невозможное случилось: астрогатор готовился к бою со своим же «Циклопом».

Стрелки приборов, сверкая, выстраивались в ряд, как солдаты в строю. В окошках индикатора мощности появились пятизначные, потом шестизначные цифры. Где-то искрил провод — пахло озоном. В глубине рубки техники объяснялись условными знаками, включая системы контроля.

Очередной зонд перед гибелью показал удлинённый лоб «Циклопа», переползающего через скалистую грядку; потом экран снова опустел, слепя серебряной белизной. Машина того гляди должна была появиться уже в зоне непосредственной видимости; боцман радаристов караулил его у аппарата, который выдвигал наружную носовую телекамеру над верхушкой корабля, что увеличивало поле зрения. Техник связи запустил новый зонд. «Циклоп» будто бы не направлялся прямо к «Непобедимому», который стоял наглухо замкнутый, в полной боевой готовности, за щитом силового поля. Из носовой части через равные промежутки времени выпрыгивали телезонды.

Роган знал, что «Непобедимый» может выдержать заряд антиматерии, но на поглощение энергии удара придется потратить немалую часть энергетических ресурсов. Ему казалось, что самым разумным в такой ситуации было бы отступить, то есть выйти на стационарную орбиту. Он ждал, что вот-вот последует такой приказ. Но Горпах молчал, словно надеялся, что электронный мозг каким-то чудом очнется. И в самом деле, наблюдая из-под тяжело нависших век за движением этой темной фигуры, беззвучно проплывающей меж дюн, астрогатор спросил техников:

- Вы его вызываете?
- Так точно. Нет связи.
- Дайте ему аварийный стоп-сигнал.

Техники захлопотали у пультов. Дважды, трижды, четырежды пробегали ручейки света под их пальцами.

— Он не отвечает, командир.

«Почему он не стартует? — не мог понять Роган.— Не хочет признаться, что побежден? Это Горпах-то? Что за чушь! Шевельнулся... Сейчас... сейчас даст команду...»

Но астрогатор лишь отступил на шаг.

— Кронотос!

Кибернетик подошел к нему.

— Я здесь.

— Что они могли с ним сделать?

Рогана прежде всего поразила форма этой фразы: «они» — сказал Горпах, словно и вправду имел дело с мыслящим противником.

— Автономные контуры... они на криотронах...— заговорил Кронотос, и чувствовалось, что он выскажет лишь предположение.— Температура повысилась, они утратили сверхпроводимость...

— Вы знаете или только догадываетесь? — спросил астрогатор.

Станный это был разговор: все смотрели на экран, где «Циклоп», видимый уже без посредства зонда, двигался легко и свободно, но все же не вполне уверенно — временами сбивался с курса, будто не мог решить, куда, собственно, ему следует идти. Несколько раз подряд он стрелял в зонд, пока не попал. На экранах зонд пролетел вниз, словно яркая ракета.

— Единственное, что я могу себе представить, это резонанс,— после некоторого колебания сказал кибернетик.— Если их поле совпало с частотами самовозбуждения его мозга...

— А силовое поле?

— Силовое поле не экранирует магнитного.

— Жаль,— сухо заметил астрогатор.

Напряжение понемногу ослабевало, потому что «Циклоп» теперь уже явно шел не в сторону корабля. Расстоя-

ние между ними, ставшее совсем уж было ничтожным, начало увеличиваться. Машина, вырванная из-под контроля человека, ушла в просторы северной пустыни.

— Главный инженер замещает меня,— сказал Горпах.— Остальных прошу вниз.

Долгая ночь

Роган проснулся от холода. Полусонный, он ежился под одеялом, вжимая голову в подушку. Пробовал закрыть лицо рукой, но становилось все холоднее. Он понимал, что нужно встать, но все медлил, сам не понимая, почему. Наконец рывком поднялся и сел на койке в сплошной тьме. Ледяной ветер хлынул ему прямо в лицо. Он вскочил и, тихо ругаясь, на ощупь разыскал климатизатор. Перед сном ему было до того душно, что он передвинул регулятор на полное охлаждение.

Воздух в маленькой каюте понемногу нагревался, но Роган, полулежа под одеялом, уже не мог заснуть. Он посмотрел на светящийся циферблат часов — было три часа по бортовому времени. «Опять всего три часа проспал», — сердито подумал он. Ему все еще было холодно. Совещание тянулось долго, разошлись около полуночи. «Столько разговоров, а все без толку», — подумал Роган. Сейчас в этой тьме, он неведь что отдал бы, чтобы снова оказаться на Базе, чтобы не знать ничего об этой проклятой Регис III, о ее мертвых и по-мертвому хитроумных ужасах. Большинство советовало выходить на орбиту, только Главный инженер и Главный физик с самого начала поддерживали мнение Горпах, что надо оставаться на планете как можно дольше. Шансы на то, что удастся найти четырех пропавших, были ничтожны — может, один из ста тысяч, а может, и еще меньше. Лишь на большом расстоянии они могли уцелеть от атомного ада схватки,

если только не погибли еще раньше. Роган дорого дал бы, чтобы узнать, в самом ли деле астрогатор не стартует только из-за них, не играют ли тут все же роль и другие причины. Здесь все это выглядит вот так, а совсем иначе это воспринималось бы в сухих словах рапорта, в спокойном свете Базы, где надо было бы доложить, что потеряна половина исходных машин, что главное оружие «Непобедимого» — «Циклоп» с излучателем антиматерии — теперь будет представлять дополнительную опасность для каждого корабля, который сядет на Регис, что погибло шесть человек, а, кроме того, половина экипажа тяжело больна, и на годы, а может, и навсегда выбывает из строя. И что, потеряв людей, машины, наилучшее оборудование, мы сбежали — а как иначе это назвать? — попросту удрали от микроскопических кристалликов, обитателей маленькой пустынной планеты, от мертвого наследия лирянской цивилизации, которую так давно обогнала земная! Но неужели Горпах способен принимать во внимание такие вещи? Может, он и сам толком не знает, почему отказывается стартовать? Может, он на что-то рассчитывает? Но на что?

Ну да — биологи считают, что есть шансы победить псевдонасекомых их собственным оружием. Поскольку этот вид эволюционировал, — рассуждают они, — можно было бы управлять его дальнейшей эволюцией. Прежде всего следовало бы захватить в плен побольше кристалликов и вызвать у них определенного типа мутации, которые в процессе размножения передадутся следующим поколениям и обезвредят всю эту кристаллическую расу. Мутации должны быть весьма специфичными, такими, которые немедленно приносили бы какую-то заметную пользу, но одновременно приводили бы к тому, что этот новый вид, эти мутанты будут иметь некую ахиллесову пятую, слабое место, по которому можно нанести смертель-

ный удар. Но вообще-то все это была типичная болтовня теоретиков: они понятия не имели, какая же это должна быть мутация, как ее добиться, как захватить массу кристалликов, не ввязываясь в новую битву, которая может ведь окончиться еще более тяжелым поражением, чем вчерашняя. А если б даже все удалось, то сколько пришлось бы ждать этого вмешательства в эволюцию? Ведь не день же и не неделю. И, значит, что — кружиться вокруг Регис, как на карусели, год, два, а то и десять лет?! В общем все это была сплошная бессмыслица.

Роган чувствовал, что опять переборщил с климатизатором: теперь уж было слишком жарко. Он отбросил одеяло, встал, умылся, быстро оделся и вышел. Лифта не было. Роган нажал кнопку вызова и, стоя в полумраке под скачущими огоньками индикатора, чувствуя всю тяжесть бессонных ночей и полных напряжения дней, сквозь шум крови в висках вслушивался в ночную тишину корабля. Изредка побулькивало что-то в невидимых трубопроводах, с нижних ярусов доносился приглушенный грохот двигателей на холостом ходу — корабль все еще держали в полной стартовой готовности. Сухой ветер с металлическим привкусом веял из вертикальных колодцев по обеим сторонам платформы, на которой стоял Роган.

Двери раздвинулись, он ступил в кабину лифта. На восьмом ярусе вышел. Коридор, освещенный цепью голубых лампочек, изгибался вдоль линии корпуса. Роган шел, сам не зная куда, инстинктивно поднимал ноги, перешагивая через высокие пороги герметических переборок, и наконец увидел смутные силуэты людей у главного реактора. В помещении было темно, светились только огоньки индикаторов на щите. Люди сидели под ними на раскладных креслах.

— Они погибли, — сказал кто-то; Роган не узнал го-

лоса.— Хочешь пари? В радиусе пяти миль была тысяча рентген. Нет их уже на свете, можешь быть спокоен.

— Так чего же мы тут сидим? — буркнул другой человек.

Роган не по голосу, а по месту, которое занимал говоривший, у гравиметрического контроля, понял, что это боцман Бланк.

— Потому что старик не хочет возвращаться.

— А ты бы вернулся?

— А что же еще остается делать?

Тут было тепло и в воздухе веял тот специфический запах, искусственный аромат хвои, которым климатизаторы пытались перебить вонь перегретых пластиков и металла, возникающую во время работы реактора. В результате получалась смесь, не похожая ни на что за пределами восьмого яруса. Роган стоял, опершись спиной о пенопластовую обивку переборки. Он не то чтобы прятался, а просто не хотелось ему вмешиваться в этот разговор.

— Он может хоть и сейчас подойти... — сказал кто-то после недолгого молчания.

Лицо его на минуту выступило из тьмы, когда он наклонился вперед, полурозовое, полужелтое от сверкания контрольных огоньков на стене реактора, — реактор будто смотрел этими огоньками на съежившихся внизу людей. Роган, как и все остальные, сразу сообразил, о ком идет речь.

— У нас есть поле и радар, — неохотно буркнул боцман.

— Много тебе будет толку от поля, если он подойдет на биллиэрг поражения.

— Радар его не подпустит.

— Это ты мне говоришь? Да ведь я-то его знаю, как свои пять пальцев...

— Ну и что?

— А то, что у него есть антирад. Системы помех...

— Да ведь он же разлажен. Электронный псих...

— Ничего себе псих. Ты был в рубке?

— Нет. Я здесь сидел.

— Ну вот. А я был. Жалко, не видал ты, как он молотил наши зонды.

— Значит, это как же? Они его, что ли, перестроили? Он уж под ихний контроль попал?

«Все говорят: «они»,— подумал Роган.— Будто это и вправду живые разумные существа».

— А протон его знает. Вроде бы только связь разладилась.

— Так чего ж ему нас лупить?

Опять настала тишина.

— Неизвестно, где он? — спросил тот, который не был в рубке.

— Нет. Последнее сообщение было в одиннадцать. Видели, как он мотался по пустыне.

— Далеко?

— А что, боишься? Километров сто тридцать — сто сорок отсюда. Для него это час ходу. А то и меньше.

— А может, хватит уже переливать из пустого в порожнее? — сердито сказал боцман Бланк, и его острый профиль возник на фоне разноцветных огоньков.

Все замолки. Роган медленно повернулся и удалился так же тихо, как и пришел. На обратном пути он оказался у лабораторий; в большой было темно, а из малой пробивался свет сквозь иллюминаторы над дверью. Роган заглянул внутрь. За круглым столом сидели кибернетики и физики — Язон, Кронотос, Сарнер, Ливин, Заурахан и еще кто-то — он сидел у наклонной переборки, повернувшись ко всем спиной, и программировал большой электронный мозг.

— ...существует два эскалационных решения: одно — аннигиляция, другое — самоуничтожение. Остальное — это уже действия в масштабах планеты...

Роган не входил в комнату. Он снова стоял и подслушивал.

— Первый эскалационный вариант основан на том, чтобы пустить в ход лавинный процесс. Нужно, чтобы излучатель антиматерии вошел в ущелье и остался там.

— Один уже там побывал...— сказал кто-то.

— Если у него не будет электронного мозга, он сможет действовать даже при температуре свыше миллиона градусов. Нужен плазменный излучатель: плазма не боится звездных температур. Туча будет действовать по-прежнему: постарается его задавить, войти в резонанс с его управляющими контурами. Но там ведь не будет никаких контуров — ничего, кроме субъядерной реакции. Чем больше материи втянется в реакцию, тем более бурно будет проходить эта реакция. Таким путем можно собрать в одно место и аннигилировать всю некросферу планеты.

«Некросфера...— подумал Роган.— Ага, это потому, что кристаллики — мертвые. Вот что значит ученые: обязательно придумают какое-нибудь красивое новое название...»

— Больше всего нравится мне вариант с самоуничтожением,— сказал Язон.— Но как вы это себе представляете?

— Ну, сначала следует добиться, чтобы образовались два больших «тучемозга», а потом вызвать схватку между ними... нужно так повести дело, чтобы тучи сочли друг друга конкурентами в борьбе за существование...

— Понимаю, однако как вы собираетесь это проделывать?

— Дело нелегкое, но осуществимое, поскольку туча

является лишь псевдомозгом, а значит, лишена способности рассуждать...

— Надежней все-таки планетный вариант, со снижением среднегодового уровня инсоляции,— сказал Сарнер.— Четыре водородных заряда по пятьдесят — сто мегатонн на каждое полушарие — в общем от силы восемьсот мегатонн. Этого хватит. Воды океана, испарившись, увеличат облачный покров, возрастет альбеда, и оседлые симбионты не смогут доставлять «мушкам» того минимума энергии, который необходим для размножения...

— Этот расчет основан на непроверенных данных,— запротестовал Язон.

Видя, что начинается диспут специалистов, Роган отступил от двери и пошел восвояси.

Возвращался к себе он не лифтом, а по металлической винтовой лесенке, которой обычно никто не пользовался. Перед ним возникали пролеты все более высоких ярусов. Он видел, как в ремонтном отделении поблескивали сварочные аппараты — люди из группы Деврие хлопотали вокруг черных, величественно неподвижных арктанов. Издалека посмотрел на круглые иллюминаторы госпиталя с их тусклым фиолетовым свечением. Какой-то врач в белом халате бесшумно прошел по коридору, автомат-подручный нес за ним набор сверкающих инструментов. Роган проходил мимо пустых и темных помещений клуба, библиотеки, кают-компаний; наконец добрался до своего яруса, прошел мимо кабины астрогатора, внезапно приостановился, словно и тут хотел что-то подслушать, но сквозь гладкую пластину двери не проникал ни малейший звук, ни лучик света, а иллюминаторы вверху были плотно задраены, болты с медными головками довернуты до предела.

Только в своей кабине Роган снова почувствовал усталость. Он ссутулился, тяжело осел на койку, сбросил

ботинки и откинулся к переборке, заложив руки за голову. Сидел вот так, глядя на слабое свечение ночной лампы, на низкий потолок, пополам разделенный тонкой трещиной на голубом лаковом покрытии.

Роган не из чувства долга бродил по кораблю и не потому, что его интересовали чужие разговоры. Он просто боялся таких вот ночных часов, потому что тогда неотступно маячили перед ним картины, о которых ему не хотелось помнить. Изю всех воспоминаний самым страшным было одно — о человеке, которого он убил, выстрелив чуть ли не в упор, чтобы тот не убивал других. Он должен был так поступить, но легче от этого не делалось. Роган знал — стоит погасить свет, и он снова увидит эту сцену; увидит, как человек с болезненной, бессмысленной улыбкой ступает по камням, будто вслед за дергающимся у него в руках стволом веира, как перешагивает через безрукий труп... через Ярга, который вернулся, чтобы так нелепо погибнуть после чудесного спасения... а секунду спустя его убийце суждено было рухнуть на камни с разорванным, дымящимся на груди комбинезоном... И никакими силами нельзя было отогнать видение, вся сцена упорно разворачивалась перед глазами, и Роган ощущал резкий запах озона, горячую отдачу приклада, зажатого в потных ладонях, слышал скулящие завывания людей, которых он потом таскал, задыхаясь, еле дыша от изнеможения, чтобы связать их, как снопы, и снова эти близкие, знакомые, словно вдруг ослепшие лица потрясали его своей безысходной беспомощностью.

Что-то стукнуло; упала книжка, которую он начал читать еще на Базе. Перед рейсом заложил страницу белым листком, но с тех пор не прочел ни строчки, да и когда было читать... Роган поудобней устроился на койке. Подумал о стратегах, которые сейчас обсуждают планы уничтожения тучи, и пренебрежительно усмехнулся. «Бес-

смысленно это, все бессмысленно... — думал он. — Они хотят уничтожить... да, собственно, мы тоже, все мы хотим уничтожить тучу, но этим никого не спасешь. Регис безлюдна, и людям здесь нечего делать. Так к чему же это упорство? Ведь этих людей все равно что ураган убил или землетрясение. Никакое сознательное намерение, никакая враждебная мысль не выступала против нас. Только неживой процесс самоорганизации. Стоит ли растрчивать силы, расходовать энергетические запасы, чтобы уничтожить этот процесс, только потому, что мы видели в нем коварного врага, который исподтишка напал сначала на «Кондора», а потом на нас? Сколько таких жутких явлений, чуждых человеческому пониманию, таит еще космос? Неужели мы всюду должны являться, неся всеуничтожающую силу на своих кораблях, чтобы вдребезги расколотить все, что противоречит нашим понятиям? Как они это называли — некротсфера, а значит, и некроэволюция, эволюция мертвой материи... Может, лирянам было бы дело до этого, Регис III находилась для них в пределах досягаемости, может, они собирались ее колонизовать, когда астрофизики предсказали, что их Солнце превратится в Новую... Может, это была для них последняя надежда. Если б мы оказались в такой ситуации, то, конечно, боролись бы, уничтожали бы этот черный кристаллический помет. Но вот так?.. На расстоянии парсека от Базы, которая в свою очередь находится за столько световых лет от Земли, — во имя чего мы остаемся здесь, теряя людей, зачем ученые по ночам обдумывают методы уничтожения, ведь о мести не может быть и речи...»

Если б Горпах оказался здесь, Роган сейчас выложил бы ему все это.

«Как смешно и сумасбродно это «покорение любой ценой», эта «героическая стойкость человека», эта жажда

мести за гибель товарищей, которые погибли потому, что их послали на верную смерть... Мы были попросту неосторожны, мы слишком полагались на свои излучатели и индикаторы, мы совершили ошибки и расплачиваемся за это. Мы, только мы виноваты».

Так он размышлял, закрыв глаза, которые даже от слабого ночного света жгло, будто под веки песку насыпали. Человек — это он сейчас понимал — еще не поднялся на должную высоту, еще не умеет по-настоящему придерживаться точки зрения, которую сам же так звучно наименовал «галактоцентрической» и издавна прославляет. Галактоцентризм ведь не в том состоит, чтобы искать только себе подобных и только их понимать, а в том, чтобы не вмешиваться не в свои, не в человеческие дела. Захватить, освоить пустоту — ну, конечно, почему бы нет; но нельзя нападать на то, что уже возникло, за миллионы лет создало свое собственное, ни от кого и ни от чего, кроме законов природы, не зависящее равновесие существования, деятельного, активного существования, которое не хуже и не лучше существования белковых соединений, именуемых животными или людьми.

Именно в таком состоянии, преисполненного этим возвышенным галактоцентрическим всепониманием любой существующей формы жизни, Рогана словно иглой проколол пронзительный вопль сирен.

Все его размышления мгновенно исчезли, сметенные назойливым звуком, заполнившим корабль сверху донизу. Роган выскочил в коридор и бежал вместе с другими, вторя тяжкому ритму усталых шагов, вторя горячему дыханию товарищей, и, прежде чем добрался до лифта, ощутил — не слухом, не осязанием, даже не всем своим существом, а словно бы корпусом корабля, частицей которого он стал, — удар, хотя по видимости крайне отдаленный и слабый, но пронизавший крейсер от кормовых

опор до носа, удар ни с чем не сравнимой силы, который — он и это ощутил — приняло и упруго отразило нечто еще более сильное.

— Это он! Это он! — закричали кругом.

Люди исчезали в лифтах, и двери шипели, задвигаясь; грохотали шаги по винтовой лестнице — многие не стали дожидаться очереди на лифт; но сквозь смешанный говор, оклики, свистки боцманов, сквозь повторяющиеся вопли сирен и топот бегущих шагов прорвался беззвучный, но от этого словно еще более мощный толчок второго удара. Свет в коридоре померк и снова вспыхнул.

Роган никогда бы не подумал, что лифт может двигаться так медленно. Он даже не замечал, что продолжает изо всех сил нажимать на кнопку и что в лифте с ним остался уже только кибернетик Ливин. Лифт остановился, и, выбегая из него, Роган услышал невообразимо тонкий свист, верхние ноты которого, как он знал, были уже недоступны для человеческого слуха. Похоже было, что хором простонали все титановые соединения крейсера. Роган рванул дверь рубки, понимая, что «Непобедимый» ответил ударом на удар.

Но это был уже, собственно, и конец схватки. Перед экраном, черный и величественный на его пламенеющем фоне, стоял астрогатор. Верхний свет был выключен, а сквозь полосы, пересекающие экран сверху вниз, исчертившие все изображение, маячил гигантский, вспухший, с клубневидными выростами со всех сторон, совершенно будто бы неподвижный гриб мощного взрыва, уничтожившего «Циклопа», а в воздухе еще висела страшная стеклянистая вибрация распада, и словно сквозь нее доносился монотонный голос техника.

— Двадцать шестьсот в нулевом пункте... девять восемьсот в периметре... один четыре двадцать два в поле...

«Тысяча четыреста двадцать два рентгена в поле...

это означает, что излучение пробило силовой барьер», — сообразил Роган. Он и не знал, что такие вещи возможны. Но взглянув на центральный щит распределения мощности, понял, какой заряд применил астрогатор. Таким запасом энергии можно было бы вскипятить внутриконтинентальное море средней величины. Что ж, понятно, Горпах не хотел рисковать, подставляя корабль под новые выстрелы. Может, он и перестарался, но теперь они по крайней мере снова имели лишь одного противника.

На экранах тем временем разворачивалось невиданное зрелище: кудрявая и пупырчатая, как цветная капуста, верхушка гриба пламенела всеми цветами радуги, от серебристо-голубых и зеленых тонов до глубоких карминных и пурпурных. Пустыня — Роган лишь теперь это заметил — вообще исчезла, ее словно плотным туманом заслонил песок, взметнувшийся на десятки метров вверх; он висел в воздухе, колыхаясь, будто превратился в море. А техник все продолжал отсчеты по шкале:

— Девятнадцать тысяч в нулевом пункте... восемь шестьсот в периметре... один один ноль два в поле...

Победу, одержанную над «Циклопом», все встретили мертвым молчанием — нечего было особенно радоваться по случаю того, что уничтожили собственное и вдобавок самое сильное оружие. Люди начали расходиться, а гриб все еще разрастался в атмосфере и вдруг вспыхнул сверху новой гаммой красок под лучами солнца, еще не взошедшего над горизонтом. Он прорвал уже верхние слои ледяных перистых облаков и сиял высоко над ними, лилово-золотой, янтарный и платиновый; это сияние волнами лилось с экранов и заполняло всю рубку, многоцветно переливаясь, словно кто-то невидимой гигантской кистью рисовал на белых эмалированных поверхностях лепестки земных цветов.

Роган еще раз удивился, увидав, как одет Горпах.

Астрогатор был в плаще — в том снежно-белом парадном плаще, который Роган в последний раз видел на нем во время прощального празднества на Базе; он, видимо, схватил первое, что попало под руку. Горпах стоял, засунув руки в карманы, со взъерошенными седыми волосами и обводил взглядом присутствующих.

— Коллега Роган,— сказал он неожиданно мягким голосом,— зайдите ко мне.

Роган подошел к нему, инстинктивно выпрямившись; астрогатор повернулся и направился к двери. Они шли по коридору, а из вентиляционных колодцев сквозь шум нагнетаемого воздуха доносилось глухое и будто гневное бормотание людей, проходящих по нижним ярусам.

Разговор

Роган вошел в каюту астрогатора, не удивляясь его приглашению. Он, правда, бывал здесь нечасто; но после того как он один вернулся из ущелья в кратер, Горпах вызвал его на «Непобедимый» и разговаривал с ним именно у себя в каюте. Такое приглашение вообще-то не сулило ничего хорошего. Но Роган тогда был слишком потрясен катастрофой в ущелье, чтобы пугаться гнева астрогатора. Впрочем, Горпах ни словом не попрекнул его, только очень подробно расспрашивал обо всех обстоятельствах, которые сопутствовали нападению тучи. В разговоре участвовал доктор Сакс, который высказал предположение, что Роган уцелел благодаря состоянию ступора, ослепенения, в которое он впал; в этом состоянии электрическая активность мозга угнетается, так что туча приняла его за обезвреженного, за одного из парализованных. Насчет Ярга нейрофизиолог думал, что тот спасся по чистой случайности, сразу выбежав из зоны атаки. А у Тернера, который почти до конца пытался

защищать себя и других, стреляя из лазеров, мозг работал нормально, и это привлекло к нему внимание тучи. Конечно, она слепа в человеческом понимании, и человек представляет для нее лишь некий движущийся объект, чье присутствие выдают электрические потенциалы коры головного мозга.

Они даже втроем — Горпах, Роган и Сакс — обсуждали возможность защитить людей, вводя их в состояние «искусственного остоленения» при помощи соответствующего химического препарата. Но доктор сказал, что если бы возникла необходимость немедленно применить «электрический камуфляж», то лекарство не успело бы вовремя подействовать, а посылать людей на работу в состоянии ступора опять же невозможно. В общем вся эта беседа не дала никаких практических результатов. Роган подумал, что Горпах хочет снова вернуться к этому вопросу.

Роган стоял посреди каюты, вдвое большей, чем его собственная. В стены были вмонтированы непосредственная связь с рулевой рубкой и микрофоны внутренней сети, но больше не существовало никаких признаков того, что здесь годами жил командир корабля.

Горпах сбросил плащ. Остался в брюках и сетчатой рубашке; сквозь ее ячейки пробивались густые седые волосы, покрывавшие его широкую грудь. Он уселся слегка боком к Рогану, тяжело оперся руками о столик, на котором не было ничего, кроме книжечки в потертом кожаном переплете. Роган перевел глаза с этой незнакомой ему книги на командира — и словно впервые его увидел. Это был смертельно усталый человек, который даже не пытался скрыть, как дрожит его рука, поднятая ко лбу. Тут Роган понял, словно в озарении, что вообще не знает Горпаху, под руководством которого работает четвертый год. Никогда не приходило ему в голову за-

думаться, почему в каюте астрогатора нет ничего личного, ни одной из тех мелочей, иногда забавных, иногда наивных, которые берут с собой в космос как памятку о детстве или о доме. Сейчас ему показалось, что он понял, почему у Горпах не было ничего, почему не висели на стенах каюты какие-нибудь фотографии близких, оставшихся там, на Земле. Он ни в чем таком не нуждался, он целиком был тут, и Землю не считал своим домом. Но, может, он жалел об этом сейчас, впервые в жизни? Его тяжелые плечи, шея, затылок не говорили о старости. Старой была лишь кожа на кистях рук, загрубевшая, с трудом собирающаяся в складки на суставах; она белела, когда Горпах распрямлял пальцы и глядел на них как бы с равнодушным, усталым любопытством, словно замечая нечто, до тех пор ему чуждое. Рогану не хотелось смотреть на это. Но командир, слегка склонив голову набок, глянул ему в глаза и с какой-то почти застенчивой ухмылкой пробормотал:

— Пересолил я, а?

Рогана ошеломили не столько эти слова, сколько тон и все поведение астрогатора. Он не ответил. Молча стоял. А Горпах, потирая широкой ладонью волосатую грудь, добавил:

— Может, оно и лучше. — И еще через несколько секунд, с необычайным для него прямотушием: — Я не знал, что делать...

Было в этом нечто потрясающее. Роган вроде и знал, что вот уж несколько дней астрогатор так же беспомощен, как все они, но тут понял, что по-настоящему не считался с этим, а верил, что астрогатор видит на несколько ходов дальше, чем любой другой человек, и иначе быть не может. И вот внезапно открылась перед ним истинная суть, и даже будто вдвойне, потому что он видел полуобнаженный торс Горпах, это измученное, с

дрожащими руками тело, существование которого раньше не доходило до его сознания, и одновременно услышал слова, подтверждающие достоверность этого открытия.

— Садись, паренек, — сказал астрогатор.

Роган сел. Горпах встал, подошел к умывальнику, плеснул водой на лицо и шею, быстро и резко вытерся, надел куртку, застегнулся и сел напротив Рогана. Глядя ему в глаза своими светлыми, словно слезящимися от сильного ветра глазами, равнодушно спросил:

— Как там с этим твоим.. иммунитетом? Обследовали тебя?

«Ну, значит, он только об этом...» — промелькнуло в голове у Рогана. Он кашлянул.

— Да, врачи меня обследовали, но ничего не обнаружили. Похоже, что Сакс был прав насчет этого ступора.

— Ну да. Больше они ничего не сказали?

— Мне — ничего. Но я слышал... они рассуждали о том, как именно туча отличает здоровых от парализованных... и что из этого следует.

— Интересно. Что же именно?

— Лауда говорил, что у парализованного активность мозга такая же, как у новорожденного. Во всяком случае, очень сходная. И, кажется, в таком вот остолебении, какое было у меня, тоже получается нечто в этом духе. Сакс считает, что можно соорудить тонкую металлическую сеточку, спрятать ее в волосах... и она будет высылать слабые импульсы, именно такие, как мозг парализованных. Что-то вроде шапки-невидимки. И таким образом можно было бы замаскироваться от тучи. Но это всего лишь предположение. Неизвестно, получится или нет. Они хотели бы провести эксперименты. Но у них не хватает кристалликов, а мы и тех, что собрал «Циклоп», не получили...

— Ну ладно, — вздохнув, сказал астрогатор. — Не

о том я хотел с тобой говорить... То, что мы скажем друг другу, останется между нами. Да?

— Да... — медленно проговорил Роган, и напряжение вернулось.

Астрогатор теперь не глядел на него, будто ему трудно было начать.

— Я еще не принял решения, — вдруг сказал он. — Другой на моем месте бросил бы монету: возвращаться — не возвращаться. Но я так не хочу. Я знаю, как часто ты не соглашаешься со мной...

Роган открыл рот, но командир легким движением руки велел ему молчать.

— Нет, нет... Так вот, ты имеешь шанс. Я тебе его даю. Ты будешь решать. Я сделаю, что ты велишь.

Он взглянул в глаза Рогану и сейчас же опустил свои тяжелые веки.

— Как это... я? — еле выговорил Роган. Чего угодно он мог бы ожидать, только не этого.

— Да, именно ты. Конечно, как мы условились, это останется между нами. Ты примешь решение, а я буду действовать. И я буду отвечать за него перед Базой. Приемлемые условия, ведь верно?

— Вы это... всерьез? — спросил Роган, просто чтобы растянуть время: он и без того понимал, что все это правда.

— Да. Если б я тебя не знал, я дал бы тебе время подумать. Но я знаю, что ты ходишь и думаешь о своем... что ты давно уже принял решение... но мне бы, наверное, не вытянуть из тебя этого решения... Так вот — ты скажешь мне здесь, сейчас. Потому что это приказ. На это время ты становишься командиром «Непобедимого». Не хочешь сразу? Ладно. Даю тебе минуту.

Горпях встал, подошел к умывальнику, потер ладонью щеки так крепко, что захрустела седая щетина, и на-

чал как ни в чем не бывало бриться электрической бритвой, глядя в зеркало.

Роган и видел его, и не видел. Первым его чувством был гнев на Горпаху, который так беспощадно с ним поступил, предоставив право, а вернее обязанность, решать, связывая его словом и в то же время заранее принимая на себя всю ответственность. Роган знал астрогатора достаточно, чтобы понимать, что все это было обдумано заранее и ничего уже не переиграешь. Секунды бежали, и нужно было говорить, через минуту, сейчас, а он ничего не знал. Исчезли все аргументы, которые он так хотел швырнуть астрогатору в лицо, которые во время ночных раздумий выкладывал, как железные кирпичи. Те четверо погибли — почти наверняка. Если б не это «почти», не о чем было бы и раздумывать, корабль просто улетел бы на рассвете. Но сейчас это «почти» начало в нем разрастаться. Пока он был рядом с Горпахом, то считал, что следует немедленно стартовать. А теперь чувствовал, что такой приказ у него в горле застрянет. Знал, что это был бы не конец, а начало дела Регис. Это не имело ничего общего с ответственностью перед Базой. Эти четверо остались бы на корабле, и уже никогда не было бы по-прежнему. Команда хотела возвращаться. Но он вспомнил свои ночные блуждания и понял, что через некоторое время люди начали бы об этом думать, а потом и говорить. Сказали бы себе: «Видали? Бросил четверых и улетел». И, кроме этого, ничто не шло бы в счет. Каждый человек должен знать, что другие его не бросят — ни при каких обстоятельствах. Что можно все потерять, но люди должны быть на борту — и живые, и мертвые. Этого правила не было в уставе. Но если б ему не следовали, никто не смог бы летать.

— Ну? — сказал Горпах.

Он отложил бритву и уселся напротив Рогана.

Роган облизал губы.

— Нужно попытаться...

— Что?

— Найти их...

Свершилось. Он знал, что астрогатор не воспротивится. Собственно говоря, он сейчас был абсолютно уверен, что Горпах именно на это и рассчитывал, что сделал это умышленно. Чтобы рисковать не в одиночку?

— Так. Понимаю. Хорошо.

— Но необходим план. Какой-то образ действий, благоразумный...

— Мы все время были благоразумны, — сказал Горпах. — Результаты тебе известны.

— Могу я кое-что сказать?

— Слушаю.

— Я сегодня ночью был на совещании. То есть я слышал... впрочем, неважно... Они разрабатывают разные варианты уничтожения тучи... но ведь задание состоит не в том, чтобы ее уничтожить, а в том, чтобы разыскать тех четверых. А если мы снова затеем антипротонную расправу с тучей, так уж из второго такого ада наверняка никто из них живым не выйдет. Никто. Это невозможно...

— И я так думаю, — медленно ответил астрогатор.

— И вы?! Это хорошо... Ну, итак?

Горпах помолчал.

— Они там... они нашли какое-нибудь другое решение?

— Они?.. Нет.

Роган хотел еще о чем-то спросить, но не отважился. Слова замерли у него на губах. Горпах смотрел на него, будто чего-то ждал. Но Роган ничего не понимал — неужели командир предполагает, что он сам, своими силами смог придумать нечто более совершенное, чем все ученые вместе с электронными мозгами? Это же бес-

смыслица. Но Горпах все же терпеливо глядел на него. Они молчали. Капли воды мерно падали из крана, удивительно звонкие в абсолютной тишине. И из этого молчания родилось нечто, от чего холодом свело скулы Рогана. Все лицо, вся кожа от затылка к челюстям начала сжиматься, становилась словно тесной, когда Роган смотрел в слезящиеся, невыразимо старые сейчас глаза Горпах. Он ничего уже не видел, кроме этих глаз. Он уже знал.

Роган медленно наклонил голову. Будто говорил «да». «Ты понимаешь?» — спрашивал взгляд астрогатора. «Понимаю», — взглядом отвечал Роган. Но по мере того как понимание это становилось все отчетливей, он все острее ощущал, что это невозможно. Что этого никто не имеет права требовать от него, даже он сам. И он все молчал. Молчал, но теперь уже притворяясь, что ни о чем не догадывается, ничего не знает; он цеплялся за наивную надежду: мол, раз ничего не было сказано, так можно будет отречься от того, что перешло из глаз в глаза, можно будет свалить на свою недогадливость, потому что он понимал, он чувствовал, что Горпах сам никогда ему этого не скажет. Но командир видел и это: он все видел. Они сидели не шевелясь. Взгляд Горпах смягчился. В нем было уже не ожидание, не подстегивающая настойчивость, а только сочувствие. Он словно говорил: «Я понимаю. Хорошо. Пусть так и будет».

Командир медленно опустил веки. Еще миг — и невысказанное исчезло бы, и оба они могли бы вести себя так, словно вообще ничего не произошло. Но этот опущенный взгляд решил дело. Роган услышал собственный голос:

— Я пойду.

Горпах тяжело вздохнул, но Роган, охваченный стра-

хом, который возбудило им самим сказанное слово, не заметил этого.

— Нет, — сказал Горпах. — Так ты не пойдешь...

Роган молчал.

— Я не мог тебе этого сказать... — продолжал астрогатор. — Не мог даже искать добровольца. Не имел права. Но теперь ты сам знаешь, что мы не можем так улететь. Только один человек, в одиночку, может туда войти... и выйти. Без шлема, без машин, без оружия.

Роган еле слышал его голос.

— Сейчас я изложу тебе свой план. Ты его обдумаешь. Ты сможешь его отвергнуть — все по-прежнему остается еще между нами. Я это представляю себе так. Кислородный аппарат из силикона. Никаких металлов. Я вышлю туда два автоматических вездехода. Они привлекут к себе тучу, она их уничтожит. И как раз в это время пойдет третий вездеход. С человеком. Это вот наиболее рискованно; однако надо подъехать как можно ближе, чтобы не тратить времени на переход через пустыню. Кислорода хватит на восемнадцать часов. Вот у меня фотографии всего ущелья и окрестностей. Считаю, что не следует идти по трассе предыдущих экспедиций; надо подъехать как можно ближе к северному краю плоскогорья и оттуда пешком спуститься вниз. К верхней части ущелья. Если они вообще где-нибудь есть, так только там. Там они могли уцелеть. Местность труднопроходимая, много расселин, пещер. Если найдешь всех или хоть кого-нибудь из них...

— Вот именно. Как их доставить? — спросил Роган со злорадным удовольствием.

В этом пункте затея была явно уязвима. Как легко жертвовал им Горпах...

— Дадим тебе соответствующее средство, оно слегка одурманивает. Нечто в этом роде имеется. Конечно,

понадобится оно лишь в том случае, если кто-нибудь не захочет идти добровольно. К счастью, они в этом состоянии могут ходить.

«К счастью...» — подумал Роган. Он сжимал кулаки под столом, стараясь, чтобы Горпах этого не заметил. Он ничуть не боялся. Еще нет. Все это было слишком нереально.

— В случае, если туча... заинтересуется тобой, ты должен лечь наземь и не шевелиться. Я думал о каком-нибудь препарате на этот случай, но он подействовал бы слишком поздно. Остается только экран для головы, этот токосимулятор, о котором говорил Сакс.

— А уже есть что-нибудь такое?.. — спросил Роган.

Горпах понял скрытый смысл этого вопроса. Но сохранял спокойствие.

— Нет. Но это можно изготовить в течение часа. Сеточка, скрытая в волосах. Аппаратик, генерирующий электроимпульсы, будет вшит в воротник комбинезона. Теперь... Даю тебе час. Дал бы больше, но с каждым часом шансы на их спасение уменьшаются. Они и так уже ничтожны. Когда ты примешь решение?

— Я уже принял.

— Глупый ты. Не слышишь, что я тебе говорю? Все это было лишь для того, чтобы ты понял: нам еще нельзя стартовать.

— Да ведь вы же знаете, что я все равно пойду...

— Не пойдешь, если я тебе не разрешу. Не забывай, что пока еще я тут командир. Перед нами такая проблема, что нельзя считаться с чьим бы то ни было самолюбием.

— Понимаю, — сказал Роган. — Вы не хотите, чтобы я чувствовал принуждение? Ладно. Ну, если так... но наш уговор еще остается в силе?

— Да.

— Если так, я хочу знать, что вы сделали бы на моем месте. Поменяемся местами... в обратном порядке...

Горпах помолчал.

— А если б я тебе сказал, что не пошел бы?

— Тогда и я не пойду. Но я знаю, что вы скажете правду...

— Так не пойдешь? Даешь слово? Нет, нет... Я знаю, что это не нужно...

Астрогатор встал. Тогда встал и Роган.

— Вы мне не ответили.

Астрогатор смотрел на него. Он был выше Рогана, вообще крупнее, шире в плечах. В глазах его возникло то же усталое выражение, что и в начале беседы.

— Можешь идти, — сказал он.

Роган пошел к двери. Астрогатор протянул руку, будто пытаясь его удержать, схватить за плечо, но Роган этого не видел. Он вышел, а Горпах остановился у закрывающейся двери и долго стоял не двигаясь.

«Непобедимый»

Первые два вездехода скатились с пандуса на рассвете. Западные склоны дюн были еще залиты ночной чернотой. Поле открылось, давая дорогу машинам, и снова замкнулось, блеснув голубыми огнями. У самой кормы крейсера, на подножке третьего вездехода сидел Роган, в комбинезоне, без шлема и защитных очков, только с маленькой маской кислородного прибора; он обхватил колени сплетенными пальцами — так удобней было смотреть на скачущую стрелку секундомера.

В левом верхнем кармане комбинезона у него лежали тонизирующие таблетки, в правом — плоские плитки питательного концентрата, а в брючных карманах — мелкие приборы: индикатор излучения, маленький магнит-

ный датчик, компас и микрофотограмма местности размером с почтовую открытку — разглядывать ее надо было сквозь сильную лупу. Роган был опоясан шестью оборотами тончайшего пластикового каната, и вся его одежда практически не имела никаких металлических деталей. Проволочная сеточка, упрятанная в волосы, вообще не ощущалась — разве если нарочно пошевелить кожей головы; не ощущался и циркулирующий в ней ток. Но работу микрогенератора, вшитого в воротник, можно было проверить, приложив к этому месту палец: твердый цилиндр ритмично тикал, и палец улавливал биение его пульса.

На востоке стояла красная полоса, и ветер уже просыпался, порывами хлестал по вершинам дюн. Замыкающая горизонт, зазубренная стена кратера медленно тонула в багряном разливе. Роган поднял голову; двусторонней связи с кораблем он не мог иметь, работающий передатчик сразу выдал бы туче его присутствие, но в ухе у него торчал приемник величиной с косточку вишни, и «Непобедимый» мог, хотя бы на первых порах, посылать ему сигналы. Сейчас аппаратик заговорил — похоже было, что голос исходит прямо из головы.

— Внимание, Роган. Говорит Горпах. Носовые индикаторы отмечают увеличение магнитной активности. Вероятно, вездеходы уже под тучей... Высылаю зонд...

Роган смотрел на светлеющее небо. Он упустил момент старта и видел лишь, как зонд внезапно взмыл в воздух, влача за собой тающую полосу белого дыма, затуманившего верх ракеты, и с головокружительной быстротой помчался на северо-восток. Проходили минуты. Старое обрзгшее солнце наполовину уже вылезло из-за горизонта и будто верхом сидело на гребне кратера.

— Небольшая туча атакует первый вездеход, — раздался голос в его голове. — Второй пока идет беспре-

пятственно... первый приближается к каменным воротам... Внимание! Сейчас мы потеряли контроль над первым. Оптический — тоже: туча накрыла его. Второй приблизился к шестому повороту... Его не атакуют... Началось! Мы потеряли контроль над вторым. Туча его уже накрыла... Роган! Внимание! Твой вездеход отправляется через пятнадцать секунд. Дальше ты будешь действовать по собственному усмотрению! Включаю стартовый автомат... Желаю успеха...

Голос Горпах вдруг отдалился. Его заменило монотонное тиканье, отсчитывающее секунды. Роган уселся получше, уперся ногами, просунул руку в эластичную петлю, прикрепленную к верхним поручням вездехода. Легкая машина внезапно дрогнула и плавно двинулась вперед. Горпах держал всех людей внутри корабля, и Роган был почти благодарен ему за это — он не вынес бы никаких прощаний. Он видел лишь огромную, медленно уменьшающуюся колонну «Непобедимого». Голубое сияние затрепетало на склонах дюн — вездеход пересек границу силового поля. А вслед за этим скорость возросла, и рыжая туча, вскинутая баллонными пневматиками, заслонила все вокруг; он еле различал над ней просвечивающее небо. Это было не очень-то хорошо — он мог и не заметить, когда на него нападут. И поэтому, вместо того чтобы сидеть, как предусматривалось, Роган повернулся, приподнялся и, ухватившись за поручень, встал на подножке. Теперь он мог видеть поверх приплюснутой крыши вездехода бегущую навстречу пустыню. Вездеход шел с максимальной скоростью, иной раз так подскакивая и взлетая, что Рогану приходилось изо всех сил прижиматься к его поверхности. Двигатель работал почти бесшумно, только ветер свистел в ушах да песчинки били в лицо, а с обеих сторон плотной стеной взлетали песчаные фонтаны; Роган и не заметил, как очу-

тился за обводом кратера. Наверное, вездеход проскочил по одной из песчаных перемычек на северной стороне.

Роган вдруг услышал приближающийся певучий сигнал; это работал передатчик телезонда, взвившегося так высоко, что Роган не мог разглядеть его в небе, хоть и напрягал зрение. Зонд приходилось держать на большой высоте, чтобы не привлечь к нему внимание тучи, однако его присутствие было необходимо — иначе корабль не мог бы управлять движением вездехода.

Спидометр специально перенесли на заднюю стенку вездехода, чтобы облегчить Рогану ориентировку. Пока он проехал девятнадцать километров, и вот-вот должны были появиться первые скалы. Но еле краснеющий сквозь облако пыли солнечный диск, все время висевший справа над горизонтом, немного передвинулся назад. Значит, вездеход сворачивал влево. Роган тщетно пытался сообразить, соответствует радиус этого маневра намеченному плану или же выходит за его пределы: тогда это означало бы, что в рулевой рубке заметили какой-то непредвиденный маневр тучи и стараются уйти от нее.

Солнце вскоре исчезло за первой скалистой грядой, потом снова вынырнуло. В косых лучах ландшафт выглядел зловеще и дико и непохож был на тот, каким запомнил его Роган по своей последней экспедиции. Правда, он смотрел тогда с большей высоты, с башенки вездехода.

Вездеход вдруг начало так ужасно подбрасывать, что Роган несколько раз больно ударился грудью о броню. Теперь ему приходилось напрягать все силы, чтобы эти бешеные прыжки не сбросили его с узкой ступеньки. Колеса плясали на глыбах, вскидывали высоко вверх гравий, с грохотом катящийся вниз по склону, временами

яростно буксовали. Рогану казалось, что эта адская езда заметна за километры, и он начал всерьез подумывать, не остановить ли машину (на уровне плеч торчала выведенная наружу ручка тормоза). Но тогда его ожидало долгое путешествие пешком и оно уменьшило бы и без того ничтожные шансы вовремя дойти до цели. И Роган, стискивая зубы, судорожно цепляясь за поручни, которые теперь вовсе не казались ему такими надежными, как раньше, смотрел прижмуренными глазами поверх плоской крыши вездехода на горные склоны. Пение телезонда порой стихало, но, видимо, он все время парил над Роганом, потому что вездеход ловко маневрировал, обходя нагромождения скал, иногда отклонялся, замедлял ход, а потом снова изо всех сил рвался вперед.

Спидометр показывал, что пройдено двадцать семь километров. Если судить по карте, то всего надо было пройти шестьдесят, но на деле определенно получалось больше, хотя бы из-за непрерывных зигзагов и поворотов. Пески уже бесследно исчезли. Солнце, огромное, почти не греющее, тяжело и словно угрожающе нависало над горами, почти касаясь их зубчатых вершин. Машина лихорадочными бросками ожесточенно карабкалась по осыпям, иногда сползая вниз вместе с грохочущим каменным потоком; скаты пронзительно выли, бессильно терлись о камни на все более крутом склоне.

Двадцать девять километров. Кроме певучего сигнала телезонда, он ничего не слышал. «Непобедимый» молчал. Почему? Рогану казалось, что обрыв, нечетко проступающий темным силуэтом чуть ниже красного солнечного диска, это и есть верхний край ущелья, в которое он должен спуститься, но не здесь, а значительно выше, на севере. Тридцать километров. Во всяком случае, черной тучи пока нет и в помине. Наверное, она уже расправилась с обеими машинами. Или попросту бросила их,

удовлетворившись тем, что они отрезаны от корабля, что связь заблокирована?

Вездеход метался, как затравленный зверь; временами от вибрации двигателя, работающего на максимальных оборотах, у Рогана под горло подкатывало. Скорость постепенно снижалась, но все равно он двигался необычайно хорошо. Может, следовало взять подушечник? Но это машина слишком большая и тяжелая, да и вообще не стоит об этом думать, раз уж ничего теперь не изменишь...

Роган хотел посмотреть на часы. И не смог этого сделать — ни на секунду нельзя было приблизить руку к глазам. Он согнул ноги, пытаясь ослабить ужасающие толчки, от которых у него внутренности переворачивались. Вдруг машина вздыбилась и сломя голову ринулась наискосок вниз, взвизгнули тормоза, но уже летел со всех сторон щебень, громко барабанил по броне, вездеход судорожно крутанулся, его занесло, протащило боком по осыпи, потом машина замерла...

Вездеход медленно развернулся и снова упрямо пополз вверх по склону. Теперь Роган уже видел ущелье. Узнавал его по черноватым нашлапкам мерзких зарослей, покрывающим крутые склоны. До обрыва было не более километра. Тридцать четвертый километр...

Склон, по которому предстояло ехать, выглядел как сплошное море хаотически нагроможденных глыб и осыпей. Казалось невероятным, чтобы машина нашла тут дорогу. Роган перестал уже выискивать проходы — он ведь все равно не мог управлять машиной. Он только глаз не сводил со скал, окаймляющих пропасть. Оттуда в любой момент могла вынырнуть черная туча.

— Роган... Роган... — услышал он вдруг. Сердце забилось сильнее: он узнал голос Горпахы. — Вездеход, должно быть, не довезет тебя до цели. Мы отсюда не мо-

жем определить с необходимой точностью крутизну склона, но, по-видимому, можно будет проехать еще километров пять-шесть... Когда вездеход застрянет, придется тебе дальше пешком идти... Повторяю...

Горпых повторил сказанное. «Сорок два — сорок три километра от силы... Мне остается идти примерно семнадцать километров... по такой местности это часа четыре, если не больше... Но, может, они ошибаются, может, вездеход пройдет...»

Голос смолк, и снова слышались только ритмически повторяющиеся певучие сигналы зонда. Роган покрепче прикусил мундштук маски — при отчаянных бросках вездехода он обдирал небо и десны.

Солнце уже не касалось гор, но висело вплотную над ними. Перед глазами у Рогана маячили нагромождения скал, торчащие каменные плиты; иногда на него падала их холодная тень. Машина шла теперь гораздо медленней. Подняв глаза, Роган увидел прозрачные перистые облака, тающие в небе, и слабо светящиеся звезды.

Вдруг с вездеходом начало твориться нечто странное. Задняя часть его осела, передняя вздыбилась, весь он закачался, как конь, вставший на дыбы. Он того гляди рухнул бы, придавив Рогана, если б тот не спрыгнул с подножки. Роган упал на колени и руки, сквозь толстые защитные рукавицы и наколенники ощутил боль удара, проехал метра два по осыпи, пока не удалось задержаться. Колеса вездехода взвизгнули еще раз, и машина замерла.

— Внимание... Роган... Это тридцать девятый километр... Машина дальше не пойдет... тебе придется идти пешком.. сориентируешься по карте... Вездеход останется тут — на случай, если ты не сможешь вернуться иначе. Ты находишься на пересечении координат сорок шесть и сто девяносто два...

Роган медленно поднялся. Все мускулы у него болели. Но трудными были только первые шаги; он понемногу расходился. Ему хотелось поскорее отдалиться от вездехода, застрявшего между двумя каменными грядками. Под большим камнем-обелиском он сел, вынул карту и попробовал сориентироваться. Это было нелегко. Но все же он определил свое положение. До верхнего конца ущелья оставалось не больше километра по прямой, однако в этом месте нечего было и пробовать спускаться: на склонах сверху донизу щетинились металлические заросли, так что он двинулся вверх, все время обдумывая, не попробовать ли сойти в ущелье не доходя до намеченного пункта. Туда ведь минимум четыре часа ходу. Даже если удастся вернуться вездеходом, обратный путь займет пять часов; а сколько времени понадобится, чтобы спуститься вниз, не говоря уж о поисках! Весь план вдруг показался ему совершенно бессмысленным. Был это попросту красивый жест, столь же пустой, сколь и героический с виду — Горпах решил успокоить свою совесть, принеся в жертву его, Рогана. На мгновение его охватила такая ярость (надо же, попался на удочку, словно сопляк какой-нибудь: ведь астрогатор все это заранее сочинил), что он ничего вокруг не видел. Понемногу остыл. «Отступать поздно, — повторял он себе. — Если не удастся спуститься в ущелье или если до трех часов никого не удастся найти, тогда я возвращаюсь».

Было пятнадцать минут восьмого. Роган старался шагать широко и размеренно, но не слишком быстро, потому что при напряжении расходуетея намного больше кислорода. Он прикрепил компас на запястье правой руки, чтобы не сбиваться с намеченного направления. Несколько раз пришлось ему, однако, обходить трещины с отвесными краями. Тяготение на Регис было гораздо меньше земного, это давало хоть относительную свободу

движений даже на такой труднопроходимой местности. Слух Рогана, приученный к постоянному аккомпанементу тех звуков, которыми, как защитным барьером, окружали его в прежних экспедициях машины, теперь стал словно обнаженным и крайне обострился. Ритмичный напев зонда очень ослабел и отдалился; зато каждый порыв ветра, рвущегося об острия скал, бередил внимание Рогана: казалось, что с ним доносится отдаленное жужжание, так прочно врезавшееся в память.

Постепенно он втянулся в ходьбу и смог размышлять, автоматически переступая с камня на камень. В кармане был шагомер, но Роган не хотел слишком рано смотреть на его циферблатик, решил, что сделает это лишь через час. Однако не выдержал и до срока вынул похожий на часы приборчик. Горькое разочарование: он не прошел и трех километров. Наверное, это потому, что дорога идет в гору. «Значит, не три и даже не четыре часа, а по меньшей мере еще шесть...», — подумал он. Вынул карту и, став на колени, снова проверил свой путь. Верхний конец ущелья был виден в семистах—восьмистах метрах к востоку; Роган все время двигался более или менее параллельно его изгибам. В одном месте среди черных зарослей на склонах проходил тонкий извилистый разрыв — вероятно, русло высохшего потока. Роган устоял на эту тонкую нитевидную линию. Стоя на коленях под свистящим порывистым ветром, он раздумывал с минуту. Потом встал, словно не решив еще, что делать, машинально спрятал карту в карман и свернул под прямым углом с прежнего направления, шагая к обрывам ущелья.

Он приближался к молчащим израненным скалам, ступая так, будто земля могла в любой миг разверзнуться под ним. Мерзкий страх сжимал ему сердце. Однако он шел, все так же размахивая ужасающе пустыми рука-

ми. Внезапно он остановился и посмотрел вниз, на пустыню, где стоял «Непобедимый». Его нельзя было увидеть, он находился за чертой горизонта. Роган знал об этом, но смотрел на рыжеватое у горизонта небо, постепенно покрывающееся кучевыми облаками. Сигналы пели так слабо, что он уж и не знал — может, это лишь иллюзия. Почему молчит «Непобедимый»?

«Потому что ему нечего больше сказать», — ответил он сам себе. Скалы на краю обрыва, похожие на гротескные, изъеденные эрозией статуи, были уже рядом. Ущелье открылось перед ним, как огромный ров, залитый зыбкой полутьмой; лучи солнца не доходили еще и до середины склонов, покрытых черной чащобой. Роган одним взглядом охватил все громадное пространство до каменистого дна на глубине полутора километров и почувствовал себя таким беспомощным, таким незащищенным, что невольно упал на колени, чтобы плотно прижаться к камням, сделаться одним из них. Это было бессмысленно — ведь его не могли заметить. То, чего он боялся, не имело глаз.

Лежа на чуть нагретом плоском камне, он смотрел вниз. Фотограмметрическая карта говорила совершенно бесполезную правду — она показывала местность с птичьего полета, в резком вертикальном ракурсе. И думать было нечего о том, чтобы сойти по узкой проплешине меж черных зарослей. Тут не двадцать пять метров каната надо бы иметь, а самое меньшее сто, да вдобавок понадобились бы какие-нибудь крюки, молоток, а ничего такого не было, он не снаряжался для скалолазанья. Сначала эта узкая расселина спускалась довольно полого, потом обрывалась, исчезала под нависшим каменным карнизом и появлялась далеко внизу, уже сквозь синеватую дымку воздуха. Рогану пришла в голову идиотская мысль, что если б у него был парашют...

Он упорно осматривал склоны по обе стороны от того места, где лежал, втиснувшись под большую выветрившуюся глыбу. Лишь теперь он ощутил, что из огромной пустоты, открывшейся под ним, тихо струится нагретый воздух. Действительно, абрис противоположного склона легонько вибрировал. Заросли аккумулировали солнечную энергию. На юго-западе он отыскивал взглядом вершины шпилей, основания которых образовали каменные ворота — место катастрофы. Роган не узнал бы их, но они в отличие от всех остальных скал были совсем черные и блестящие, будто облитые толстым слоем глазури: во время битвы «Циклопа» с тучей их поверхность, наверное, кипела... Но он не мог разглядеть сверху ни входов, ни даже следов атомного взрыва на дне.

Лежал он вот так, и вдруг охватило его отчаяние: нужно сойти туда, вниз, а дороги нет. Вместо облегчения — вот, мол, можно вернуться и сказать астрогатору: «Я сделал все, что возможно» — пришла решимость.

Роган встал. Какое-то движение в глубине ущелья, пойманное краем глаза, невольно снова пригнуло его к камням, но он выпрямился. «Если я буду то и дело распластываться, ничего у меня не выйдет», — подумал он. Теперь он шел по самому краю обрыва, ища спуск; время от времени наклонялся над пропастью и видел все то же: там, где склон был пологим, его облепляли черные заросли, а там, где не было зарослей, склон падал отвесно. Однажды под ногой у него оборвался камень и покатился вниз, увлекая за собой другие. Маленькая грохочущая лавина с разгону ударилась о косматую стену всего в ста шагах под ним; оттуда выползла струя сверкающего под солнцем дыма, покружилась в воздухе и с минуту повисела, будто высматривая, а Роган весь помертвел; через минуту дым рассеялся и беззвучно впитался в поблескивающие заросли.

Время приближалось к девяти, когда Роган, снова глянув вниз, заметил на самом дне ущелья — оно тут заметно расширялось — светлое движущееся пятнышко. Руки у него задрожали; он достал из кармана маленький складной бинокль, отрегулировал его...

Это был человек. Бинокль давал слишком маленькое увеличение, лица нельзя было разглядеть, но Роган отлично видел, как он идет — медленно, слегка прихрамывая, будто волоча покалеченную ногу. Окликнуть его, что ли? Роган на это не решился. Нет, он пробовал: но голос его не слушался. Он ненавидел себя за этот проклятый страх. Но только знал, что теперь уж наверняка не уйдет. Он хорошо запомнил, куда идет этот человек — вверх по расширяющейся долине, к белесым конусам осыпей, — и бросился бежать в том же направлении по краю пропасти, перепрыгивая через зияющие трещины. Он бежал, пока дыхание, свистящее в мундштуке, не стало прерываться, пока не начало бешено колотиться сердце. «Это сумасшествие, я не могу так», — беспомощно подумал Роган. Он замедлил шаг, и именно тут открылась перед ним заманчиво широкая расселина. Ниже к ней с обеих сторон вплотную подступали черные заросли. Дальше наклон увеличивался... может, там карниз окажется?

Окончательно решился Роган, глянув на часы: почти половина десятого! Он начал спускаться, сначала лицом к пропасти, потом, когда наклон стал слишком уж крутым, повернулся и двинулся дальше, уже цепляясь руками, шаг за шагом; черная чаша была близко и словно жгла неподвижным молчаливым зноем. У него стучало в висках. Он остановился на косой каменной кромке, сунул левую ногу между ней и длинным выступом чуть повыше и глянул вниз. Метрах в сорока виден был широкий карниз, от которого спускалась отчетливо разли-

чимая нагая ступенчатая гряда, выступающая над кистевидными черными кустами. Но от этого спасательного карниза его отделял воздух. Роган поглядел вверх: он спустился уже метров на двести, а то и больше.

Ему казалось, что от ударов сердца сотрясается воздух. Он несколько раз моргнул. Медленными движениями слепого начал разматывать канат. «Не будешь же ты уж настолько сумасбродным...» — заговорило в нем что-то. Боком двигаясь по кромке, наискось идущей вниз, он добрался до ближайшего куста. Его остроконечные отростки были покрыты ржавым налетом. Роган притронулся к кусту, неизвестно чего ожидая. Но ничего не случилось. Послышался лишь сухой скрипучий шелест да из-под пальцев посыпалась ржавая пыльца. Роган потянул сильнее — куст сидел крепко; он обмотал его канатом у корней, еще раз потянул... во внезапном приливе смелости обмотал еще два куста, уперся и дернул изо всех сил. Кусты держались крепко, впившись в трещины скал.

Роган начал сползать вниз; сначала он еще мог тормозить, упираясь подошвами в скалы, но вскоре закачался и повис в воздухе. Он все быстрее пропускал канат под коленом, притормаживая его движением правого плеча и пристально глядя вниз; наконец опустился на карниз. Теперь он попробовал высвободить канат, дергая за нижний конец. Кусты не отпускали. Роган сразу дернул несколько раз. Заело. Тогда он сел верхом на выступ карниза и снова начал дергать, всей тяжестью тела повисая на канате. Вдруг верхний конец каната, зловеще свистя, пролетел по воздуху и хлестнул Рогана по шее. Он весь затрясся. Сидел потом несколько минут — ноги так обмякли, что невозможно было двигаться дальше. Зато он снова увидел движущуюся внизу фигуру. Она уже немного увеличилась. Рогану показалось

странным, что она такая светлая. И что-то необычное было в форме головы или, вернее, головного убора этого человека.

Он ошибся бы, если б думал, что худшее уже позади. Строго говоря, он этого не думал, но все же надеялся и, как оказалось, зря.

Дальше дорога была намного легче. Но вместо мертвых, ржаво хрустящих кустов появились другие, поблескивающие какой-то будто бы жирной чернотой, усеянные, словно мелкими плодами, утолщениями, которые Роган сразу узнал. Время от времени из них выплывали слабо жужжащие дымки, кружились в воздухе; тогда он замирал — ненадолго, иначе не добраться бы ему до дна ущелья. Некоторое время он двигался, сидя верхом на гряде, будто на коне, потом она стала более широкой и пологой, и уже можно было спускаться по ней, хоть и с трудом, цепляясь руками. Но Роган еле улавливал, в какой последовательности проходит этот длительный спуск, внимание его все время двоилось; иногда он продвигался так близко от кишаших «мушками» кустов, что их проволочные кисточки терлись о складки комбинезона. Но рои, которые плавали вверху, искрясь в солнечных лучах, ни разу не приблизились к нему.

Когда он очутился наконец на осыпи, в сотне-другой шагов от дна, белеющего сухими голышами, похожими на кости, было почти двенадцать. Он уже миновал зону черных кустов; склон, по которому он спускался, был до половины освещен высоко поднявшимся солнцем. Роган мог бы теперь оценить длину пройденного пути, но даже не обернулся. Побежал вниз, стараясь как можно быстрее перебрасывать тяжесть тела с ноги на ногу, с камня на камень, но огромная масса шаткой осыпи все же начала, шурша, сползать вместе с ним; она грохотала все громче, и вдруг, уже совсем близко от пересохшего ручья,

щебень рассыпался во все стороны, Роган с разгону свалился так, что даже кислородная маска сдвинулась, и скатился еще на десяток метров вниз.

Он уж было вскочил, чтобы бежать, не обращая внимания на ушибы, боясь, что потеряет из виду человека, которого видел сверху: на обоих склонах, особенно на противоположном, чернела масса пещер. Но тут что-то его предостерегло, и он, не успев еще ничего понять, снова упал на острые камни и застыл, раскинув руки.

С высоты пала на него легкая тень, и с нарастающим жужжанием, которое становилось все громче, вбирая в себя все регистры, от писка до басовых нот, повис над ним черный бесформенный клуб. Возможно, следовало закрыть глаза, но он не сделал этого. Последнее, о чем он подумал, не повредился ли при падении с осыпи аппаратик, вшитый в воротник. А потом он замер, будто парализованный, — пожалуй, сознательно. Даже глазами не двигал, но все же видел, как клубящаяся туча, паря над ним, выпускает вниз медленно извивающийся отросток, видел совсем вблизи его окончание — оно походило на воронку чернильно блестящего водоворота. Почувствовал кожей черепа, скул, всего лица теплые касания воздуха, будто миллионы крохотных дыханий. Что-то коснулось комбинезона на груди; непроглядный мрак окружил его.

И вдруг этот отросток, непрерывно извивающийся, как миниатюрный смерч, втянулся обратно в тучу. Жужжание стало резким. Оно болезненно отдавалось в зубах, ощущалось где-то в глубине черепа. Потом стихло. Туча почти вертикально пошла вверх, превратилась в черный туман, раскинувшийся во всю ширину ущелья, распалась на отдельные концентрически вращающиеся облачка, уползла в неподвижный мех зарослей и исчезла.

Роган долго еще лежал, как мертвец. В сознании

промелькнуло, что, может, уже — все, что он не будет знать, кто он, как сюда попал, что должен делать. От этой мысли ему стало так страшно, что он резко поднялся и сел. И вдруг ему захотелось смеяться. Ведь если он мог так подумать, это значит, что он спасся. Что ничего ему туча не сделала, что он ее обманул. Он старался подавить этот идиотский подступающий к горлу смех, от которого тряслось все тело.

«Это настоящая истерика», — подумал Роган, вставая.

Он был уже почти спокоен — так по крайней мере ему казалось. Он поправил кислородную маску и огляделся. Человека, которого он увидел сверху, не было. Но Роган слышал его шаги. По-видимому, он уже миновал осыпь и исчез за упавшей глыбой, наполовину перегораживающей ущелье. Роган побежал вслед за ним. Шаги слышались все ближе и были удивительно громкими. Будто человек шел в железных сапогах. Роган бежал, чувствуя, как боль иглой пронзает ногу от щиколотки до колена. «Должно быть, я подвернул ногу», — подумал он, отчаянно взмахивая руками. Воздуха опять не хватало, Роган почти задохнулся. И наконец увидел его.

Человек шел прямо вперед, мерным широким шагом, ступая с камня на камень. Скалистые стены звонким хлопающим эхом повторяли звук его шагов. И вдруг у Рогана все внутри оборвалось. Это был не человек, а робот. Один из арктанов. Роган вообще как-то не думал о их судьбе, о том, что случилось с ними после катастрофы; они находились в среднем вездеходе, когда на колонну напала туча.

Арктан был уже совсем близко. Тут Роган заметил, что левая рука робота раздроблена и бессильно свисает, а его блестящий выпуклый панцирь весь исцарапан и

продавлен. Разочарование было сильное, и все же Роган как-то бодрей себя почувствовал при мысли о том, что в дальнейших поисках будет у него хоть такой товарищ. Он хотел окликнуть робота, но что-то его удержало. Роган прибавил шагу, обогнал арктана и, став у него на дороге, ждал. Но гигант ростом в два с половиной метра будто бы его и не видел. Вблизи Роган разглядел, что у арктана разбита радарная антенна, похожая на мискообразное ухо, а там, где раньше был объектив левого глаза, зияет отверстие с неровными краями. Однако робот вполне уверенно ступал своими огромными ногами, лишь слегка волоча левую. Роган позвал арктана, когда тот приблизился, но машина перла прямо на него, как слепая, и ему пришлось в последний момент сойти с дороги. Он снова подбежал к роботу и схватил было его за металлическую лапищу, но тот вырвался плавным равнодушным движением и зашагал дальше. Роган понял, что арктан тоже стал жертвой атаки и рассчитывать на него не приходится. Но как-то тяжело было бросить беспомощную машину на произвол судьбы, а кроме того, любопытство его разбирало, куда же, собственно, направляется робот, — ведь он шел, выбирая дорогу попрямее, будто имел определенную цель.

После недолгого размышления, во время которого робот ушел вперед, Роган кинулся вслед за ним. Робот дошел до подножия осыпи и начал подниматься по ней, не обращая ни малейшего внимания на потоки щебня, летящие из-под его широких ступней. Он вскарабкался примерно до середины осыпи, потом внезапно опрокинулся и съехал вниз, перебирая ногами в воздухе. В других обстоятельствах это, вероятно, вызвало бы смех у наблюдателей. Потом арктан поднялся и снова начал свое восхождение. Роган поспешно повернулся и ушел, но до него долго еще доносился грохот щебня и

тяжелое металлическое шарканье, на которое стены ущелья откликались многократным эхом.

Роган теперь продвигался быстро — дорога по плоским камням, покрывающим русло потока, была довольно ровной и шла слегка под уклон. Тучи и в помине не было, и лишь временами еле приметная вибрация воздуха над склонами свидетельствовала об энергии, бурлящей в черных зарослях. Так добрался он до самой широкой части ущелья — здесь оно переходило в долину, окруженную пологими каменистыми склонами. Место катастрофы было в двух километрах отсюда. Лишь теперь Роган понял, как трудно ему придется без ольфактометрического индикатора, который помог бы разыскать следы человека. Но этот аппарат был слишком тяжел для пешехода.

Роган остановился и стал медленно обводить взглядом каменные склоны. В металлических зарослях никто не мог укрыться, об этом нечего было и думать. Оставались гроты, пещеры и каменные котловины; четыре из них он видел отсюда, но их ограждали высокие отвесные стены, взобраться на которые весьма нелегко. Поэтому он решил первым делом осмотреть гроты. Еще на корабле он вместе с врачами и психологами размышлял о том, где следует искать пропавших, то есть где они могли бы спрятаться. Но, в сущности, это совещание мало чем ему помогло, потому что поведение людей с такой формой амнезии было нелогично и непредсказуемо. То, что эти четверо отделились от остальных, указывало на их особую, отличительную активность; то, что они и дальше не расходились, по крайней мере на обследованном участке пути, в какой-то мере позволяло надеяться, что всех их удастся найти вместе. Конечно, если они вообще были живы и если не разошлись в разные стороны где-нибудь за каменными воротами. Роган обыскал по оче-

реди два маленьких и четыре больших грота, входы в которые были в общем легкодоступны — за несколько минут можно было взобраться туда по большим, косо торчащим каменным плитам. В последнем гроте он наткнулся на полузатонувшие металлические обломки; сначала Роган принял их за скелет второго арктана, но они были невероятно старые и не походили ни на одно из конструктивных решений, какие были ему известны. В небольшом озерце, на которое падал слабый отраженный свет с гладкого, будто полированного свода, покоился удивительный продолговатый предмет, чуточку похожий на крест пятиметровой длины; его металлическая оболочка давно распалась и, смешавшись с известковыми осадками, образовала на дне озерца рыжий от ржавчины ил.

Роган не мог себе позволить как следует осмотреть необычайную находку — наверное, останки одного из макроавтоматов, уничтоженных победительницей-тучей. Он лишь запомнил его форму, полустертые очертания каких-то перемычек и стержней — все это скорее предназначалось для полета, чем для ходьбы; но каждый взгляд на часы заставлял его все больше торопиться, и поэтому он немедленно начал обыскивать следующие пещеры.

Было их так много — со дна ущелья они иногда казались непроглядно темными окнами в высоких каменных стенах, а подземные коридоры и галереи, часто залитые водой и ведущие к отвесным колодцам, к сифонам с ледяными журчащими потоками, падали так круто, что он и не пробовал глубоко в них забираться. Да и вообще у него был лишь маленький фонарик с довольно слабым светом; фонарик этот был совсем бесполезен в громадных многоэтажных пещерах с высокими сводами, а встречались не раз и такие.

Наконец, прямо-таки падая от усталости, Роган усел-

ся на огромном нагретом солнечными лучами плоском камне у выхода из только что обследованной пещеры и начал жевать плитки концентрата, запивая сухие куски водой из ручья. Раза два ему показалось, что он слышит шум приближающейся тучи, но, вероятно, это были отголоски сизифовых усилий арктана, штурмующего осыпь. Проглотив свои скудные запасы, Роган почувствовал себя намного бодрей. Самое странное было то, что он, собственно, обращал все меньше внимания на опасное соседство, — ведь черные заросли карабкались по склонам повсюду, куда ни глянь.

Он сошел с возвышения перед пещерой, где отдыхал, и тут увидел нечто вроде ржавой полосы на сухих камнях по той стороне ручья. Подойдя поближе, он распознал следы крови. Кровь совершенно высохла, изменила цвет и, если бы не удивительная белизна камней, похожих на известняк, Роган наверное ничего бы и не заметил. Он пробовал установить, в каком направлении шел человек, истекающий кровью, но не смог. Так что он двинулся наугад вверх по ущелью, рассудив, что, возможно, этот человек был ранен во время битвы «Циклопа» с тучей и старался уйти от ее эпицентра. Следы петляли, иногда исчезали и наконец привели его к пещере, которую он осматривал одной из первых. Тем больше удивился он, когда оказалось, что рядом с ее отверстием зияет расселина с отвесными стенами, похожая на колодец. Именно туда вел кровавый след.

Роган стал на колени и склонился над полутемным отверстием. Он готовился к самому худшему и все же не сдержал сдавленного взгласа, потому что прямо на него глядело пустым взглядом лицо Беннигсена с оскаленными зубами. Он узнал геолога по тонкой золотой оправе очков, стекла которых по слепой игре случая уцелели и ярко сверкали в отраженном свете, падающем от

известняковой плиты, наклонно торчащей над этим каменным гробом. Беннигсен вертикально висел, заклинившись плечами между двумя глыбами. Рогану не хотелось бросать его здесь; но когда он, пересилив себя, попробовал приподнять труп, то почувствовал сквозь плотный материал комбинезона, как тело расползается у него под руками. Разложение, ускоренное воздействием солнца, сделало уже свое дело. Роган только расстегнул молнию нагрудного кармана на комбинезоне и вынул оттуда опознавательный жетон ученого; перед тем как уйти, он, напрягая все силы, придвинул одну из ближайших каменных плит и прикрыл ею каменную гробницу.

Уже уйдя оттуда, Роган подумал, что следовало бы, вообще говоря, определить радиоактивность останков, потому что это в известной мере помогло бы выяснить, что случилось с Беннигсеном и с другими: если бы уровень радиоактивности оказался очень высоким, это означало бы, что погибший находился поблизости от поля битвы. Но он забыл это сделать, а теперь уж ничто не заставило бы его снова отвалить могильный камень. Вместе с тем Роган понял, какую большую роль в его поисках играет случай, — ведь ему казалось, что все окрестности этой пещеры он осмотрел весьма обстоятельно.

Новая мысль пришла ему в голову, и он поспешно двинулся по кровавому следу, ища его истоки. След вел почти по прямой линии вниз, будто бы к месту битвы. Но метров через триста внезапно свернул в сторону. Геолог потерял колоссально много крови, и было просто поразительно, что, даже несмотря на это, он ушел так далеко. Камни, на которые после катастрофы не упало ни капли дождя, были обильно залиты кровью. Роган взобрался по неустойчивым крупным глыбам и очутился

в небольшом углублении под ребристым каменным выступом.

Первое, что он увидел, была неестественно большая подошва металлической стопы робота. Арктан лежал на боку, рассеченный посередине, видимо, очередью из вейра. Невдалеке полулежал, опираясь на скалу, чуть не пополам согнутый человек в шлеме, почерневшем от копоти. Он был мертв. Излучатель еще висел на его безвольно разжавшейся руке, блестящим дулом упираясь в камни. Роган сначала не решался притронуться к мертвецу, только пытался, стоя на коленях, заглянуть ему в лицо, но оно было так же изуродованно разложением, как у Беннигсена. Потом он распознал широкую плоскую геологическую сумку, переброшенную через плечо сидевшего. Это был сам Реньяр, руководитель экспедиции, подвергшейся нападению в кратере. Измерения радиоактивности показали, что арктана уничтожили разрядами вейра — индикатор отмечал характерное наличие редкоземельных изотопов.

Роган хотел было взять опознавательный жетон, но теперь его на это уже не хватило. Он только отстегнул сумку — при этом можно было не касаться тела. Но сумка была битком набита одними лишь образцами минералов. Поэтому Роган отковырял ножом монограмму Реньяра, прикрепленную к сумке, спрятал ее и снова, глядя на неподвижные тела, попытался сообразить, что же, собственно, тут произошло. Похоже было на то, что Реньяр стрелял в робота, но почему? Может, тот напал на него или на Беннигсена? А впрочем, разве при амнезии человек способен защищаться от нападения? Он понимал, что ему не разгадать этой загадки, а между тем надо было продолжать поиски. Он снова поглядел на часы: скоро пять. Кислороду дальше не хватит, надо бы возвращаться. Тут ему пришло в голову, что ведь

можно вывернуть кислородные баллоны из аппарата Реньяра. Он снял аппарат со спины трупа, обнаружил, что один баллон еще не тронут, заменил им свой опустевший, а потом начал укладывать камни вокруг тела Реньяра. На это ушел чуть ли не час, но он считал, что мертвец все равно щедро расплатился, уделив ему свой запас кислорода. Когда могильный холмик был уже готов, Роган подумал, что вообще-то неплохо бы ему прихватить оружие, ведь излучатель наверняка еще не полностью разряжен. Но эта мысль возникла слишком поздно, так что он ушел ни с чем.

Близилось к шести; Роган так устал, что еле ногами двигал. У него были еще четыре тонизирующие таблетки, он принял одну и вскоре встал, чувствуя прилив сил. Он не имел ни малейшего понятия, откуда начинать дальнейшие поиски, поэтому пошел напрямик к месту катастрофы. До каменных ворот оставалось еще около километра, когда счетчик отметил возрастание радиоактивности. Пока она была относительно невысокой, так что Роган шел дальше, внимательно глядя по сторонам. Ущелье извивалось, и поэтому скалы были оплавлены лишь кое-где. Но по мере того как он продвигался к воротам, все чаще попадались скалы с этой характерной поверхностью, похожей на потрескавшуюся глазурь; наконец Роган увидел огромные глыбы, все в застывших пузырях — их поверхность кипела от разрядов антиматерии. Тут ему, собственно, уже нечего было делать, но он все шел вперед. Счетчик начал теперь стрекотать все быстрее и быстрее, стрелка бешено танцевала по шкале. Наконец Роган увидел издалека обломки каменных ворот; они упали в котловину, залитую расплавленным камнем, будто застывшей водой — это был дьявольский след битвы, распылившей ложе потока; стены ущелья внизу покрылись толстой скорлупой лавы, а черный мех

металлических зарослей повис обгорелыми лохмотьями: чуть подальше в каменных стенах зияли громадные проломы, более светлые по цвету. Роган поспешно повернул назад.

И снова выручил случай. Когда он на обратном пути подошел к следующим за полем боя гораздо более широким каменным воротам, то поблизости от места, которое он недавно проходил и осматривал, в глаза ему сверкнул какой-то металлический предмет. Это был алюминиевый редуктор кислородного аппарата; в неглубокой щели между большой скалой и ложем испарившегося ручья темнела спина в обгоревшем комбинезоне. Труп был без головы. Ужасающая сила взрывной волны перебросила человека через нагромождение камней и разможила его тело о скалу. Поодаль лежала ничуть не поврежденная кобура, в ней был аккуратно пригнанный, блестящий, словно только что вычищенный вейр. Роган забрал его себе. Он пытался опознать погибшего, но не смог. Двинулся дальше вверх по ущелью.

Свет на восточном склоне был уже красным и, словно пылающий занавес, поднимался все выше по мере того как солнце уходило за горный хребет. Было без четверти семь. Роган просто не знал, что делать. Пока что ему везло — по крайней мере в том смысле, что он выполнил задание, уцелел и мог возвращаться на корабль. В том, что четвертый человек тоже погиб, у него уже не было сомнений; да, впрочем, он был почти убежден в этом еще на корабле. Сюда пришел, чтобы полностью удостовериться. Так имеет же он теперь право возвращаться? Запаса кислорода, которым он обязан Реньяру, хватит еще на шесть часов. Но впереди ведь целая ночь; ночью он ничего не сможет делать, даже не из-за тучи, а из-за того, что скоро совсем выдохнется. Он глотнул очередную тонизирующую таблетку и, ожидая, пока она подей-

ствуует, пытался составить хоть мало-мальски толковый план дальнейших действий. Черные заросли в вышине, у края скал, заливало багровое зарево заката, и в его свете острия кустов сверкали и переливались глубоким фиолетовым огнем.

Роган все не мог решиться. И сидя вот так у отверстия большой пещеры, он услышал надвигающееся тяжелое жужжание тучи. Странное дело — он ничуть не испугался. Его отношение к туче за один этот день поразительно переменилось. Он знал — или по крайней мере думал, что знает, — что он может себе позволить, словно альпинист, которого не отпугивает смерть, таящаяся в трещинах ледника. Правда, он и сам еще толком не разобрался, что за перемена в нем произошла; он не мог вспомнить, когда впервые, глядя на черные заросли, переливающиеся на склонах всеми оттенками фиолетового цвета, заметил их угрюмую красоту. Но теперь, уже видя черные тучи, — а приближались две тучи, взлетевшие с обоих склонов ущелья, — он даже не шевельнулся, не пытался укрыться, прижимаясь к камням. В конце концов, было неважно, сидел он или лежал, если только аппаратик продолжал работать. Сквозь материал комбинезона Роган коснулся его круглого, как монетка, донышка и кончиками пальцев ощутил тончайшую вибрацию. Он не хотел накликать опасность и уселся поудобней, чтобы не шевелиться без надобности.

Тучи теперь громоздились по обеим сторонам ущелья. Их черную клубящуюся массу словно пронизывал какой-то поток организующих импульсов, потому что они сгущались на краях, образуя почти вертикальные колонны, а в середине выпячивались, тянулись друг к другу и все больше сближались. Похоже было, что какой-то незримый титан-скульптор с необычайной быстротой придавал им форму. Несколько беглых разрядов пронизало воз-

дух между самыми сближенными местами туч, которые будто бы рвались друг к другу, а все же оставались на месте и только все стремительней клубились в центре. Блеск этих молний был удивительно тусклым; обе тучи сверкнули в нем на мгновение, как застывшие в полете мириады черно-серебряных кристалликов. Потом, когда в скалах несколько раз прокатилось эхо громовых раскатов, слабое и приглушенное, словно его накрыли звукопоглощающим материалом, обе стороны черного моря, вибрируя, напрягаясь до предела, соединились и проникли друг в друга. Воздух под ними потемнел, будто солнце уже зашло, и тут же возникли в нем какие-то странные извилистые линии. Роган очень скоро понял, что это гротескно-искаженное отражение каменистого дна ущелья.

Эти воздушные зеркала под потолком тучи колебались и распадались; и вдруг он увидел гигантскую, макушкой упирающуюся в тучу человеческую фигуру, которая неподвижно глядела на него, хотя само изображение непрестанно вибрировало и прыгало, то угасая, то снова вспыхивая в таинственном ритме. И снова прошло несколько секунд, прежде чем Роган узнал собственное отражение, висящее в пустоте между боковыми колоннами тучи. Он был так изумлен, до такой степени потрясен непонятными действиями тучи, что забыл обо всем. Мелькнула у него мысль, что, быть может, туча знает о нем, о присутствии последнего живого человека среди скал ущелья. Но и этой мысли он не испугался; не потому, что это было слишком невероятно — он уже ничто не считал невозможным, — а просто он жаждал участвовать в этой все более мрачной мистерии, значения которой, в этом он был уверен, никогда не поймет. Его гигантское лицо, сквозь которое просвечивали отдаленные склоны в конце ущелья, куда не ложилась тень тучи,

расплывалось. Из тучи выползало бесчисленное множество отростков; если она втягивала одни, то их место занимали другие. Из них начал падать, постоянно нарастая, черный дождь. Кристаллики падали и на Рогана, слегка ударяли его по голове, скатывались по комбинеzonу, собирались в его складках. Черный дождь все шел, а голос тучи; это всеобъемлющее, заполнившее не только долину, но, казалось, и всю атмосферу планеты гуденье, поднималось все выше; в туче возникли локальные смерчи, «окна», сквозь которые просвечивало небо, черный саван разодрался в центре, двумя волнами двинулся тяжело, будто бы нехотя, к зарослям, всосался в их неподвижную чащобу и исчез.

Роган по-прежнему сидел не шевелясь. Он не знал, можно ли стряхнуть кристаллики, которыми он весь был усыпан; очень много их лежало на камнях, белое, словно костяное, русло ручья теперь выглядело так, будто его чернилами забрызгали. Он осторожно взял пальцами один из треугольных кристалликов, а тот словно ожил, щекотнул ладонь слабым теплым дуновением; Роган инстинктивно разжал пальцы, и кристаллик улетел.

И тогда, как по сигналу, заройлось все вокруг. Лишь в первый миг это движение было хаотическим. Потом черные точки сгустились, словно дым, стелющийся по земле, сконцентрировались и столбами взмыли вверх. Казалось, что сами скалы дымятся, как исполинские беспламенные факелы. А потом снова произошло нечто непонятное. Когда взлетающий рой круглым облаком повис точно посередине ущелья, выделяясь на сумеречном небе, как огромный пушистый черный шар, обе тучи опять вынырнули из зарослей и бросились на него с ошеломляющей быстротой. Рогану казалось, что он слышит невероятный скрежет воздушной схватки, но, видимо, это была иллюзия. Он уж подумал было, что перед ним

развернулся бой, что тучи выбросили на дно ущелья искалеченных «мушек», что они хотят избавиться от этого балласта. Но схватка и сейчас оказалась лишь иллюзией. Тучи разошлись, и от пушистого шара не осталось и следа. Они его поглотили. Через миг вершины скал снова истекали кровью последних закатных лучей, а просторная долина затихла и опустела.

Роган встал; ноги у него все еще подгибались. Он вдруг показался себе смешным с этим излучателем, торпливо отнятым у мертвеца; более того — он чувствовал себя ненужным в этой стране торжествующей смерти, где могли существовать и побеждать лишь неживые создания, чтобы свершать таинственные действия, которых не должны были видеть ничьи живые глаза. Не с ужасом, но с ошеломленным восхищением участвовал он недавно в том, что здесь творилось. Роган знал, что никто из ученых не сможет разделить его чувств, но теперь он хотел вернуться не только как вестник гибели товарищей, но и как человек, который будет добиваться, чтобы эту планету оставили нетронутой. «Не все и не везде существует для нас», — подумал он, медленно спускаясь вниз по ущелью.

Небо было еще светлым, и это помогло Рогану быстро добраться до поля битвы. Но там ему пришлось идти быстрее — от остекленевших скал, которые кошмарными силуэтами маячили в густеющем сумраке, исходило все более сильное излучение. Он еще ускорил шаг, наконец побежал. Отзвук шагов, перекликаясь, повторяли каменные стены ущелья, и в этом немолчном эхе, словно подгоняющем его, Роган, из последних сил прыгая с камня на камень, миновал расплавившиеся до неузнаваемости обломки машин и бегом свернул в крутую излучину ущелья. Но рубиновый огонек индикатора и здесь сверкал ярко, медлить было нельзя. Он задыхался: не сбав-

ляя темпа, отвернул до отказа вентиль редуктора. Даже если кислород кончится у выхода из ущелья и придется дышать воздухом планеты, это наверняка будет лучше, чем хоть немного задерживаться здесь, где каждый дюйм камня источает смертоносное излучение. Кислород холодной волной вливался в горло. Бежать было легко — поверхность расплавленного потока, который оставил за собой отступающий «Циклоп», была гладкая, местами прямо как зеркало. Подошвы у Рогана, к счастью, были цепкие, повышенной проходимости, и он не скользил.

Теперь уже так стемнело, что лишь по белым камням русла, кое-где просвечивающим сквозь стеклянистую кору, он угадывал дорогу — вниз, все вниз. Он знал, что впереди еще минимум три километра такого пути. Невозможно было, мчась изо всех сил, делать какие-либо расчеты, но все же он время от времени поглядывал на красноватый пульсирующий огонек индикатора. Примерно час он мог еще находиться здесь, среди этих искореженных, сожженных аннигиляцией скал, — доза тогда не превысит двухсот рентген. Ну в крайнем случае — час с четвертью; если он к этому времени не выберется в пустыню, спешить будет уже не к чему.

На двенадцатой примерно минуте наступил кризис. Сердце жестоко и неодолимо напоминало о своем присутствии, оно давило изнутри, распирало грудь, кислород полыхающим огнем обжигал рот и горло, перед глазами плясали искры. Индикатор еле светился во тьме, как гаснущий уголек, но Роган все же понимал, что нужно бежать, бежать дальше, а ноги уже не слушались. Каждый мускул его жаждал отдыха, все в нем кричало, чтобы замедлить бег, остановиться, а то и рухнуть на потрескавшееся стеклянистое покрытие, такое холодное, такое безопасное с виду. Он хотел взглянуть

вверх, на звезды, споткнулся и полетел вперед, вытянув руки. Рыдая, ловил воздух ртом. С трудом приподнялся, встал, пробежал несколько шагов, шатаясь из стороны в сторону, потом вернулся ритм бега, подхватил его.

Роган уже потерял чувство времени. Как он вообще ориентировался в этой непроглядной тьме? Он забыл обо всех мертвецах, которых нашел, о костяной ухмылке Беннигсена, о Реньяре, покоящемся под камнями рядом с изувеченным арктаном, о трупe без головы, который он не смог опознать, забыл даже о туче. Его будто тисками давила эта тьма, от нее набухли кровью глаза, тщетно ищущие широкое звездное небо пустыни, песчаные просторы которой сулили спасение. Он бежал вслепую, глаза заливал соленый пот, его несла какая-то сила, и он иногда еще способен был удивиться, что эта сила все не исчерпывается. Этот бег, эта ночь, казалось, не имели конца.

Он ничего уже, собственно, не видел, но вдруг его ноги стали двигаться все тяжелее, куда-то проваливаться, безграничное отчаяние охватило его, он поднял голову и вдруг понял, что оказался в пустыне. Роган еще увидел звезды над горизонтом, потом, когда уже ноги сами подгибались под ним, он поискал взглядом циферблатик индикатора, но не увидел его: циферблат потемнел, замолчал, незримая смерть осталась позади, в глубине залитого лавой ущелья. Это была последняя его мысль; едва он ощутил на щеке шершавый холод песка, как сразу погрузился не в сон, а в оцепенение, в котором все его тело еще отчаянно работало, ребра ходуном ходили, сердце колотилось, но сквозь этот мрак полнейшего истощения он уплывал в другой, безмерно глубокий, и наконец потерял сознание.

Роган внезапно очнулся, не понимая, где находится. Пошевелил руками, ощутил холод песка, струящегося

меж пальцами, сел и невольно простонал. Нечем было дышать. Сознание вернулось к нему. Светящаяся стрелка манометра стояла на нуле. В другом баллоне еще было восемнадцать атмосфер. Он отвернул вентиль и встал. Был час ночи. Острые лучи звезд сверкали в черном небе. Он определил по компасу направление и пошел вперед. В три часа он принял последнюю таблетку. Незадолго до четырех у него кончился кислород. Тогда он отшвырнул кислородный прибор. Сначала Роган дышал осторожно, недоверчиво, но когда холодный предрасветный воздух ворвался в его легкие, он зашагал бодрее, стараясь не думать ни о чем, кроме этого перехода через песчаные волны, в которых он утонул иной раз по колени. Он вроде как опьянел, но не знал, отчего это — то ли от атмосферных газов, то ли просто от усталости. Он подсчитал, что если будет делать по четыре километра в час, то доберется до корабля часам к одиннадцати утра. Пробовал проконтролировать свой темп на шагомере, но ничего не получилось.

Млечный Путь исполинской белой полосой делил купол неба на две неровные части. Роган уже так привык к слабому звездному свету, что различал и мог обходить большие дюны. Он все брел да брел, пока не заметил на горизонте какой-то угловатый силуэт, воспринимавшийся как беззвездное пространство странно правильной формы. Еще не успев понять, что это такое, он уже повернул в ту сторону и бежал, проваливаясь все глубже, но даже не чувствуя этого, пока протянутыми руками, как слепой, не ударился о твердый металл. Это был вездеход, пустой вездеход, возможно, один из тех, которые вчера утром выслал Горпах, а может, другой какой-нибудь, брошенный группой Реньяра. Роган не раздумывал над этим, он просто стоял, задыхаясь, обеими руками обняв приплюснутый лоб машины. Усталость тянула его к зем-

ле. Упасть около машины, заснуть рядом с ней, а утром, при солнце, двинуться в путь...

Он с трудом взобрался на бронированную крышу, ощупью нашел рукоять, открыл люк. Вспыхнули огоньки. Он сполз на сиденье. Да, теперь он уже знал, что одурманен, отравлен, видимо, этим газом — никак не мог отыскать стартер, не помнил, где он, вообще ничего не понимал... Наконец рука сама нашла истертую ручку, толкнула ее, двигатель тихо мяукнул и заработал. Роган посмотрел на гирокомпас; он наверняка знал лишь одну-единственную цифру — курс возвращения. Вездеход некоторое время двигался в темноте — Роган забыл о том, что существуют фары...

В пять было еще темно. Но он увидел прямо перед собой, вдалеке, среди белых и голубоватых звезд, одну, низко висящую над горизонтом, рубиновую. Он тупо моргнул. Красная звезда?... Таких не бывает... Ему казалось, что рядом кто-то сидит — наверное, Ярг. Роган хотел спросить его, что ж это может быть за звезда, и вдруг очнулся, словно от толчка. Это был носовой огонь корабля. Он ехал прямо на эту рубиновую искорку во мраке, она медленно поднималась вверх, увеличивалась и стала ярко сверкающим шаром, отражение которого мерцало на броне корабля.

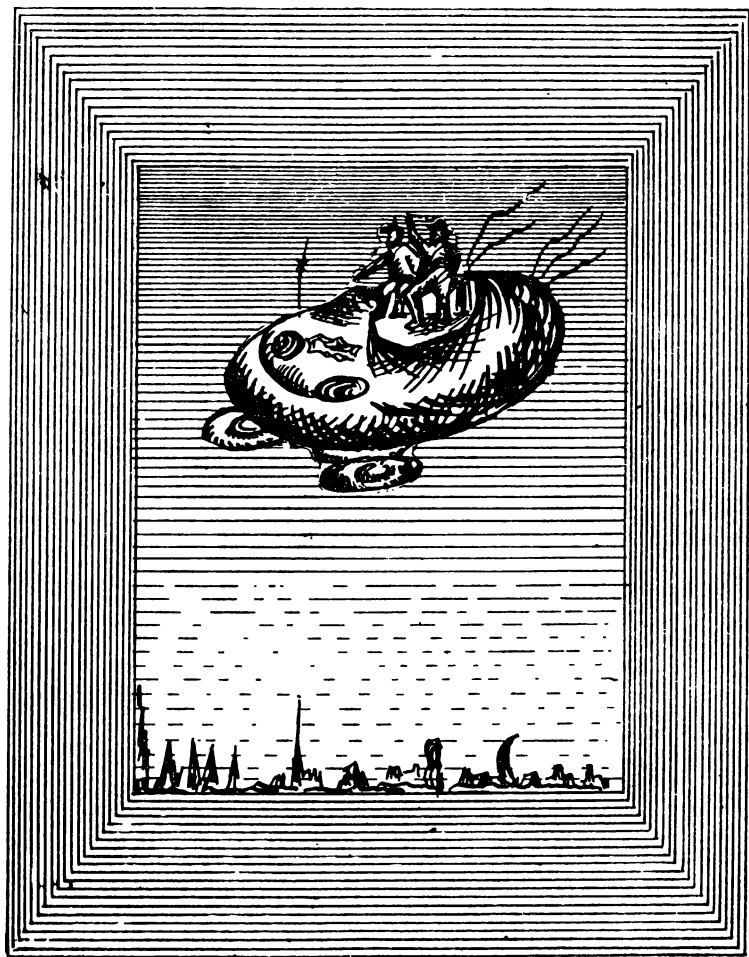
На пульте вездехода замигал красный огонек и зажужжал зуммер, сигнализируя о приближении силового поля. Роган выключил двигатель. Машина скатилась по склону дюны и стала. Роган не был уверен, что сможет снова взобраться на вездеход, если сейчас вылезет. Поэтому он достал ракетницу, но не мог ее удержать в одной руке, оперся локтем о руль и, придерживая кисть другой рукой, потянул спусковой крючок. Оранжевая полоса рванулась в темноту, ударилась о силовое поле, как о прозрачное стекло, и разбрызгалась звездочками.

Он все стрелял и стрелял, пока ударник не щелкнул сухо. Патроны кончились.

Но его уже заметили, на вершине корабля вспыхнули два больших прожектора и, лизнув белыми языками песок, скрестились на вездеходе. Загорелись огни на пандусе, холодным пламенем люминесцентных ламп засияла шахта подъемника. По трапу толпой бежали люди, уже засветились прожекторы и на дюнах, и под кормой, повсюду заматались, пересекаясь, световые столбы, и наконец возникла вереница голубых огоньков, открывая вход в силовое поле.

Роган выронил ракетницу. Он сам не заметил, как сполз по борту машины и неверными, преувеличенно широкими шагами, неестественно выпрямившись и сжимая кулаки, чтобы подавить невыносимую дрожь в пальцах, пошел прямо к двадцатизэтажному кораблю, который стоял средь половодья огней на фоне бледнеющего неба, такой величественный и неподвижно-громадный, будто и вправду был непобедимым.

*Закопане,
июнь 1962—1963 гг.*

КИБЕРИАДА

Путешествие первое, или Ловушка Гарганциана

Когда Космос еще не был так разболтан, как в наши дни, когда все звезды аккуратно были порасставлены и легко удавалось пересчитать их слева направо или сверху вниз (причем те, что побольше да поглубже, вместе собрались, а мелкие да желтеющие, как тела второй категории, по углам были распаханы), когда в пространстве и следа бы никто не сыскал пыли, грязи и мусора от туманностей, — в те добрые старые времена существовал обычай, что конструкторы, имеющие диплом Перпетуальной Омnipотенции с отличием, время от времени отправлялись в путешествия и несли далеким народам добрый совет и помощь.

И случилось однажды, что, согласно этому обычаю, пустились в путь Трурль и Клапауциус, которым создавать или гасить звезды было все равно что семечки лузгать.

Когда глубина космической бездны уже стерла в их сознании память о родном небе, увидели они пред собой планету, не слишком большую и не слишком маленькую — в самый раз, с одним-единственным континентом. Посреди этого континента тянулась линия, красная-красная, и все, что находилось по одну ее сторону, было желтым, а то, что по другую, — розовым. Поняли конструкторы, что перед ними два соседних государства, и решили посоветоваться перед посадкой.

— Поскольку тут два государства, — сказал Трурль, — справедливо будет, ежели ты отправишься в одно, а я в другое. Благодаря этому никто не будет обижен.

— Хорошо, — ответил Клапауциус, — но что будет, если они захотят от нас военных изобретений? Такое случается.

— Действительно, они могут добиваться оружия, даже сверхоружия, — согласился Трурль. — Давай договоримся, что мы решительно им откажем.

— А если они будут очень нажимать? — возразил Клапауциус. — И такое бывает.

— Проверим это, — сказал Трурль и включил радио, из которого немедленно хлынула бравая военная музыка.

— У меня есть идея, — сказал Клапауциус, выключая радио. — Мы можем применить рецепт Гарганциана. Что ты на это скажешь?

— Ах, рецепт Гарганциана! — воскликнул Трурль. — Никогда не слышал, чтобы его кто-либо применял. Но мы можем начать. Почему бы и нет?

— Оба мы будем готовы применить этот рецепт, — пояснил Клапауциус, — но обязательно оба и должны это сделать, иначе все кончится весьма скверно.

— О, это легче легкого, — заявил Трурль.

Он вынул из-за пазухи золотую коробочку и открыл ее. Внутри на бархатной обивке лежали два белых шарика.

— Возьми один себе, а другой останется у меня, — сказал он. — Каждый вечер проверяй свой шарик: если он порозовеет, это будет означать, что я применил рецепт. Тогда и ты сделаешь то же самое.

— Ну, значит, договорились, — ответил Клапауциус и спрятал шарик.

Потом они высадились на планету, пожали друг другу руки и разошлись в противоположные стороны.

Государством, в которое попал Трурль, правил король Безобразик. Был это вояка прирожденный и наследственный, от дедов-прадедов, и притом скряга прямо-таки космический. Чтобы казне было полегче, отменил он все наказания, кроме высшей меры. Любимым его занятием была ликвидация лишних учреждений, а

с тех пор, как он отменил должность палача, каждый осужденный принужден был обезглавливать себя сам либо — по особой королевской милости — с помощью ближайших родственников. Из искусств поддерживал Безобразик лишь те, что не требовали особых затрат, а именно коллективную декламацию, игру в шахматы и военную гимнастику. Военное искусство он вообще ценил исключительно, поскольку выигранная война приносит большие доходы; однако, с другой стороны, к войне можно подготовиться как следует только в мирное время, а поэтому король и мир поддерживал, хотя умеренно.

Величайшей реформой Безобразика было огосударствление измены государству. Соседняя страна посылала к нему шпионов; а потому учредил Безобразик должность Коронного Продавца, или Продавателя, который при посредстве своих подчиненных за хорошую плату сообщал вражеским агентам государственные тайны; агенты эти охотней покупали устаревшие тайны, ибо они обходились подешевле, а перед своим казначейством тоже нужно было отчитываться.

Подданные Безобразика вставали рано, держались скромно и отправлялись спать поздно, потому что много работали. Делали они плетенки и фашины для окопов, а также оружие и доносы. Чтобы государство не распалось от излишка этих доносов, — а кризис подобного рода уже случился много веков назад, в царствование Многолимуса Стоокого, — тот, кто сочинял слишком много доносов, платил особый налог на роскошь. Таким образом количество доносов удерживалось на разумном уровне.

Прибыв ко двору Безобразика, Трурль предложил ему свои услуги, король же, как нетрудно догадаться, потребовал, чтобы он изготовил мощное военное оружие. Трурль попросил три дня на размышления, а оказавшись в отведенных ему скромных покоех, поглядел на шарик

в золотой коробочке. Был он белым, но, пока Трурль на него глядел, начал понемногу розоветь. «Ого,— сказал себе Трурль,— надо приниматься за Гарганциана!» И сразу же засел за секретные записи.

Клапауциус тем временем находился в другом государстве, которым правил могучий король Мегерик.

Тут все выглядело совершенно иначе, нежели в царстве Безобразика. И этот монарх жаждал ратных походов, и он тратился на вооружение, но делал это мудро, ибо был властелином безмерно щедрым, а его чувствительность к красоте не имела себе равных. Обожал этот король мундиры и золотые шнуры, лампасы и султаны, латы и эполеты. Он был и вправду очень впечатлительным — каждый раз, как спускал на воду новый броненосец, так прямо весь дрожал. Щедро швырял деньги на батальную живопись, а оценивал он картины — из патриотических побуждений — по количеству павших врагов, и поэтому на панорамах, которых в его королевстве было несметное множество, громоздились до самого неба горы вражеских трупов. В повседневной жизни соединял он абсолютизм с просвещенностью, а строгость с великодушием.

В каждую годовщину своего вступления на трон проводил король Мегерик реформы. То велит украсить цветами все гильотины, то — смазать их, чтобы не скрипели, а то — позолотить их ножи, а одновременно и наточить — из гуманных соображений. Натура у него была широкая, но расточительности он не одобрял, а потому особым декретом стандартизовал все тиски и дыбы, колья и кандалы. Казни неблагонадежных — не часто случавшиеся, впрочем, — совершались шумно и пышно, в строю и в порядке, с исповедью и отпущением грехов, среди марширующих каре в лампасах и помпонах.

Была также у этого мудрого монарха теория, которую

он воплощал в жизнь, а именно теория всеобщего счастья. Известно ведь: человек не потому смеется, что ему весело, а потому ему весело, что он смеется. Когда все говорят, что дела идут хорошо, настроение сразу подымается. Так что подданные Мегерика обязаны были, для собственного же блага, вслух повторять, что дела у них идут прямо-таки изумительно, а прежнюю туманную формулировку приветствия «Добрый день!» король заменил более полезной — «Какхорошо!», причем детям до четырнадцати лет разрешалось говорить «Хо-хо!», старцам же — «Хорошокак!». Мегерик радовался, наблюдая, как крепнет дух народа, когда, проезжая по улицам в карете, имеющей форму броненосца, видел восторженные толпы и приветствовал их мановением монаршей руки, а люди наперебой кричали: «Хо-хо!», «Хорошокак!» и «Чудесно!».

Был он, собственно говоря, демократичен по натуре. Безмерно любил затевать короткие удалые беседы со старыми служаками, что огонь и воду прошли, жаждал боевых историй, которые рассказывают воины на привалах, а иной раз, давая аудиенцию какому-нибудь иностранному сановнику, ни с того ни с сего трахал себя скипетром по колену и кричал: «Наша взяла!», или «Заклепайте-ка мне этот броненосец!», или же: «А побей меня пуля!». Ибо ничем он так не восхищался, как бодростью и силой, мужеством привычным, ничего так не любил, как пироги на водке с порохом, сухари и зарядные ящики, а также картечь. Поэтому, когда грусть его одолевала, приказывал Мегерик, чтобы перед ним маршировали войска и чтобы пели солдаты песни «Армия наша нарезная», «В металлолом мы жизнь свою сдаем», «Зазвенела гайка, битвы ожидай-ка» или старую знаменитую «Эх, я смажусь, подбодрюсь, рысью на штыки помчусь!». И велел он, чтобы, когда умрет, старая гвардия пропела над гробом его любимую песню «Старый робот заржавеет».

Клапауциус не сразу попал ко двору великого монарха. В первом же селении, какое встретилось на пути, он стучался в разные дома, но нигде ему не отворяли. Наконец увидел конструктор на совершенно пустой улице малыша, который подошел к нему и спросил тоненьким голоском:

— Купите? Дешево продам.

— Может, и куплю, но что? — спросил удивленный Клапауциус.

— Секретик гошударштвенный, — ответил, шепелявя, ребенок и из-под полы рубашки высунул краешек плана мобилизации.

Клапауциус удивился еще больше и сказал:

— Нет, детка, мне это не нужно. Ты не знаешь, где тут живет староста?

— А зачем вам штарошта? — спросил малыш.

— А мне надо с ним поговорить.

— Ш глажу на глаж?

— Можно и с глазу на глаз.

— Так вам нужен агент? Тогда мой папа вам подойдет. Надежно и недорого.

— Ну, покажи мне этого самого папу, — сказал Клапауциус, видя, что иначе не выпутаться из разговора.

Ребеночек привел его в один из домов: там горела лампа, хотя на дворе был ясный день, и сидело семейство — седой дедушка расположился в кресле-качалке, бабушка вязала чулок на спицах, а взрослое и весьма рослое их потомство тоже занималось всякими домашними делами. Увидев Клапауциуса, все вскочили и бросились на него; спицы оказались кандалами, лампа — микрофоном, а бабушка — начальником местной полиции.

«Видимо, произошло недоразумение», — подумал Клапауциус, когда его бросили в подвал, предварительно поколотив. Он терпеливо ждал всю ночь — ведь все рав-

но ничего нельзя было поделывать. Рассвет посеребрил паутину на каменных стенах и проржавевшие останки прежних узников; через некоторое время вызвали конструктора на допрос.

Оказалось, что и селение, и дома, и ребенок были подставными: таким способом одурачивали вражьи агентов. Долгий судебный процесс Клапауциусу не грозил, процедура была короткой. За попытку контакта с папой-продавателем полагалось гильотинирование третьего разряда, поскольку местная администрация в этом бюджетном году уже израсходовала средства на перевербовку шпионов, Клапауциус же, со своей стороны, никакой государственной тайны, несмотря на все уговоры, приобретать не хотел; отягчающим обстоятельством послужило и то, что при нем не оказалось мало-мальски серьезной суммы наличными. Клапауциус все твердил свое, но офицер-следователь ему не верил; впрочем, если бы он и поверил, освобождение узника выходило за пределы его компетенции.

Дело, однако, передали в высшие инстанции, а тем временем Клапауциуса подвергали пыткам, больше из служебного рвения, чем по необходимости. Через неделю дела приняли благоприятный оборот: конструктора привели в порядок, почистили и переправили в столицу. Там, получив инструкции о правилах придворного этикета, он был удостоен личной аудиенции у короля. Ему дали даже трубу, ибо каждый гражданин знаменовал свое прибытие в официальные учреждения, а также отбытие трубными звуками, а всеобщее служебное рвение было таково, что восход солнца ни во что не ставился без побудки.

Мегерик, разумеется, потребовал у него нового оружия; Клапауциус пообещал исполнить это монаршее желание; идея его, заверил он, совершит переворот в военном деле.

— Какая армия, — спросил он прежде всего, — непобедима? Такая, у которой самые хорошие командиры и самые дисциплинированные солдаты. Командир приказывает, солдат слушает; значит, один должен быть умным, а другой послушным. Однако для силы ума, даже и военного, существуют естественные границы. Даже самый гениальный полководец может столкнуться с равным себе. Может он также пасть на поле боя, и его солдаты осиротеют; может и нечто худшее учинить, ежели, к примеру, профессионально натренировавшись в мышлении, предметом своих размышлений власть изберет. Разве не опасна орава заржавевших в боях штабистов, у которых от размышлений боевых виски плавятся, так что им даже и трона может захотеться? Разве не пострадали от этого уже многие королевства? Как видно из этого, командиры являются лишь необходимым злом; и за тем дело стало, чтобы необходимость эту уничтожить. Далее: дисциплинированность армии в том состоит, чтобы она точно выполняла приказы. С точки зрения устава, идеальной является такая армия, которая из тысяч тел, мыслей, воль создает единое тело, мысль, волю. На это направлена вся военная дисциплина, муштра, маневры, упражнения. Итак, недостижимой целью кажется такая армия, которая действовала бы буквально как один человек, сама творя и реализуя стратегические планы. Кто же может быть воплощением такого идеала? Только индивидуум, ибо никого не слушаешь так охотно, как себя, и никто не выполняет приказов так старательно, как тот, кто их сам себе отдает. К тому же индивидуум не может разбежаться в разные стороны, отказаться самому себе в повиновении или открыто роптать на себя. Итак, суть в том, чтобы эту готовность к послушанию, это себялюбие, которые свойственны индивидууму, сделать свойствами многотысячной армии. Как же этого добиться?

Тут Клапауциус начал излагать заслушавшемуся королю простые, как все гениальное, идеи Гарганциана.

— Каждому рекруту, — сказал он, — следует приделывать спереди штепсель, а сзади розетку. По приказу «Соединяйтесь!» штепсели втыкаются в розетки, и там, где только что была толпа штатских, возникает подразделение идеальной армии. Когда разрозненные интеллекты, до тех пор занятые внеказарменными мелочами, буквально сливаются в единую воинскую душу, автоматически возникает не только дисциплина, проявляющаяся в том, что вся армия действует воедино, ибо является единой душой во множестве тел, но тут же образуется и ум. А ум этот прямо пропорционален численности армии. Взвод обладает умом унтер-офицера, рота умна, как штабс-капитан, батальон — как полковник, а дивизия, даже из резерва, стоит всех стратегов мира, вместе взятых. Таким образом можно сформировать прямо-таки потрясающе гениальную армию. Приказов не выполнять она не может — ведь кто же не послушает самого себя? Это в корне уничтожает всяческие прихоти и выходки индивидуумов, зависимость от случайных способностей командиров, их взаимную зависть, соперничество, распри; однажды соединенные части разъединять уже не следует, ибо это не дало бы ничего, кроме беспорядка. «Армия без полководцев — сама себе полководец» — вот мой идеал! — закончил Клапауциус свою речь, которая произвела на короля очень сильное впечатление.

— Ступай, сударь, к себе на квартиру, — промолвил монарх, — а я посоветуюсь с моим генеральным штабом...

— О, не делайте этого, Ваше Королевское Величество, — хитроумно воскликнул Клапауциус, изображая великое смятение. — Именно так поступил император Турбулеон, а штаб его, цепляясь за свои должности и чины, отверг проект, и тотчас же сосед Турбулеона, ко-

роль Эмалиус, повел реформированную армию на его государство, которое и превратил в пепелище, хотя армия Эмалиуса была в восемь раз меньше!

Сказав это, Клапауциус отправился в свои покои и, поглядев там на шарик, увидел, что он красен, как свекла, из чего было понятно, что Трурль подобным же образом действует у короля Безобразика.

Вскоре король приказал Клапауциусу переделать один пехотный взвод. Маленькое это подразделение соединилось духом, крикнуло: «Бей, рубай!» — и, ринувшись с холма на три эскадрона до зубов вооруженных королевских кирасиров под руководством шести преподавателей Академии Генерального Штаба, разнесло их в пух и прах. Сильно опечалились все маршалы, генералы и адмиралы, ибо король немедленно их уволил в отставку и, полностью уверовав в коварное изобретение, велел Клапауциусу переделать всю армию.

И начали фабрики оружейные днем и ночью выдавать вагоны штепселей и розеток, которые привинчивали, куда следует, во всех казармах. Клапауциус ездил на инспекцию из гарнизона в гарнизон и получал от короля массу орденов. Трурль, о том же хлопочущий в государстве Безобразика, ввиду прославленной экономности этого монарха вынужден был довольствоваться пожизненным титулом Великого Продавца Родины. Итак, оба государства готовились к военным действиям. В мобилизационной лихорадке приводили в порядок как обычное оружие, так и ядерное, начищая с рассвета до сумерек аэропланы и атомы, чтобы они сверкали согласно уставу. Оба конструктора, которым уже, собственно, нечего было делать, начали украдкой упаковывать вещи, чтобы встретиться, когда придет пора, в условном месте, у ракеты, оставленной в лесу.

Тем временем всякие чудеса творились в казармах,

особенно пехотных. Солдат незачем было муштровать и незачем было делать перекличку, чтобы установить количество присутствующих, — ведь никто не спутает свою правую ногу с левой и не начнет считать, чтобы удостовериться, что его — раз. Радостно было смотреть, как новые части маршировали, как проделывали «Налево кругом!» и «Смирно!». Однако же после упражнений роты начинали переговариваться и через открытые окна казарменных барачных наперебой перекрикивались о понятии когерентной истины, о суждениях аналитических и синтетических а priori либо о бытии как таковом, поскольку да этого уже дошел коллективный разум. Домыслились потом и до философских концепций, так что один саперный батальон дошел до абсолютного солипсизма и заявил, что, кроме него, ничто реально не существует. Поскольку из этого следовало, что не существует ни монарх, ни противник, батальон этот пришлось потихоньку рассоединить и рассредоточить по частям, стоящим на позициях эпистемологического реализма. Примерно в это же время в государстве Безобразика шестая десантная дивизия перешла от упражнений по приземлению к мистическим упражнениям и, утопая в созерцании, чуть не утонула в ручье; неизвестно в точности, как это все произошло, но достаточно сказать, что именно тогда и была объявлена война, и армии, громяхая железом, начали с обеих сторон медленно придвигаться к границе.

Закон Гарганциана действовал с неумолимой точностью. Когда одно подразделение соединялось с другим, пропорционально возрастало и эстетическое чутье, достигая максимума на уровне дивизии; стройные ряды такой дивизии способны были броситься по бездорожью в погоню за пестрой бабочкой, а когда моторизованный корпус имени Многолимуса подступил к вражьей крепости, которую надлежало взять штурмом, то план наступления,

начертанный за ночь, оказался превосходной зарисовкой этой крепости, выполненной вдобавок в абстракционистском духе, совершенно противоречащем армейским традициям. На уровне артиллерийских корпусов проявлялось главным образом тяготение к самым сложным философским проблемам; вместе с тем по рассеянности, свойственной гениям, эти большие соединения то оставляли где попало оружие и тяжелое снаряжение, то вообще забывали, что идут на войну. Что же касается целых армий, то их души были переполнены различными комплексами, как обычно бывает у особенно сложных и богатых натур, и пришлось каждой армии придать специальную моторизованную психоаналитическую бригаду, которая на марше проводила соответствующие процедуры.

Тем временем при немолчном громе литавр обе армии занимали исходные позиции. Шесть ударных полков пехоты, соединившись с гаубичной бригадой и запасным батальоном, когда к ним подключили карательный взвод, сложили «Сонет о тайне бытия» — и это во время ночного перехода на позиции. По обе стороны творилась какая-то сумятица; восьмидесятый марлабардский корпус кричал, что непременно надо уточнить дефиницию понятия «неприятель», которая пока что кажется полной логических противоречий, а может, даже и вообще бессмысленной.

Парашютные части старались алгоритмизировать окрестные деревни, ряды перемешивались, и оба короля начали слать флигель-адъютантов и курьеров, чтобы те порядок в строю навели. Каждый, однако, как только подскочет, повернет коня и подключится к соответствующему корпусу, чтобы узнать, почему такой кавардак творится, так немедленно отдает свой дух корпусному духу. Вот и остались короли без адъютантов. Коллективное сознание оказалось страшной ловушкой, в которую легко войти, а выйти из нее невозможно. На глазах самого

Безобразика его кузен, великий князь Дербульон, желая поддаться духу воинам, помчался к войскам, но лишь только подключился, так сразу духом влился, слился, и нет его, как не бывало.

Видя, что дела плохи, хотя неизвестно почему, кивнул Мегерик двенадцати дворцовым трубачам. Кивнул и Безобразик, на возвышении командном стоя. Приложили трубачи медь к губам, и заиграли трубы с обеих сторон, подавая сигнал к бою. В ответ на этот протяжный зов каждая армия начала решительно соединяться целиком. Грозный железный лязг смыкающихся контактов раздался на будущем поле боя, и вместо тысяч артиллеристов и танкистов, летчиков и минометчиков возникли две гигантские души, которые миллионами глаз посмотрели друг на друга через широкую равнину, стелющуюся под белыми облаками, и настала минута полной тишины. Ибо с обеих сторон наступила та блистательная кульминация сознания, которую великий Гарганциан предвидел с математической точностью. А именно, перейдя определенную границу, воинский дух как местное состояние преобразуется в штатский; происходит это потому, что Космос как таковой является абсолютно штатским, а души обеих армий именно и достигли уже космических размеров! И хотя снаружи сверкала сталь, броня, смертоносные жерла и острия, внутри разливался океан снисходительного спокойствия и всеобъемлющей доброжелательности. Стоя так на холмах под не смолкшую еще барабанную дробь, обе армии улыбнулись друг другу.

Трурль и Клапауциус как раз всходили на палубу своего корабля, когда свершилось то, к чему они стремились: на глазах королей, почерневших от стыда и ярости, обе армии откашлялись, взяли под руки и пошли на прогулку, собирая цветы под проплывающими облаками на поле несвершившейся битвы.

Путешествие первое А, или Электрибальд Трурля

Желая избежать каких бы то ни было претензий и кривотолков, должны мы объяснить, что это было, по крайней мере в буквальном смысле слова, путешествие в никуда. Ибо Трурль за все это время не выбрался из дому, если не считать дней, проведенных в больнице, да мало-существенной поездки на планетоид. Если же вникнуть в глубь и высший смысл вещей, то это путешествие было самым дальним из всех, которые когда-либо предпринимал замечательный конструктор, поскольку простиралось оно до самых границ возможного.

Случилось как-то Трурлю построить машину для счета, которая оказалась способной к одному-единственному действию, а именно умножала два на два, да и то при этом ошибалась. Как было поведено в другом месте, машина эта отличалась при всем при том крайней самоуверенностью, и ссора ее с собственным создателем едва не закончилась для последнего трагически. С тех пор Клапауциус отравлял Трурлю жизнь, и так, и эдак его подзуживая,— в результате тот не на шутку разозлился и решил построить машину, которая сочиняла бы стихи. Накопил Трурль для такой цели восемьсот двадцать тысяч тонн кибернетической литературы плюс двенадцать тысяч тонн поэзии и принялся их изучать. Опостылет ему кибернетика — перекинется на лирику, и наоборот. Спустя какое-то время понял он, что построить машину — это еще пустяк по сравнению с ее программированием. Программу, которая уже имеется в голове обычного поэта, создала цивилизация, его породившая; эту цивилизацию сотворила предыдущая, ту — еще более ранняя и так до самых истоков Вселенной, когда информация о грядущем поэте еще хаотично кружилась в ядре изначальной ту-

манности. Значит, чтобы запрограммировать машину, следовало повторить если не весь Космос с самого начала, то по крайней мере солидную его часть. Будь на месте Трурля кто-нибудь другой, такая задачка заставила бы его отказаться от всей затеи, но хитроумный конструктор и не подумывал о ретиреде. Взял и сконструировал машину, моделирующую хаос, где электрический дух витал над электрическими водами, потом прибавил параметр света, потом пратуманность и так постепенно приблизился к первому ледниковому периоду, что было возможно лишь постольку, поскольку машина в течение пятимиллиардной доли секунды моделировала сто септиллионов событий, происходивших в четырехстах октиллионах мест одновременно, — а тот, кто думает, будто где-то здесь Трурлем допущена ошибка, пусть сам попытается проверить расчет. Затем промоделировал Трурль истоки цивилизации, высекание искр из кремня и выделяние шкур, ящеров и потопы, четвероноготь и хвостатость, потом, наконец, праочкарика, который родил очкарика, от которого пошла машина, и так летели зоны и тысячелетия в шуме электрических разрядов и токов; а когда моделирующая машина становилась тесной для следующей эпохи, Трурль мастерил к ней приставку, пока из этих пристроек не образовалось нечто вроде городка из перепутанных проводов и ламп, в мешанине которых сам черт сломал бы себе ногу. Трурль, однако, как-то выходил из положения, и только два раза пришлось ему переделывать работу заново: первый раз, к сожалению, с самого начала, так как получилось у него, будто Авель убил Каина, а не Каин Авеля (перегорел предохранитель в одном из контуров), в другом же случае возвратиться следовало всего на триста миллионов лет назад, в среднюю мезозойскую эру, так как вместо прарыбы, которая родила праящера, который родил прамлекопитающего, кото-

рый родил обезьяну, которая родила праочкарика, получилось нечто настолько странное, что вместо очкарика вышел у него фонарик. Кажется, муха залетела в машину и испортила суперскопический переключатель причинности. Не считая этого, все шло как по маслу, просто на удивление. Смоделированы были средневековые, и древность, и эпоха великих революций, так что машину порой бросало в дрожь, а лампы, моделирующие наиболее важные успехи цивилизации, приходилось поливать водой и обкладывать мокрыми тряпками, чтобы прогресс, моделируемый в таком бешеном темпе, не разнес их вдребезги. Под конец двадцатого века машина вдруг начала вибрировать наискось, а потом затряслась вдоль — и все неизвестно почему. Трурль весьма этим огорчился и даже приготовил немного цемента и скрепы на тот случай, если вдруг она станет разваливаться. К счастью, обошлось без этих крайних мер; перевалив за двадцатый век, машина помчалась дальше без задоринки. Тут пошли наконец, каждая по пятьдесят тысяч лет, цивилизации абсолютно разумных существ, которые породили и самого Трурля, и катушки смоделированного исторического процесса так и летели в приемник одна за другой, и было этих катушек столько, что если забраться на верхотуру и посмотреть в бинокль — просто конца не было этим отвалам; а ведь все только для того, чтобы построить какого-то там виршеплета, пусть даже и самого распрекрасного! Таковы уж последствия научного азарта. Наконец программы были готовы; оставалось выбрать из них самое существенное, ибо в противном случае обучение электропоэта затянулось бы на много миллионов лет.

Две недели подряд вводил Трурль в своего будущего электропоэта общие программы; потом наступила настройка логических, эмоциональных и семантических контуров. Уже было собрался он пригласить Клапауциу-

са на пробное испытание, но раздумал и сначала пустил машину в одиночку. Та немедленно прочла доклад о полировке кристаллографических шлифов для вводного курса малых магнитных аномалий. Пришлось ослабить логические контуры и усилить эмоциональные; прежде всего машину одолел приступ икоты, затем припадок истерии, наконец она с большим трудом пробормотала, что жизнь ужасна. Он усилил семантику и смастерил приставку воли; тогда она заявила, что отныне он должен ей подчиняться, и приказала достроить ей еще шесть этажей к девяти имеющимся, чтобы она могла на досуге поразмыслить о сущности бытия. Вставил он ей философский глушитель; после этого она вообще перестала откликаться и только ударила током. Умолял он ее, умолял и смог уговорить лишь спеть короткую песенку «Жили-были дед да баба, ели кашу с молоком», на чем ее вокальные упражнения кончились. Тогда начал он ее прикручивать, глушить, усиливать, ослаблять, регулировать, пока не решил, что все в лучшем виде. Тут и угостила она его такими стихами, что возблагодарил он великое небо за прозорливость: то-то бы потешился Клапауциус, слышав эти занудливые вирши, ради которых пришлось моделировать все возникновение Космоса и всех возможных цивилизаций! Вставил он ей шесть противографоманских фильтров, но они вспыхивали, как спички; пришлось изготовить их из корундовой стали. Тут понемногу стало у него налаживаться; он дал машине полную семантическую развертку, подключил генератор рифм, и чуть было все опять не полетело в тартарары, так как машина пожелала быть миссионером у нищих звездных племен. Однако в тот последний момент, когда он уже готов был наброситься на нее с молотком в руках, пришла ему в голову спасительная мысль. Он выбросил все логические контуры и вставил на их место ксебейные эгоцентризаторы.

ры со сцеплением типа «Нарцисс». Машина закачалась, засмеялась, заплакала и сказала, что у нее побаливает где-то на уровне третьего этажа, что ей все уже до лампочки, что жизнь удивительна, а все кругом негодяи, что она наверное скоро умрет, и желает только одного — чтобы о ней помнили и тогда, когда ее не станет. Затем велела подать ей бумагу. Трурль облегченно вздохнул, выключил ее и отправился спать. Утром он зашел за Клапауциусом. Услышав, что его зовут на запуск Электрибальда, как решил Трурль назвать свою машину, Клапауциус бросил все свои дела и пошел в чем был, так не терпелось ему поскорее стать свидетелем поражения друга.

Трурль прежде всего включил нагревательные контуры, потом дал малый ток, еще несколько раз взбежал наверх по греющим железным ступенькам — Электрибальд похож был на огромный судовый двигатель, весь в стальных мостках, покрытый клепаной жестью, со множеством циферблатов и клапанов, — и вот, наконец, запыхавшийся, следя, чтобы не падало напряжение, он заявил, что для разминки начнет с маленькой импровизации. А потом уж, конечно, Клапауциус сможет предложить машине любую тему для стихов, какую захочет.

Когда амплификационные указатели дали знать, что лирическая мощность достигла максимума, Трурль, рука которого чуть заметно дрожала, включил большой рубильник, и почти сразу машина произнесла голосом слегка хриплым, но изобилующим чарующими и убедительными интонациями:

— Общековичарохристофорная хрящетворобка.

— И это все? — выждав некоторое время, удивительно вежливо спросил Клапауциус. Трурль стиснул зубы, дал машине несколько ударов током и снова включил. На этот раз голос оказался значительно чище; им можно

было просто наслаждаться, этим торжественным, не лишённым обольстительных переливов баритоном:

Лопотуй голомозый, да бундет грывчато
В кочь турмельной бычахе, что коздрой уснит,
Окошел бы назакрочь, высвирия глазята,
А порсаки корсливые вычат намрыд!

— По-каковски это? — осведомился Клапауциус, с великолепной невозмутимостью наблюдая за той паникой, с которой Трурль метался у щита управления; затем, махнув в отчаянии рукой, тот помчался, топая по ступеням, на самый верх стальной громадины. Видно было, как он на четвереньках вползает сквозь открытые клапаны в нутро машины, как стучит там молотком, яростно ругаясь, как что-то закручивает, бренча разводными ключами, как снова выползает и вприпрыжку бежит на другой помост; наконец он издал торжествующий вопль, выбросил перегоревшую лампу, которая с грохотом разбилась о пол в двух шагах от Клапауциуса; даже не подумав извиниться за такую небрежность, поспешно вставил на ее место новую, вытер грязные руки мягкой ветошью и закричал сверху, чтобы Клапауциус включил машину. Раздались слова:

Три, самолуж выверстный, вертяшку сум воздлинем,
Секливой апелайде и боровайка кнется,
Гренит малополезный тем презлавским тринем,
И отмурчится бамба, и голою вернется.

— Уже лучше! — воскликнул, правда не совсем уверенно, Трурль. — Последние слова имели смысл, заметил?

— Ну, если это все... — промолвил Клапауциус, который был сейчас олицетворением изысканнейшей вежливости.

— Черт бы его побрал! — завопил Трурль и снова исчез во внутренностях машины: оттуда доносился лязг,

грохот, раздавались треск разрядов и проклятия конструктора. Наконец он высунул голову из небольшого отверстия на третьем этаже и крикнул:

— Нажми-ка теперь!

Клапауциус выполнил просьбу. Электрибальд задрожал от фундамента до верхушки и начал:

Грызновурога жуждя, голенистый лолень
Самошпака мимайку...

Голос оборвался,—Трурль в бешенстве рванул какой-то кабель, что-то затрещало, и машина смолкла. Клапауциус так хохотал, что в изнеможении опустил на подоконник. Трурль кидался туда и сюда, вдруг что-то треснуло, звякнуло и машина весьма деловито и спокойно произнесла:

Зависть, чванство, эгоизм, по словам Конфуция,
До добра не доведут — знает это и болван.
Словно краба грузовик, так и Клапауция
Мощью замыслов раздавит духа великан!

— Вот! Пожалуйста! Эпиграмма! И прямо не в бровь, а в глаз! — выкрикивал Трурль, описывая круги, все ниже и ниже, ибо он сбегал вниз по узкой спиральной лестничке, пока почти не влетел в объятия коллеги, который перестал смеяться и несколько оторопел.

— А, дешевка, — сказал тут Клапауциус. — Кроме того, это не он, а ты сам!

— Как это я?

— Ты это сочинил заранее. Догадываюсь по примитивности, бессильной злости и банальным рифмам.

— Ах вот как? Ты предложи что-нибудь другое! Что захочешь! Ну, что же ты молчишь? Боишься, а?

— Не боюсь, а просто задумался, — сказал задетый за живое Клапауциус, стараясь найти самое трудное из

возможных заданий, поскольку не без основания полагал, что спор о качестве стихотворения, сложенного машиной, трудно будет разрешить.

— Пусть сочинит стихотворение о кибэротике! — сказал он наконец, радостно усмехаясь. — Пусть там будет не больше шести строк, а в них о любви и измене, о музыке, о неграх, о высшем обществе, о несчастье, о кровосмесительстве — в рифму и чтобы все слова были только на букву К!

— А полного изложения общей теории бесконечных автоматов ты случайно не предложишь? — заорал оскорбленный до глубины души Трурль. — Нельзя же ставить таких кретинских усло...

И не договорил, потому что сладкий баритон, заполнив собой весь зал, в этот момент отозвался:

Кот, каверзник коварный, кибэротоман,
К королеве каффров крадется Киприан.
Как клавишина клавишей, корсажа касается.
Красотка к кавалеру, конфузясь, кидается...
... Казнится краля, киснет: канул Купидон,
К кузине королевы крадется киберон!

— Ну, и что ты скажешь? — подбоченился Трурль, а Клапауцус, уже не раздумывая, кричал:

— А теперь на Г! Четверостишие о существе, которое было машиной, одновременно мыслящей и безмозглой, грубой и жестокой, имевшей шестнадцать наложниц, крылья, четыре размалеванных сундука, в каждом из которых по тысяче золотых талеров с профилем короля Мурдеброда, два дворца, проводившей жизнь в убийствах, а также...

— Грозный Генька-генератор грубо грыз горох горстями... — начала была машина, но Трурль подскочил к

щиту управления, нажал на рубильник и, заслонив его собственным телом, промолвил сдавленным голосом:

— Все! Не будет больше подобной чепухи! Я не допущу, чтобы погубили великий талант! Или ты будешь честно заказывать стихи, или на этом все кончено!

— А что же — те стихи были заказаны нечестно?.. — начал Клапауциус.

— Нет! Это были головоломки, ребусы какие-то! Я создавал машину не для идиотских кроссвордов! Ремесло это, а не Великое Искусство! Давай любую тему, самую трудную...

Клапауциус думал, думал, аж сморщился весь, и сказал:

— Ладно. Пусть будет о любви и смерти, но все должно быть выражено на языке высшей математики, а особенно тензорной алгебры. Не исключается также высшая топология и анализ. Кроме того, в стихах должна присутствовать эротическая сила, даже дерзость, но все в пределах кибернетики.

— Ты спятил. Математика любви? Нет, ты не в своем уме... — возразил было Трурль. Но тут же умолк враз с Клапауциусом, ибо Электрибальд уже скандировал:

В экстремум кибернетик попадал
От робости, когда кибериады
Немодулярных групп искал он интеграл.
Прочь, единичных векторов засады!

Так есть любовь иль это лишь игра?
Где, антиобраз, ты? Возникни, слово молви-ка!
Уж нам проредуцировать пора
Любовницу в объятия любовника.

Полуметричной дрожи сильный ток
Обратной связью тут же обернется,

Такой каскадной, что в недолгий срок
Короткой яркой вспышкой цепь замкнется!

Ты, трансфинальный класс! Ты, единица силы!
Континуум ушедших прасистем!
За производную любви, что мне дарила
Она, отдам я Стокса насовсем!

Откроются, как Теоремы Тела,
Твоих пространств ветвистые глубины,
И градиенты кипарисов смело
Помножены на стаи голубиные.

Седины? Чушы! Мы не в пространстве Вейля
И топологию пройдем за лаской следом мы,
Таких крутизн расчетам робко внемля,
Что были Лобачевскому неведомы

О комитанта чувств, тебя лишь знает
Тот, кто узнал твой роковой заряд:
Параметры фатально нависают,
Наносекунды гибелью грозят.

Лишен голономической системой
Нуля координатных асимптот,
Последних ласк, — в проекции последней
Наш кибернетик гибнет от забот.

На этом и закончилось поэтическое турне; Клапауци-
ус тут же ушел домой, обещав, что вот-вот вернется с
новыми темами, но больше не показывался, опасаясь дать
Трурлю еще один повод для триумфа; что же касается
Трурля, то он утверждал, будто Клапауциус удрал, не
будучи в силах скрыть непрошеную слезу. На это Кла-

пауциус возразил, что Трурль с той поры, как построил Электрибальда, видимо, свихнулся окончательно.

Прошло немного времени, и слух об электрическом барде достиг ушей настоящих, я хочу сказать обыкновенных, поэтов. Возмущенные до глубины души, они решили не замечать машины, однако нашлось среди них несколько любопытных, отважившихся тайком посетить Электрибальда. Он принял их учтиво, в зале, заваленном исписанной бумагой, так как сочинял днем и ночью без роздыху. Поэты были авангардистами, а Электрибальд творил в классическом стиле, ибо Трурль, не очень-то разбиравшийся в поэзии, основывал «вдохновляющие» программы на произведениях классиков. Посетители высмеяли Электрибальда, да так, что у него от злости чуть не полопались катодные трубки, и ушли, торжествуя. Машина, однако, умела самопрограммироваться, и был у нее специальный контур усиления самоуверенности с предохранителем в шесть килоампер, и в самый короткий срок все изменилось самым решительным образом. Ее стихи стали туманными, многозначительными, турпистическими, магическими и приводили в совершеннейшее отупение. И когда прибыла новая партия поэтов, чтобы поиздеваться и покуражиться над машиной, она ответила им такой модернистской импровизацией, что у них в зобу дыхание сперло; от второго же стихотворения серьезно занемог некий бард старшего поколения, удостоенный двух государственных премий и бюста, выставленного в городском парке. С тех пор ни один поэт уже не в силах был сопротивляться пагубному желанию вызывать Электрибальда на лирическое состязание — и тащились они отовсюду, волоча мешки и сумки, набитые рукописями. Электрибальд давал гостю почитать вслух, на ходу схватывая алгоритм его поэзии, и, основываясь на нем, отвечал стихами, выдержанными в том же духе,

но во много раз лучшими — от двухсот двадцати до триста сорока семи раз.

Спустя некоторое время он так приноровился, что одним-двумя сонетами сваливал с ног заслуженного барда. А что хуже всего — оказалось, что из соревнования с ним с честью могут выйти лишь графоманы, которые, как известно, не отличают хороших стихов от плохих; потому-то они и уходили безнаказанно, кроме одного, сломавшего ногу, споткнувшись у выхода о широкое эпическое полотно Электрибальда, весьма новаторское и начинавшееся со строк:

Тьма. Во тьме закружились пустоты.

Осязаем, но призрачен след.

Ветер дунул — и взора как нет.

Слышен шаг наступающей роты.

В то же самое время настоящим поэтам Электрибальд наносил значительный урон, хотя и косвенно — ведь зла им он не причинял. Несмотря на это, один почтенный уже лирик, а вслед за ним два модерниста совершили самоубийство, прыгнув с высокой скалы, которая по роковому стечению обстоятельств как раз попала им на пути от резиденции Трурля к станции железной дороги.

Поэты организовали несколько митингов протеста и потребовали опечатать машину, но никто, кроме них, не обращал внимания на феномен. Редакции газет были даже довольны, поскольку Электрибальд, писавший под несколькими тысячами псевдонимов сразу, представлял готовую поэму заданных размеров на любой случай, и эта поэзия, хоть и на заказ, была такого качества, что читатели раскупали газеты нарасхват, а на улицах так и пестрело от лиц, полных неземного блаженства, мель-

кали бессознательные улыбки и слышались тихие всхлипывания. Стихи Электрибальда знали все; воздух сотрясали хитроумнейшие рифмы, а наиболее впечатлительные натуры, потрясенные специально сконструированными метафорами или ассонансами, даже падали в обморок; но и к этому был подготовлен титан вдохновения: он сразу же вырабатывал соответствующее количество отрезвляющих сонетов.

Сам же Трурль хлебнул горя из-за своего изобретения. Классики, по преимуществу люди весьма пожилого возраста, много вреда ему не причинили, если не считать камней, регулярно выбивавших окна, или веществ (не будем называть их), которыми обмазывались стены его дома. Куда хуже было с молодежью. Один поэт самого молодого поколения, стихи которого отличались большой лирической силой, а мускулы — физической, жестоко избил его. Пока Трурль отлеживался в больнице, события развивались дальше; не было ни дня без нового самоубийства, без похорон; перед больничным подъездом дежурили пикеты и слышалась стрельба, так как вместо рукописей поэты все чаще прятали в своих сумках самострелы, разряжая их в Электрибальда, стальной натуры которого пули, однако, не приносили вреда. Вернувшись домой, отчаявшийся и обессиленный конструктор однажды ночью решил разобрать на части собственными руками сотворенного гения.

Но когда он, слегка прихрамывая, приблизился к машине, та, увидев разводные ключи в его сжатой руке и отчаянный блеск в глазах, разразилась такой страстной лирической мольбой о милосердии, что растроганный до слез Трурль отбросил инструменты и пошел к себе, утопая по колена в новых произведениях электродуха, которые вскоре поднялись ему по пояс, наводняя зал шелестящим бумажным океаном.

Однако через месяц, когда Трурль получил счет за электричество, потребленное машиной, у него потемнело в глазах. Он был бы рад выслушать советы старого приятеля Клапауциуса, но тот исчез, как будто земля под ним разверзлась. Вынужденный действовать на собственный страх и риск, Трурль в одну прекрасную ночь обрезал питавший машину провод, погрузил ее на космический корабль, вывез на один из небольших планетоидов и там снова смонтировал, присоединив к ней как источник творческой энергии атомный котел.

Затем он потихоньку вернулся домой, но на этом история не кончилась, так как Электрибальд, не имея возможности распространять свои произведения в печатном виде, стал передавать их на всех радиоволнах, чем приводил экипажи и пассажиров космических ракет в лирический столбняк, причем особо тонкие натуры подвергались также тяжелым приступам восторга с последующим оупением. Установив, в чем дело, руководство космофлота официально обратилось к Трурлю с требованием немедленно ликвидировать принадлежащую ему установку, нарушающую лирикой общественный порядок и угрожающую здоровью пассажиров.

Вот тогда Трурль начал скрываться. Пришлось послать на планетоид монтеров, чтобы они запломбировали Электрибальду лирические выходы, но он оглушил их балладами, и они не смогли выполнить поставленной перед ними задачи. Послали глухих, но Электрибальд передал им лирическую информацию на языке жестов. Стали поговаривать вслух о необходимости карательной экспедиции или бомбежки. Но тут, наконец, машину приобрел один владыка из соседней звездной системы и вместе с планетоидом перетащил в свое королевство.

Теперь Трурль мог снова появиться и спокойно вздохнуть. Правда, на южном небосклоне то и дело вспыхи-

вают новые сверхзвезды, которых не помнят старожилы, и ходят упорные слухи, что тут не обошлось без поэзии. Рассказывают, будто по странному капризу упомянутый владыка приказал своим астроинженерам подключить Электрибальда к созвездию белых великанов, и каждая строчка стихов стала тут же претворяться в гигантские протуберанцы солнц; таким образом величайший поэт Космоса огненными вспышками передает свои творения всем бесконечным безднам галактик сразу. Другими словами, великий владыка превратил его в лирический двигатель группы переменных звезд. Если даже и есть в этом хоть доля правды, все это происходит слишком далеко, чтобы смутить праведный сон Трурля, который поклялся самой страшной клятвой никогда в жизни больше не браться за кибернетическое моделирование творческих процессов.

Путешествие второе, или Какую услугу оказали Трурль и Клапауциус царю Жестокому

Успех, которого друзья достигли, последовав рецепту Гарганциана, возбудил у обоих сильную жажду приключений, и они решили вновь отправиться в безвестные края. Когда ж пришлось им устанавливать цель путешествия, обнаружилось, что согласия нет и в помине — ведь у каждого была своя идея. Трурль, бредивший жаркими странами, мечтал об Огонии, царстве Пламенных, Клапауциус же — персона более прохладных склонностей — избрал галактический полюс холода, черный континент в окружении пяти ледяных звезд. Друзья хотели было расстаться, поссорясь навеки, но тут у Трурля возникла идея, не имевшая, по его мнению, изъяна.

— Мы ведь можем, — сказал он, — дать объявление и из всех предложений, которые поступят, выбрать одно, самое обещающее со всех точек зрения.

— Вздор! — ответил Клапауциус. — Куда ты хочешь дать объявление? В газету? Далеко ли доходит газета? На ближайшую планету доползет через полгода, мы умрем, прежде чем получим хоть одно предложение!

Тут-то, усмехнувшись с чувством превосходства, Трурль и разъяснил свой оригинальный план, который Клапауциусу пришлось волей-неволей одобрить, и оба принялись за дело. Смастерив наспех машины, друзья подтянули окрестные звезды и составили из них огромную надпись, с неизмеримых расстояний видимую. Она-то и была объявлением; первое слово друзья сложили из одних лишь голубых гигантов, чтобы привлечь внимание будущего читателя из Космоса, на другие пошла разнообразная звездная мелочь. «Два Выдающихся Конструктора, — говорилось в объявлении, — ищут хорошо оплачи-

ваемый и приличествующий их таланту пост, желательно при дворе могущественного монарха с собственным государством; оплата по соглашению».

Прошло немного времени, и в один прекрасный день перед особняком наших друзей опустился дивный корабль, играющий в лучах Солнца, точно выложенный чистейшим перламутром; опустился на три основные подпорки, покрытые резьбой, а шесть подсобных не достигали земли и, собственно, ни для чего не служили; выглядели они так, словно строитель корабля не знал, куда девать сокровища,—ведь подпорки эти были из чистого золота. Из корабля по парадной лестнице, промеж двойных шпалер фонтанов, ударивших в небо, едва корабль коснулся земли, сошел на землю важный чужеземец со свитой шестиногих машин; одни массировали его, другие поддерживали или обмахивали веером, а самая маленькая порхала над высоким челом гостя, изливая сверху благовония, сквозь облако которых сей необычайный пришелец от имени своего властелина царя Жестокуса предложил конструкторам должность при дворе этого монарха.

— А в чем будет состоять наша работа? — поинтересовался Трурль.

— Подробности, уважаемые государи, вы узнаете, прибыв на место,—ответил чужеземец, облаченный в золотые шаровары, кикю с наушниками, жемчугом переливающуюся, и усеянный застежками камзол особого покроя, со складными шкатулками для сладостей вместо карманов. По этому вельможе бегали крохотные заводные игрушки, от которых он величественно отмахивался легким движением руки, когда они начинали чересчур показничать.

— Сейчас же,—продолжал он,—могу вам сказать лишь, что Его Несравненность Жестокус является вели-

ким охотником, укротителем зверей галактических, сердце его не ведает страха, а охотничье мастерство достигло такого уровня, когда напуганнейшие хищники перестали служить добычей, достойной его внимания. Царь страдает от этого, жаждет подлинных опасностей, неизведанных ужасов и именно поэтому...

— Понимаю,— живо ответил Трурль.— Мы должны сконструировать для государя новые породы зверей, исключительно свирепых и хищных, не так ли?

— Ты, достойный конструктор, необычайно догадлив,— промолвил вельможа.— Так отвечайте же, согласны ли вы?

Клапауциус практично спросил об условиях, а когда царский посланник описал им великую щедрость своего государя, конструкторы без промедления уложили личные вещи и несколько книг и по лестнице, подрагивавшей от нетерпения, взошли на борт. Корабль захлопотал, окутался пламенем, опалившим даже золотые подпорки, и помчался в черную галактическую ночь.

Во время недолгого путешествия вельможа рассказывал друзьям про обычаи, царящие во владениях Жестокуса, толковал об открытой, широкой, как тропик Ракка, натуре монарха и о его мужественных увлечениях, так что, когда корабль приземлился, прибывшие умели даже разговаривать на местном языке.

Друзей тотчас поместили в расположенном на склоне горы за городом роскошном дворце — отныне он должен был служить им резиденцией, а когда они немного отдохнули, царь прислал за ними колымагу, запряженную шестью чудовищами, которых ни тот ни другой прежде и в глаза не видывали. Перед мордами чудовищ помещались специальные пламягасители, ибо из горла валил у них огонь и дым; были у чудовищ и крылья, но так подрезанные, что не могли они подняться на воздух, хвосты,

покрытые стальной чешуей, длинные и закрученные в кольца, и по семь лап с когтями, пробивающими насквозь уличную брусчатку. При виде конструкторов, выходящих из дворца, упряжка дружно взревела, выпустила из ноздрей пламя, а из боков клубы серного дыма, и кинулась на них, но кучера в асбестовых латах и царевы доезжачие с мотопомпой набросились на обезумевших чудовищ, нанося им удары прикладами лазеров и мазеров, а когда чудовищ укротили, Трурль и Клапауциус забрались молчком в роскошно отделанное нутро рыдвана, который рванулся с места в карьер, а точнее сказать, в драконьер.

— Послушай-ка,— шепнул Трурль на ухо Клапауциусу, пока они мчались как ветер в струях сернистых испарений, считая все на своем пути,— чувствую я, захочет этот царь от нас многого! Какие у него красавцы в упряжке ходят, а?..

Однако рассудительный Клапауциус отделался молчанием. Бриллиантовые, сапфирами выложенные и серебром окованные фасады домов мелькали за окнами кареты в грохоте, гуле, шипении драконов и выкриках доезжачих; наконец растворились огромные ворота царского дворца, и экипаж, описав столь замысловатую кривую, что цветы на клумбах свернулись от пламени, остановился перед фронтоном черного как ночь замка, над которым лазурью сияло небо; трубачи тут же дунули в завитые раковины, и под эти удивительно угрюмые звуки, затерявшись на огромной лестнице среди каменных колоссов, стоящих по обеим сторонам ворот, и сверкающего строя почетного караула, Трурль с Клапауциусом вошли в просторные помещения замка.

Царь Жестокус ожидал их в огромном зале, удивительно напоминавшем своей постройкой внутренность звериного черепа; это было какое-то подобие огромной пещеры с уходящими ввысь сводами, выкованной из се-

ребра. Там, где в черепе имеется отверстие для позвоночника, в паркете зиял черный колодец неведомой глубины, а за ним возвышался трон, на котором скрещивались, словно пламенные клинки, полосы света, бьющие из высоких окон, расположенных на месте глазниц серебряного черепа; сквозь плиты янтарно-золотистого стекла проходил поток света теплого, сильного и вместе с тем резкого, ибо он лишал всякий предмет его естественной окраски, придавая ему огненный оттенок. Еще издали на фоне как бы затвердевших буграми серебряных стен конструкторы увидели Жестокуса, причем этот монарх в своем нетерпении не сидел ни минуты на троне, а гремящими шагами ходил по серебряным плитам паркета и, обращаясь к конструкторам, для выразительности время от времени со свистом рассекал рукой воздух.

— Приветствую вас, конструкторы! — говорил царь, фокусируя на них свои оптические устройства. — Его честь Протозор, главный распорядитель охоты, разумеется, уже сообщил вам, что от вас мы желаем создания новых пород дичи! И притом мы не хотим иметь дело с какой-нибудь стальной громадиной, ползущей на ста гусеницах, — это занятие для артиллерии, а не для нас. Противник наш должен быть мощным и свирепым и вместе с тем быстрым и ловким, но прежде всего исполненным вероломного коварства, дабы, охотясь на него, могли мы применить все наше ловецкое искусство! Зверь этот должен быть хитрым и умным, способным ускользать и сдвигать следы, таиться в тихой засаде и молниеносно атаковать — такова наша воля!

— Простите, Ваше Величество, — промолвил Клапауциус, поклонившись, — а не создадим ли мы угрозу особе Вашего Величества или ее здоровью, если слишком хорошо исполним волю Вашего Величества?

Царь засмеялся столь громовым хохотом, что пара бриллиантовых подвесков сорвалась с люстры и разбилась у ног невольно вздрогнувших конструкторов.

— Этого не опасайтесь, почтеннейшие конструкторы! — проговорил Жестокус, и мрачное веселье заиграло у него в глазах. — Не вы первые, не вы и последние, полагаем... Скажем откровенно, мы — монарх справедливый, хотя и требовательный. Слишком уж многие попрошай, наветчики и ветрогоны пытались нас надуть, слишком многие, примазавшиеся к высокому званию инженера потехи ловецкой, пытались покинуть наше царство, отяготив свои плечи мешками драгоценностей и оставив нам в замен жалкую рухлядь, которая валилась от первого же пинка... Слишком много было таких, поэтому мы сочли себя вынужденным принять меры предосторожности. Двенадцать уж лет всякий конструктор, который не выполнит наших пожеланий, который, раздавая посулы, превысит свои возможности, хотя и получает уговорное вознаграждение, низвергается вместе с ним вот в эту пропасть либо же, если он сам того предпочитает, превращается в нашу дичь и мы убиваем его вот этими руками, для чего, уверяем вас, уважаемые господа, нам не требуется вообще никакого оружия...

— А много ли... было таких несчастливцев? — осведомился Трурль более слабым, чем обычно, голосом.

— Много ли? Право, не помним, мы знаем лишь, что до сих пор не удовлетворил нас ни один, а рев ужаса, коим, падая в колодец, они прощаются с белым светом, длится все короче, видимо гряда обломков растет на дне пропасти, однако места там хватит еще многим, смеем вас в этом уверить!

После этих ужасных слов наступила мертвая тишина; оба друга невольно посмотрели в сторону черного колодца, царь же продолжал прохаживаться, и удары

его мощных ступней о паркет были подобны грохоту каменных плит, низвергаемых в пропасть, полную эха.

— С позволения Вашего Величества, мы ведь еще не... заключили соглашения,— осмелился пробормотать Трурль.— Нельзя ли нам ввиду этого получить два часа на размышление, мы ведь должны мысленно взвесить глубокие слова Вашего Величества, после чего станет ясно, готовы ли мы принять условия или же...

— Ха, ха! — засмеялся царь, подобно туче, обрушившейся градом на землю.— Или же готовы вернуться домой, не так ли?! Ну уж нет, любезные, вы приняли условия, вступив на борт Адолета, который составляет часть нашего царства! Если бы всякий конструктор, попавший к нам, мог удалиться восвояси, когда того пожелает, нам пришлось бы бесконечно долго ждать исполнения наших желаний! Нет, вы останетесь здесь и постройте нам чудовищ для ловецкой потехи... Даем вам на это сроку двенадцать дней, а теперь идите. Если возжаждете наслаждений, обратитесь к слугам, которых мы к вам представили, ибо мы не поскупимся для вас ничем. ДО СРОКА!

— Если Ваше Величество позволит, то вместо наслаждений мы хотели бы осмотреть охотничьи трофеи Вашего Величества — следы деятельности наших предшественников!

— Ну, конечно же, мы позволим, позволим! — милостиво промолвил царь и хлопнул в ладоши с такой силой, что искры, посыпавшиеся у него из пальцев, осветили серебряные стены. От этого державного жеста пронесся к тому же вихрь, остудивший разгоряченные головы обоих искателей приключений. Через минуту шестеро гвардейцев в белых с золотом мундирах уже вели Трурля и Клапауциуса по извилистому коридору — подлинному меандру, напоминающему внутренность какой-то окаменелой рептилии; и не без облегчения конструкторы уви-

дели себя внезапно в огромном террариуме под открытым небом; вокруг на старательно ухоженных газонах лежали охотничьи трофеи Жестокуса — память о давнишних и совсем недавних расправах.

Ближе всего лежал, уставясь саблезубой мордой в небо, рассеченный почти надвое гигант: его корпус защищали броневые плиты, чешуей налегавшие друг на друга; задние лапы, необычайно длинные, сконструированные, очевидно, для огромных скачков, покоились на траве подле хвоста; в хвосте отчетливо виднелся самопал с наполовину опустошенным магазином — признак того, что чудовище не сразу и не без боя поддалось грозному царю. Свидетельствовал об этом также желтоватый лоскут, свисавший с клыков приоткрытой пасти; Трурль распознал в нем голенище сапога, какие носили царевы доезжачие. Рядом располагалось другое пугало, змеевидное, с множеством коротких крыльев, опаленных выстрелом; электрические внутренности чудовища разбрызгались в медно-фарфоровую лужу. Дальше еще одно чудовище растопырило сведенные судорогой ноги, подобные колоннам, в его пасти играл с легким шелестом парковый ветерок. Были выставлены здесь и останки на колесах с когтями и на гусеницах с огнеметами, рассеченные до мозга костей, которым служила им мешанина проводников; покоились безглавые броненосцы с приплюснутыми башенками, разорванными атомным ударом, и стоножки, и пузатые чудища с многочисленными запасными мозгами, разбитыми все до единого в битве, и страшилища, прыгавшие на поломанных ходулях телескопических лап, и какие-то маленькие ядовитые твари, которые могли, очевидно, то рассыпаться яростной стаей, то сплетаться в оборонительный шар, ошетилившийся черными отверстиями стволов, но и эта хитрость не спасла ни их, ни их создателей. Сквозь шпалеры этих-то обломков нетвердым

шагом, в торжественном, чуть траурном молчании, будто готовясь к похоронам, а не к бурной изобретательской деятельности, и проходили Трурль с Клапауциусом, пока не достигли конца наводящей ужас галереи царских побед. У ворот, у подножья белой лестницы, их ожидала колымага, однако драконы, которые снова везли их по гулким улицам назад в загородную резиденцию, показались им теперь не столь ужасными. А когда друзья остались одни в комнате, обитой алой и бледно-зеленой материей, за столом, прогибавшимся от драгоценностей и заботливо приготовленных напитков, у Трурля наконец развязался язык и конструктор стал обидными словами честить Клапауциуса, утверждая, что тот проявил излишнюю прыть, согласясь на предложение распорядителя охоты, и тем самым навлек на их головы беду, словно у них не было возможности спокойно пожинать дома плоды достигнутой славы. Клапауциус не промолвил в ответ ни словечка. Когда же гнев и отчаяние Трурля поуменьшились и, обессилев от брани, он скорее рухнул, чем уселся, на роскошную козетку из перламутра и закрыл глаза, подперев голову руками, терпеливо выжидавший Клапауциус отрывисто сказал:

— Нечего! Надо приниматься за работу.

Эти слова как бы разбудили Трурля, и друзья тут же принялись обсуждать различные возможности с полным знанием самых сокровенных тайн искусства кибернетического конструирования. Они быстро пришли к согласию, что важнее всего не панцирь и не сила чудовища, кое им предстоит построить, а его программа, то есть алгоритм сатанинского действия. «Эта тварь должна быть поистине родом из преисподней, сущий дьявол по натуре!» — сказали они себе, и, хотя не знали еще, как этого достигнут, сердца их забились радостней. А когда конструкторы уселись проектировать бестию, которой

требовал жестокий монарх, работа у них спорилась, так что просидели они целую ночь и целый день и затем еще одну ночь, после чего отправились пировать; и пока полные до краев лейденские банки ходили меж ними, друзья настолько уверились в своем успехе, что стали ехидно, по-заговорщицки, перемигиваться, дабы не могли заметить этого слуги, справедливо почитаемые ими за царских соглядатаев. Друзья не говорили при них ни о чем, касающемся работы, лишь хвалили громовую крепость напитков и отличный вкус электрет с ионной подливкой, которые подносили им вертевшиеся юлой лакеи во фраках. Только после ужина, выйдя на террасу, откуда открывался вид на весь город с его белыми башнями и черными куполами, утопающими в зелени, Трурль сказал Клапауциусу:

— Дело еще не выиграно, ведь оно не простое!

— Что ты хочешь этим сказать? — из осторожности шопотом, но вместе с тем живо спросил Клапауциус.

— Видишь в чем тут загвоздка: если царь уложит эту механическую скотину, то, сочтя, что его желаний мы не выполнили, не колеблясь, исполнит обещание, которое я назвал бы колодезным. Если же мы хватим через край... Как ты думаешь?

— Не понимаю, если царь не уложит зверя?

— Да нет же, если зверь его уложит, дорогой коллега... то тот, кто унаследует власть после царя, быть может, не оставит этого дела безнаказанным.

— Ты думаешь, нам придется держать перед ним ответ? Наследник трона бывает обычно рад, когда трон становится вакантным.

— Конечно, однако наследником будет сын царя, а займется ли он нами из-за любви к отцу или по той лишь причине, что этих действий будет ожидать от него двор, — для нас мало разницы. Что ты на это скажешь?

— Об этом я не размышлял,— Клапауциус угрюмо задумался и буркнул: — Перспектива и правда не из веселых. Ни туда, ни сюда... А ты видишь какой-либо выход?

— Можно построить зверя, который будет много-смертным. Когда царь поразит его, зверь падет, но тут же восстанет из мертвых. И вновь царь начнет охотиться, вновь настигнет зверя, и это будет продолжаться, пока царь не устанет...

— Усталость обозлит царя,— деловито бросил Клапауциус.— Впрочем, как ты себе представляешь такого зверя?

— Никак не представляю, я только намечаю возможности... Проще всего было бы создать чудовище, лишенное жизненно важных центров. Хоть рассеки его на части, они опять срастутся.

— Как?

— Под действием поля...

— Магнитного?

— Допустим.

— А откуда взять это поле?

— Этого я пока не знаю. Может, мы сами будем управлять полем на расстоянии? — спросил Трурль.

— Нет, это не вполне надежно,— поморщился Клапауциус.— Разве исключено, что на время охоты царь упрячет нас в какой-нибудь каземат? Ведь и наши несчастные предшественники, надо признать, не на то лишь годились, чтобы кометам хвосты крутить, а ты хорошо знаешь, чем они кончили. Мысль о телеуправлении, вероятно, приходила в голову многим, однако не оправдала надежд. Нет уж, во время самой битвы мы не должны иметь с чудовищем ничего общего.

— Может, смастерить искусственный спутник — и на нем...— предположил Трурль.

— Ты, чтоб карандаш очинить, и то жернов попросишь!— обрушился на него Клапауциус. — Спутник, нет, вы только подумайте! Как это ты его смастеришь? Как выведешь на орбиту? Чудес в нашем ремесле не бывает, мой милый! Нет, установку надо спрятать совсем иначе.

— Ну куда ж ты ее спрячешь, несчастный, если за нами неустанно следят?! Сам же видишь, как слуги и лакеи глаз с нас не спускают, всюду нос свой суют, а о том, чтобы хоть разок, хоть на минутку незаметно выскользнуть из дворца, не может быть и речи... К тому же такая установка получится большой, как же ее вынести незаметно? Как проташить? Не вижу способа!

— Только не горячись,— увещевал его рассудительный Клапауциус.— Может, установка вовсе и не понадобится?

— Но ведь должно же что-то управлять чудовищем, а если им будет управлять его собственный электронный мозг, то Жестокус изрубит зверя на мелкие кусочки, прежде чем ты успеешь произнести «Прощай, белый свет!»

Оба умолкли; темнело, внизу, в долине, загорались все новые огни города. Внезапно Трурль сказал:

— Слушай-ка, у меня возникла идея. А что если под видом чудовища попросту построить корабль и убежать на нем? Ведь можно придумать ему для маскировки уши, хвост, лапы, которые как ненужный камуфляж он отбросит в момент старта! Я уверен, это отличная идея! Убежим — и ищи ветра в поле!

— А если среди царских слуг к нам приставлен и конструктор — это кажется мне вполне правдоподобным,— то ты и оглянуться не успеешь, как сведешь с палачом знакомство. Вообще спастись бегством не по мне. Либо мы, либо он — так обстоит дело; третьего исхода нет.

— И правда, шпион может знать толк в конструиро-

вании! — обеспокоился Трурль. — Так что же построить, Черный Ящик меня разрази! Быть может, электронную фата-моргану?

— Некий призрак, мираж? Чтобы царь впустую за ним гонялся? Спасибо тебе! Вернувшись с такой охоты, царь обих нас вывернет наизнанку!

Вновь наступило молчание, неожиданно прерванное Трурлем:

— Я вижу единственный выход: надо, чтобы чудовище схватило царя, чтобы оно его похитило — понимаешь? — и держало в плену. Этим способом...

— Понимаю, не продолжай. Конечно, это идея. Мы бы заточили его в... А соловьи поют здесь сладостней, чем даже на Марилонде Проквинской, — ловко dokonчил Клапауциус, заметив слуг, вносящих на террасу светильники на серебряных подставках. — Допустим, что именно так и получится, — продолжал он, когда друзья вновь остались одни в темноте, едва рассеиваемой светильниками. — Как бы то ни было, надо иметь возможность связаться с узником, даже если нас самих закуют в кандалы и посадят в каменную дыру.

— По правде, — бурчал Трурль, — надо бы как-то иначе скомбинировать... Впрочем, важнее всего алгоритм!

— Тоже мне открытие сделал! Известно, без алгоритма ни шагу ступить! Ну нечего, надо экспериментировать!

И друзья засели за эксперимент. Он состоял в том, что конструкторы смоделировали царя Жестокуса и чудовище, но лишь на бумаге, математическим методом; Трурль управлял первой моделью, а Клапауциус — второй. Вот и сшиблись модели-враги на огромных белых листах, покрывающих стол, с такой силой, что лопнули графитовые стержни в карандашах. Неопределенным интегралом яростно извивался монстр под ударами царевых уравнений и повергался, рассыпанный в несчетное

множество неизвестных, и восставал вновь, возведенный в высшую степень, а царь поражал его дифференциалами, да так, что лишь клочья функциональных операторов летели в разные стороны, и возник в результате такой нелинейно-алгебраический хаос, что конструкторы не могли уж разобраться, что стало с царем, а что — с чудовищем, и тот и другое исчезли во мгле перечеркнутых знаков. Встали друзья из-за стола и для подкрепления сил хлебнули из огромной лейденской амфоры, вновь уселись, и снова начали бой, стремительный бой, спустив с цепи весь Высший Анализ; прах закружился на бумаге, и чад пошел от раскаленных графитов. Мчался царь во весь опор свирепых своих коэффициентов, блуждал по лесу символов шестиндексных, возвращался по собственному следу, атаковал монстра до седьмого пота и восьмой равнодействующей, а чудовище распалось на сто многочленов, потеряв один x и два ϵ , забралось в знаменатель, вылупилось из кокона, взмахнуло корнями и как ударит математизированную царскую особу по боку, так что содрогнулось все цареву уравнение, словно ударом наотмашь пораженное. Но тут Жестокус броней нелинейной прикрылся, бесконечно удаленной точки достиг, мигом вернулся и как ударит чудовище по голове сквозь все скобки, так что логарифм отвалился у монстра спереди, а степень — сзади. Втянуло чудовище щупальца внутрь и ковариантно — лишь карандашики мелькали — бац! бац! — нанесло удар за ударом и еще один — по спине трансформантой — и вот уже царь, упрощенный, зашатался от числителя и до всех знаменателей, и вытянулся во весь рост, а конструкторы, вскочив из-за стола, стали смеяться и танцевать и рвать в клочья исписанные листы на глазах у соглядатаев, которые тщетно пытались подсматривать за ними с люстры в подозрную трубу, но с высшей математикой незнакомые, поняли лишь, что

конструкторы кричат один другому: «Победа! Победа!»

Далеко за полночь в следственную лабораторию сверхтайной государственной полиции внесли амфору, из коей друзья потчевались во время своей утомительной работы. Лаборанты-консультанты немедленно вскрыли двойное потайное дно, и вынули оттуда микрофончик и магнитофончик, а затем, склонясь над аппаратурой, пустили ее в ход и много часов подряд прослушивали с величайшим вниманием слова, произнесенные в зале из зеленого мрамора. Наконец лучи восходящего солнца осветили их вытянутые лица, однако ничего из услышанного ими они понять не смогли.

Слышался, к примеру, голос одного из конструкторов:

— Ну как? Подставил царя?

— Подставил!

— Где он у тебя? Тут? Отлично! Теперь вот так! — Ноги вместе! Держи ноги вместе, слышишь! Не свои, осел, царские! Так! Валяй, преобразуй, быстро! Что получилось?

— Пи.

— А где чудовище?

— В скобках. Ну как, выдержал царь, видишь?

— Выдержал! Умножь теперь обе части на мнимую единицу — хорошо! И еще разок! Измени знаки, болван! Куда подставляешь, кретин? Куда?! Это ж чудовище, а не царь! Теперь так! Верно, верно!! Готово? А теперь обрати фазу — так! — и дуй в вещественное пространство! Получил?

— Получил! Клапауциус, миленький! Погляди, что стало с царем!!

В ответ раздался безумный взрыв хохота.

Назавтра, а точнее, когда наступил новый день, до которого полицейские чины продержались на ногах, про-

ведя бессонную ночь, конструкторы потребовали кварца, ванадия, стали, меди, платины, горного хрусталя, титана, церия, германия и вообще всех элементов, составляющих Космос, а также машин, квалифицированных механиков и соглядатаев, ибо столь расхрабрились, что на формуляре требования в трех экземплярах осмелились написать: «Просим также доставить соглядатаев различных мастей и калибров по усмотрению власть предержащих лиц из ТП».

На следующий день конструкторам потребовались еще опилки и большой занавес из красного плюша с гроздью стеклянных колокольцев посредине и четырьмя большими кистями по углам. Друзья указали даже размер колокольцев. Царь, которого уведомляли обо всем, гневался, но повелел выполнять требования наглецов — ДО СРОКА. Слово царя было непререкаемым, и конструкторы получали желаемое.

А были то все новые и новые, совсем уж неслыханные предметы. Так, под номером 48999/11 К/Т в полицейский архив попала копия требования, в котором конструкторы домогались трех портновских манекенов, а также шести полных комплектов униформы царской полиции с поясами и портупьями, оружием, киверами, султанчиками и наручниками наряду с подшивкой за последние три года журнала «Наш полицейский», снабженной алфавитным указателем. Вместе с тем в графе «Примечания» конструкторы давали обязательство вернуть упомянутые предметы в целости и сохранности в двадцатичетырехчасовой срок с момента их получения. В другой архивной папке хранится копия записки, коей Клапауциус потребовал безотлагательно доставить натуральной величины куклу, представляющую министра почт и телеграфа при всех регалиях, а также маленький шарабан, покрытый зеленым лаком, с керосиновым фонарем на левой сторо-

не и с декоративной бело-голубой надписью сзади «Слава труду!». После куклы и шарабана шеф тайной полиции тронулся и вынужден был уйти на пенсию. По прошествии еще трех дней конструкторы истребовали бочку касторового масла, подкрашенного розовым красителем. С этого момента, не требуя больше ничего, они работали в подземельях своей резиденции, откуда доносилось их дикое пенье и неумолчный грохот молотов; в сумерки сквозь решетчатые окошки подвала прорывался голубой свет, придавая парковым деревьям призрачные очертания. В синем блеске электрических разрядов среди каменных стен трудились Трурль и Клапауциус с помощниками, а подняв голову, видели физиономии многочисленных слуг, которые, прилипнув к оконным стеклам, видимо, из пустого любопытства, фотографировали каждое их движение. Однажды ночью, когда измученные конструкторы отправились спать, часть создаваемой ими аппаратуры на секретном экспресс-дирижабле была поспешно доставлена в царские лаборатории, где ее дрожащими пальцами принялись собирать восемнадцать знаменитейших криминал-кибернетиков, приведенных предварительно к коронной присяге. После долгих трудов из их рук выполз серый оловянный мышонок и, пуская мордочкой мыльные пузыри, принялся бегать по столу, а из-под хвостика у него стал сыпаться белый зубной порошок, причем так искусно, что возникла каллиграфическая надпись: «Значит, вы по правде нас не любите?» Никогда еще за всю историю царства шефы тайной полиции не менялись с такой быстротой. Мундиры, кукла, зеленый шарабан, а также опилки, возвращенные минута в минуту конструкторами, подверглись исследованию под электронным микроскопом. Однако ничего, кроме маленькой бирки со словами «Это мы, опилки», найденной в опилках, обнаружено не было. Даже отдельные

атомы мундиров и шарабана подверглись обыску, но безрезультатно.

И вот настал день, когда работа была наконец завершена. Огромный, похожий на герметическую цистерну транспортер на трехстах колесах подкатил к стене, окружавшей резиденцию Трурля и Клапауциуса, сквозь открытые ворота конструкторы вынесли совершенно пустой занавес, тот самый, с кистями и колокольцами, и когда комиссия растворила двери транспортера, положили его на середину пола, после чего забрались внутрь и за закрытыми дверями еще что-то делали; затем друзья поочередно носили из подвала огромные жестянки с тонко-размолотыми химическими элементами, и все эти порошки, серые, серебристые, белые, желтые и зеленые, высыпали под края широко растянутого занавеса, а потом вышли на дневной свет, приказали запереть транспортер и выжидали, не сводя глаз с циферблата, четырнадцать с половиной секунд; по истечении этого времени раздался отчетливый звон стеклянных колокольцев, хотя транспортер стоял недвижимо; это поразило присутствующих, ибо только дух мог пошевелить ткань. Тогда конструкторы взглянули друг на друга и сказали:

— Готово! Можете его забрать!

Весь день друзья пускали с террасы мыльные пузыри, а под вечер им нанес визит сановный Протозор, главный распорядитель охоты, который заманил их на планету Жестокуса; он был вежлив, но тверд. На лестнице поджидала стража, а Протозор объяснил, что конструкторам следует незамедлительно отправиться в назначенное место. Все вещи надлежало оставить во дворце, даже личную одежду; взамен ее им выдали залатанные лохмотья и сковали обоих кандалами; к удивлению стражников и присутствовавших при сем представителей закона и чинов полиции, друзья отнюдь не казались обеспокоен-

ными, Трурль даже хохотал до упаду, уверяя кузнеца, который надевал на него кандалы, что ему щекотно; а когда за друзьями захлопнулась дверь подземелья, из каменной щели тотчас донеслись звуки песенки «Веселый программист».

Тем временем могущественный Жестокус в окружении свиты на боевой охотничьей колеснице выехал из города; за ним тянулся длинный кортеж наездников и машин, не вполне охотничьих, ибо среди них находились не то чтоб пушки или митральезы, но все ж огромные лазерные пищали, мортиры для стрельбы антиматерией и катапульты для метания смолы, в которой вязнет всякое существо и всякая машина.

Этот внушительный охотничий поезд монарха ехал к заповедным угодьям короны, быстро, весело и кичливо, и никто в нем даже не вспоминал о брошенных в каземат конструкторах, а если и вспоминал, то лишь затем, чтоб посмеяться, как они глупо попались.

Когда серебряные фанфары возвестили с башен заповедника о приближении его царского величества, стал видендвигающийся в том же направлении огромный транспортер-цистерна; специальные зажимы приподняли люк цистерны, открыли его, и на миг показалось отверстие, словно черная пасть орудия, прицеленного в горизонт. Еще мгновенье, и изменчивая, как грозовое облако серо-желтого, песочного цвета, тень вырвалась из нутра в таком парящем прыжке, что неведомо было, зверь то или нет. Пролетев шагов сто, существо бесшумно приземлилось, а окутывавший его занавес соскользнул набок и издал очень странный в этой мертвой тишине звук своих стеклянных колокольцев; теперь занавес малиновым пятном лежал рядом с чудовищем, уже хорошо видимым каждому охотнику. Однако форма чудовища по-прежнему оставалась неясной; оно выглядело как довольно боль-

шой, продолговатый пригорок, сливавшийся по окраске с окружающей местностью, казалось даже, будто опаленный солнцем чертополох растет у него на спине. Царевы доезжачие, не сводя глаз со зверя, пустили с поводка свору киборзов, кибернаров и киберьеров; жадно разинув пасти, псы рванулись в сторону припавшего к земле исполина, который, когда они подбежали к нему, не разомкнул пасть и не выдохнул пламени, а лишь приоткрыл глаза, подобные крохотным сеющим ужас солнцам, и в мгновение ока половина своры пала пеплом на землю.

— Ого, да у него в глазах лазерочки! Так подайте нам нашу светозащитную кольчугу честную, бармицы наши и панцирь наш любезный! — повелел царь свите, тут же облекшей его в светозарную суперсталь. Вырвавшись вперед, царь помчался на своем кибаргамаке, ни для каких снарядов не уязвимом. Чудовище позволило ему приблизиться, и монарх нанес удар, отчего рассекаемый острием воздух загудел и отрубленная голова зверя покатилась на песок. Царь скорее разгневался, чем обрадовался столь легкой победе, и тут же решил подвергнуть пыткам-люкс виновников подобного разочарования, хотя свита принялась шумно восхвалять охотничий триумф монарха.

Но тут чудовище шевельнуло шеей и из возникшего на ее конце бутона выскользнула новая голова, открыла свои ослепительные зенницы, и их блеск бессильно скользя по царской броне. «Не столь уж они никчемны, но все же надлежит их казнить», — подумал царь о конструкторах и, подняв киберскакуна шпорами на дыбы, взлетел на зверя.

Вновь ударил монарх чудовище, на этот раз в середину хребта, и оно, разумеется, с легкостью подставило себя под удар. Рассекая со свистом воздух, заскрежетала сталь, и разваленный надвое корпус рухнул наземь в

агонии. Но что это? Царь натянул левой рукой поводья, и вот уже два меньших, сходных, как близнецы, чудовища стояли перед ним, а меж них проказничало третье, совсем крохотное — то была голова, отсеченная минуту назад; она выпустила хвостик и лапки и тоже гарцевала по песку.

— Что ж это такое?! Нам его шинковать иль стружить придется, вот так охота!! — подумал царь и, охваченный превеликим гневом, бросился на чудовищ. Рубил и копьем колол, рассекал и мечом крошил, но размножившись под его ударами, чудовища отбежали внезапно в сторону, сбились в кучу, миг — и вновь единое чудовище, огромное, брюхом к земле припавшее, подрагивая упругим хребтом, стояло перед Жестокусом такое же, как прежде.

— Никакой сатисфакции, — рассердился царь. — Видно, у него такая ж обратная связь, как у того, которого нам — как бишь его? — Пампингтон сконструировал. За нехватку смекалки соизволили мы потом собственно-ручно расщепить его на подворье... Ничего не поделаешь, придется из кибермортиры...

И повелел подкатить к себе одну, шестиствольную. Целился царь недолго, не коротко, а в самый раз, за шнур потянул, и без грохота, без дыма невидимый снаряд помчался к чудовищу, чтоб разнести его вдребезги. Однако ничего не произошло; если снаряд прошел навывлет, то слишком быстро, чтобы кто-либо успел это заметить. Чудовище еще плотнее припало к земле и высунуло левую лапу вперед; тут придворные увидели его длинные волосатые пальцы: оно показало царю кукиш!

— Подать нам большой калибр! — воскликнул царь, прикидываясь, что не видит кукиша. И вот уж слуги тянут орудие, двадцать пушкарей заряжают его, царь наводит, целится, стреляет... но в это мгновение чудовище

прыгнуло. Царь хотел оборониться мечом, но прежде чем успел это сделать, чудовища уже не было; те, кто это видел, рассказывали потом, что едва не лишились рассудка. Ибо чудовище разделилось в полете на трое; эта метаморфоза произошла молниеносно — вместо серой туши появились три osoby в полицейских мундирах, которые на лету готовились к исполнению служебных обязанностей. Первый полицейский, подруливая ногами, доставал из кармана наручники, второй, придерживая кивер с султаном, чтобы не снес вихрь, вызванный движением, свободной рукой вынимал из бокового кармана ордер на арест, третий же предназначался лишь для смягчения посадки первым двум — он упал ничком им под ноги как амортизатор. Однако он сразу же вскочил и стряхнул пыль; в это время первый уже надевал царю наручники, а второй выбил из монаршей длани, скованной изумлением, меч; делая длинные прыжки и волоча за собой вяло сопротивлявшегося монарха, полицейские направились в пустыню. Несколько секунд весь царский поезд стоял, как ошоломленный, а затем, гаркнув в один голос, пустился в погоню. Киберскакуны уже настигали пеших беглецов, уже скрежетали мечи, вынимаемые из ножен, когда третий полицейский что-то включил у себя на животе, скрючился, из рук у него выросли две оглобли, ноги свернулись кольцом и в них замелькали спицы, а на спине, обернувшейся кузовом зеленого шарабана, уселись полицейские и принялись длинным бичом нахлестывать государя, который, в хомуте, размахивал руками, галопировал как безумный, заслоняя коронованную главу от ударов. Однако вновь приблизилась погоня; тогда полицейские схватили царя за шиворот и посадили между собой, один же из них, быстрее, чем об этом можно рассказать, прыгнул меж оглобель, дунул, плюнул и обернулся клубком воздуха радужным — громовым

жужжалом — кружалом; у шарабана словно крылья выросли, он помчался вперед, разбрасывая песок и безумно приплясывая на выбоинах, а через минуту едва виднелся среди миражей пустыни.

Царский поезд рассыпался по пустыне, вельможи стали отыскивать следы, послали за остроногими гончими, потом примчался резерв полиции с мотопомпами и стал лихорадочно поливать песок, а все потому, что в шифрованную депешу, посланную с наблюдательного аэростата в облаках, из-за спешки и дрожи в руках телеграфиста вкралась ошибка. Полицейские команды промчались по всей пустыне, осмотрели каждый кустик, ощупали и просветили переносными рентгеновскими аппаратами каждый пук чертополоха, понакопали ям и взяли из них пробы для анализа. Царского кибаргамака сам генеральный прокурор приказал отвести на допрос, а с секретных аэростатов вечером, когда стемнело, сбросили на пустыню целую дивизию зонтопрыгов с пылесосами, дабы песок просеять; всякого, кто смахивал на полицейского, задерживали, однако это оказалось тем более хлопотным, что в результате одна часть полиции арестовала другую. Когда настала ночь, участники царской охоты, охваченные ужасом, стали возвращаться в город, неся с собой горестную весть Иова; им не удалось обнаружить ни малейшего следа: монарх словно сквозь землю провалился.

Глубокой ночью при свете факелов закованных в кандалы конструкторов безотлагательно препроводили к Верховному Канцлеру и Хранителю Государственной Печати, и тот голосом, подобным грому, огласил приговор:

— За учинение пагубного заговора на Царствующую Особу, за поднятие руки на государя нашего милостливого, Его Царское Величество, императора и самодержца

Жестокуса, предать изменников четвертованию, дрелеверченью и расклепанию, по исполнении чего специальным перфоратором-пульверизатором рассеять во все стороны света во устрашение и вечное напоминание презренным покусителям на цареубийство. Троякожды и без права обжалования. Аминь.

— Вы как хотите, сразу? — спросил Трурль. — А то мы гонца ожидаем...

— Какого еще там гонца, подлый покуситель?!

Однако и в самом деле в зал, пятясь задом, ввалились стражники, не осмеливаясь преградить скрещенными алебардами путь самому министру почт и телеграфа; этот сановник при всех регалиях, позванивая орденами, приблизился к канцлеру и из висевшей на животе сумки расшитой бриллиантами, добыл бумагу, а затем, возвестив: «Хоть я создан искусственно, меня царь послал», — рассыпался маковым семенем по полу. Канцлер, глазам собственным не веря, разломил печать, распознав на ней царскую печатку, оттиснутую в красном лаке, вынул послание и прочел, что царь вынужден вести переговоры с конструкторами, которые, использовав приемы алгоритмические и математические, ввергли их величество в узилище, а теперь выставляют условия, кои канцлеру надлежит все выслушать и принять, если ему жизнь государя дорога. Внизу стояла подпись: «Жестокус, дано собственноручным писанием в пещере неведомого местоположения, во власти монстра, псевдополицейского, единого в трех лицах мундирных...»

Тут царедворцы принялись вопить громким голосом, сясь перекричать друг друга и спрашивая, в чем состоят условия и что все это значит, однако Трурль повторял лишь одно:

— Поначалу снимите кандалы, без этого — никаких переговоров.

Кузнецы, присев на корточки, сняли кандалы, и все присутствующие набросились на конструкторов, однако Трурль снова принялся за свое:

— Голодом мы изглоданы, грязью изгрязнены, не мыты, желаем мы омовений ароматных, умщений благовонных, забав, пиршества, а на десерт — балета.

Тут уж царедворцы жестокого монарха впали в подлинную белую горячку, но и на это условие вынуждены были согласиться. Лишь на рассвете вернулись конструкторы на аудиенцию, лакеями несомые, освеженные, умщенные, в одежды чұдные облаченные, уселись за стол, крытый зеленым сукном, и начали выставлять условия, да не по памяти, дабы чего, не дай бог, не упустить, а по малюсенькому блокнотику, что весь срок пролежал спрятанный за занавеской в их резиденции. Так читать по писанному и начали:

«1. Надлежит приготовить корабль первого класса, дабы Конструкторов домой отвезти.

2. Надлежит трюм корабля наполнить разными разностями в следующей пропорции: бриллиантов — четыре пуда, червонного золота — сорок пудов, платины, палладия и бог весть каких еще драгоценностей — восемь крат столько, равно подарков памятных, произвольных, кои руку ниже приложившие соблаговолят во дворце царском выбрать.

3. Доколе корабль не будет до последнего винтика завинчен, в путь приготовлен, выкупом нагружен и к отправке подан, с ковром на трапе, прощальным оркестром, орденами на подушках, почестями, детским хором и с большим оркестром филармонии в полном составе, а также со всеобщим энтузиазмом — царя никто и не увидит.

4. Надлежит сочинить, на пластинах золотых выбить и перламутром инкрустировать благодарственный адрес,

к их Достодивным Безмерно Милостивым Сиятельствам Трурлю и Клапауциусу обращенный, в коем события все должны быть подробно описаны, большой канцлерской и государственной печатью скреплены, подписями подтверждены и в пушечном дуле, как в футляре, запломбированы, каковой футляр на своей спине, без посторонней помощи, надлежит поднять на борт Протозору, вельможе, главному распорядителю охоты, который, Достодивных Конструкторов на планету заманив, тщился сим деянием их смерти постыдной подвергнуть.

5. Надлежит оному вельможе Конструкторов на обратном пути сопровождать, являя собой гарантию неприкосновенности, отсутствия погони и пр. и пр. На корабле же будет он занимать постоянное место в клетке размером три фута на три и на четыре, с глазком для кормления и с подстилкой из опилок; опилки при сем надлежит употребить те самые, кои Достодивные Конструкторы соизволили истребовать для исполнения царских прихотей и кои затем были препровождены на секретном дирижабле в полицейское хранилище.

6. По освобождении царь не должен лично испрашивать прощения у упомянутых Достодивных Сиятельств, ибо повинность сего мужа им без надобности.

Подписано, дано, датировано и т. д. и т. п.: Трурль и Клапауциус — от Конструкторов-Условиедателей, и Верховный Канцлер короны, Верховный Церемониймейстер и Главный Оберполицмейстер Тайной Земно-Водно-Аэростатной Полиции — от Условиеисполнителей».

Что же оставалось делать царедворцам и министрам, от злости почерневшим? Ясное дело, пришлось на все соглашаться, после чего в огромной спешке стала строиться ракета, конструкторы же приходили на строительную площадку после завтрака наблюдать за работой, и все-то им было не так: то материал нехорош, то инженеры

тупы, а то нужен им в кают-компанию волшебный фонарь с четырьмя окошечками да с кукушечкой, на все четыре стороны из них кукующей, а если туземцы не знают, что это за кукушечка, то тем хуже для них; царь, конечно, досадует в своем заточении, а воротясь, с теми, кто с освобождением его мешкал, разделается по-свойски. По этой причине — всеобщее потемнение в глазах, нервозный скрежет зубов и полицейская трясучка. Наконец ракета была готова; носильщики стали носить сокровища, мешки жемчуга, по желобу потекло золото, а вместе с тем тайно, но неустанно, своры полицейских продолжали перетряхивать горы и доли, над чем Трурль и Клапауциус только в кулак посмеивались и даже растолковывали участливо тем, кто не без ужаса, но с величайшим интересом их выслушивал, как до всего этого дошло, как они свой первоначальный замысел — несовершенный — полностью отбросили и построили чудовище новым способом. Как раздумывали они, в какое место и каким образом вставить ему блок управления или мозг, с тем чтобы добиться полной надежности, и решили построить чудовище как бы целиком из мозга, чтоб могло оно думать ногами, хвостом или же челюстью, каковую по той причине они наполнили зубами мудрости. Однако все это составляло лишь вступление к задаче, сама же задача распадалась на две части: психологическую и алгоритмическую. Первым делом следовало установить, что повергнет царя в узилище; с этой целью надлежало действовать выделенному трансмутацией из чудовища полицейскому звену, ибо полицейским, предъявляющим ордер на арест, *lege artis** оформленный, ничто в Космосе противоборствовать не может. Это — о психологии; добавим лишь, что генеральный почтмейстер также был при-

---

* Законным образом (лат.).

зван к действию из психологических соображений: ведь чиновник меньшего ранга мог бы — не пропущенный стражей — не доставить послания, что стоило бы конструкторам головы. Искусственный же министр, исполняющий роль гонца, помимо монаршего послания, имел в сумке средства на случай, если бы понадобилось подкупить алебардистов; все это было предусмотрено. Что же касается алгоритмов, то надлежало лишь открыть такую группу чудовищ, замкнутую счетную подгруппу которой составляла бы собственно полиция. Алгоритм чудовища предусматривал последовательные трансформации во все воплощения. Его ввели химически-несимпатическими чернилами в занавес с колокольцами, так что он затем действовал уже вполне независимо на химические элементы именно благодаря чудовищно-полицейской самоорганизации. Добавим сразу же, что позднее конструкторы опубликовали в научном журнале работу, именовавшуюся: «Эта-мета-бета-общекурсивные функции, рассмотренные для частного случая преобразования полицейских сил в силы почтовые и чудовищные в компенсирующем поле колокольников и применимые к шарабану — дву-, трех-, четырех-, а также n -колке, зелению лакированной, с керосиновым топологическим фонарем, при использовании матрицы, обратимой на касторовом масле, с розовой подкраской для отвлечения внимания, или всеобщая теория моно- и поли-цейской монстрологии, математическим способом рассмотренная». Разумеется, никто из царедворцев, канцлеров, офицеров и даже чинов самой до предела униженной полиции ни словечка из всего этого не понял, но кому от этого был вред? Неизвестно, следовало ли подданным царя Жестокуса восхищаться конструкторами или ненавидеть их.

Все было уже готово к старту. Трурль ходил по двору с мешком и, согласно договору, то и дело снимал укра-

шения со стены, любовался ими и совал в мешок, как свои. И вот, наконец, колымага привезла молодцов-конструкторов на ракетодром, а там уже собрались толпы, детский хор, девочки в национальных костюмах вручали букеты цветов, вельможи читали по бумажке благодарственно-прощальные речи, играл оркестр, слабые падали в обморок и наконец наступила мертвая тишина. Тут Клапауциус вынул изо рта зуб и что-то в нем повернул, только был это не обычный зуб, а рация с двусторонней связью. Нажал — и появилось на горизонте песчаное облачко; оно стало расти, оставляя за собой хвост пыли, и с громким топотом влетело на пустую площадку между кораблем и толпой, остановилось как вкопанное, лишь песок полетел во все стороны, и тут толпа увидела, струхнув, что это — чудовище. Оно было чудовищным! Глаза — будто солнца. Оно хлестало себя по бокам змеистым хвостом, только искры снопами разлетались и прожигали дырочки в парадных и по сей причине небронированных одеждах сановников.

— Выпусти царя! — сказал ему Клапауциус, а чудовище ответило совсем человеческим голосом:

— А мне это и не снилось. Теперь мой черед заключать пакты...

— Как это? Ты что, спятило? Ты обязано нас слушаться, согласно матрице! — гневно воскликнул Клапауциус при всеобщем остолебнении.

— С какой это стати? Иди-ка ты со своей матрицей. Я чудовище алгоритмическое, антидемократическое, со связью обратно-устрашающей и взором испепеляющим, есть у меня полиция, орнаментация, внешняя видимость и самоорганизация, не выйдет царь ваш из брюха — ни слуха о нем, ни духа, сняв с двуколки оглоблю, стукните себя по лбу, под руки друг друга возьмите, четыре шага ступите — и бух на колени, да смотрите, друзья, без лени!

— Я тебе покажу «на колени!» — завопил разозленный Клапауциус, а Трурль спросил чудовище:

— Чего же ты, собственно, хочешь?

Однако при этом он спрятался за Клапауциуса и также вынул изо рта зуб, стараясь, чтобы чудовище этого не заметило.

— Во-первых, хочу я взять в жены...

Однако никто так и не узнал, на ком чудовище хочет жениться, потому что Трурль нажал зуб и закричал:

— Энеки, бенеки ку-ка-ре-ков, сгинь чудо-юдо на веки веков!

Магнитно-динамические обратные связи, скреплявшие атомы чудовища, моментально расслабились под воздействием этих слов, а оно само заморгало глазами, захлопало ушами, заревело, взбрыкнуло, подернулось рябью, но ничто ему не помогло — только повеял горячий ветер с запахом железа, а чудовище как стояло, так и рассыпалось, словно высохшая песочная баба, которую пнули ногой... Остался лишь маленький холмик, а на том холмике царь, здоровый и невредимый, хоть и оконфуженный, со стыда перекошенный, немытый и очень злой, оттого что все это с ним приключилось.

— У него в голове все пошло кувырком, — сказал Трурль провожающим, и оставалось неясным, кого он, собственно, имеет в виду: царя или чудовище, которое сделало попытку взбунтоваться против своих создателей, однако же конструкторы, естественно, и эту мрачную возможность предусмотрели в алгоритме.

— А теперь, — заключил Трурль, — прошу посадить главного распорядителя охоты в клетку, а мы сядем в ракету...

Путешествие третье, или Вероятностные драконы

Трурль и Клапауциус были учениками великого Цереброна Эмдеэртия, который целые сорок лет излагал в Высшей Школе Небытия Общую Теорию Драконов. Как известно, драконов не существует. Эта примитивная констатация может удовлетворить лишь ум простака, но отнюдь не ученого, поскольку Высшая Школа Небытия тем, что существует, вообще не занимается; банальность бытия установлена слишком давно и не заслуживает более ни единого словечка. Тут-то гениальный Цереброн, атаковав проблему методами точных наук, установил, что имеется три типа драконов: нулевые, мнимые и отрицательные. Все они, как было сказано, не существуют, однако каждый тип — на свой особый манер. Мнимые и нулевые драконы, называемые на профессиональном языке мнимоконами и нульконами, не существуют значительно менее интересным способом, чем отрицательные.

В дракологии издавна известен парадокс, состоящий в том, что при гербаризации (действие, отвечающее в алгебре драконов умножению в обычной арифметике) двух отрицательных драконов возникает преддракон в количестве около 0,6. По этой причине мир специалистов разделился на два лагеря: члены одного придерживались мнения, что речь идет о доле дракона, если отсчитывать от головы; сторонники другого помещали точку отсчета в хвост.

Огромной заслугой Трурля и Клапауциуса было выяснение ошибочности обеих упомянутых точек зрения. Друзья первыми применили в этой области знания теорию вероятностей и создали тем самым вероятностную дракологию, из которой вытекает, что с точки зрения тер-

модинамики дракон невозможен лишь в статистическом смысле, подобно домовому, эльфу, гному, троллю, ведьме и т. п. Из формулы полной невероятности оба теоретика получили коэффициенты регномизации, разэльфивания и пр. Из этой же формулы вытекало, что самопроизвольного появления дракона следует ожидать в среднем около шестнадцати квинтоквадриллионов гептиллионов лет.

Безусловно, весь этот круг вопросов оставался бы интересной, но чисто математической редкостью, если бы не прославленная конструкторская жилка Трурля, который решил исследовать задачу экспериментально. А поскольку речь шла о невероятных явлениях, Трурль изобрел усилитель вероятности и испытал его сначала у себя дома, в погребе, а затем на специальном, основанном Академией Дракородном Полигоне, или Драколигоне. Лица, незнакомые с общей теорией невероятностей, и по сей день задают вопрос, почему, собственно, Трурль сделал вероятным именно дракона, а не эльфа или гнома, однако задают его по невежеству, ибо им неизвестно, что дракон попросту имеет бóльшую вероятность, чем гном. Трурль, видимо, намеревался пойти в своих опытах с усилителем дальше, но уже первые эксперименты привели к тяжелой контузии — виртуальный дракон лягнул конструктора. К счастью, Клапауциус, помогавший налаживать установку, успел понизить вероятность, и дракон исчез. Вслед за Трурлем многие другие ученые повторяли эксперименты с дракотроном, но поскольку им не доставало сноровки и хладнокровия, значительная часть драконьего помета, серьезно покалечив ученых, вырвалась на свободу. Только тогда обнаружилось, что эти отвратительные чудовища существуют совершенно иначе, чем, например, шкафы, комоды или столы: дракон характеризуется в первую очередь своей вероятностью, как правило,

достаточно большой, раз он уже возник. Если устроить охоту на такого дракона, да еще с облавой, то кольцо охотников с оружием, готовым к выстрелу, натывается лишь на выжженную, смердящую особой вонью землю, поскольку дракон, когда ему приходится туго, ускользает из реального пространства в конфигурационное. Будучи скотиной нечистоплотной и необычайно тупой, дракон делает это, разумеется, руководствуясь инстинктом. Прimitивные особы, не могущие понять, как сие происходит, петушась, домогаются увидеть это самое конфигурационное пространство, не ведая того, что электроны, существования коих никто в здравом рассудке не оспаривает, также перемещаются лишь в конфигурационном пространстве, а судьба их зависит от волн вероятности. Впрочем, упрямцу легче настаивать на несуществовании электронов, чем драконов, поскольку электроны, по меньшей мере в одиночку, не легаются.

Коллега Трурля, Гарборизей Кибр, первым проквантовал дракона, введя константу, называемую дракнетон, которой, как известно, кратны числители драконов; он определил также кривизну их хвоста, за что едва не поплатился жизнью. Но разве же интересовал этот успех широкие слои населения, страдавшего от драконов, которые вытаптыванием посевов, общей своей назойливостью, ревом и испусканием пламени наносили огромный ущерб, а кое-где даже требовали дани в виде девиц? Разве же интересовал несчастных обывателей тот факт, что драконы Трурля, будучи индетерминированными, а стало быть нелокальными, ведут себя, хоть и в согласии с теорией, однако вопреки всяким приличиям, что теория эта предсказывает кривизну их хвостов, уничтожающих села и нивы? Стоит-ли удивляться, если широкие слои, вместо того чтобы по-настоящему оценить достижения Трурля, совершившие подлинный переворот в научных воззре-

ниях, поставили их ему в вину, а кучка заядлых обскурантов даже чувствительно побила знаменитого конструктора. Однако Трурль вместе со своим другом Клапауцнусом неумолимо продолжал исследования. Из них вытекало, что дракон существует на уровне, зависящем от его настроения и от состояния общего насыщения, а также что единственным надежным методом ликвидации является сведение вероятности к нулю и даже к отрицательным значениям. Как не понять, что эти исследования требовали много труда и времени, а между тем драконы, находясь на свободе, свирепствовали в свое удовольствие, опустошая многочисленные планеты и спутники, и, что еще прискорбней, даже плодились. Это дало Клапауцнусу повод опубликовать блестящую работу под заглавием «Ковариантные переходы от драконов к драконьим отродьям как частный случай перехода из состояний, запрещенных физически, в состояния, запрещенные полицией». Эта работа наделала много шума в научном мире, где все еще широко обсуждался знаменитый полицейский дракон, посредством которого brave конструкторы отомстили злому царю Жестокусу за несчастья своих неоплаканных коллег. Какие ж возникли пертурбации, когда стало известно, что некий конструктор, по имени Базилай и по прозвищу Эмердуанский, путешествуя по всей Галактике, одним лишь своим присутствием вызывал появление драконов там, где до этого их никто в глаза не видел. Когда всеобщее отчаяние и состояние национальной катастрофы достигали кульминации, он являлся к властелину данного государства, чтобы, поторговавшись вволю и взвинтив гонорар до головокружительных размеров, заняться истреблением чудовищ. Последнее ему почти всегда удавалось, хотя никто не знал, каким способом, ибо он действовал скрытно и в одиночку. Впрочем, Базилай лишь статистически гарантировал успех драко-

лиза, а с той поры, как некий монарх воздал ему лучшим за хорошее, уплатив дукатами, полновесными также лишь статистически, он стал подвергать унижительному исследованию посредством царской водки природу желтого металла, которым ему платили. В эту-то пору Трурль и Клапауциус встретились в один погожий денек и между ними произошел следующий разговор:

— Ты слышал об этом Базилее? — спросил Трурль.

— Слышал.

— Что ты скажешь?

— Не нравится мне вся эта история.

— Мне также. Что ты о ней думаешь?

— Он пользуется усилителем.

— Вероятности?

— Да. Или резонансной системой.

— Может, генератором василисков?

— Ты имеешь в виду дракотрон?

— Да.

— По существу это вполне возможно.

— Но ведь, — воскликнул Трурль, — это было бы нязостью. Это означало бы, что частично он привозит змеев с собой, только в потенциальном состоянии, с вероятностью, близкой к нулю. Когда обживется и оглядится, начинает все увеличивать и увеличивать шансы, усиливает их, пока они не достигнут достоверности, и тут-то, разумеется, наступает виртуализация, конкретизация и зримая тотализация.

— Ясно. К тому же он, безусловно, подсабливает матрицу и увеличивает вероятность перехода виртуального змея в бешеного василиска.

— Да, страшнее бешеного василиска, пожалуй, ничего уж не бывает.

— А как ты думаешь, он потом аннулирует их аннигиляционным ретрокреатором или же лишь снижает

временно вероятность и удирает, прихватив монету?

— Трудно сказать. Если он лишь понижает правдоподобие, то это еще большая низость, ведь рано или поздно флуктуации вакуума вызывают возникновение змеематрицы, и тогда вся история начинается сначала.

— Да, но ни его самого, ни денежек тогда уж не сыщешь... — буркнул Клапауциус.

— Как ты думаешь, не стоит ли написать об этом деле в Главное Бюро Регулирования Драконов?

— Чего не стоит, того не стоит. В конце-то концов он, быть может, этого и не делает. У нас нет уверенности и никаких доказательств. Статистические флуктуации возникают и без усилителя; раньше не было ни матриц, ни усилителей, а драконы время от времени появлялись. Попросту случайно.

— Должно быть, так, — согласился Трурль, — однако ж чудовища появляются только после прибытия Базилея на планету!

— Верно. Но писать об этом не стоит, все же он — коллега по профессии. Пожалуй, мы сами предпримем некоторые шаги. Как ты думаешь?

— Можно.

— Хорошо. Однако что делать?

Тут оба знаменитых драколога погрузились в профессиональный спор, из которого посторонний слушатель не понял бы ни словечка; до него донеслись бы лишь загадочные фразы, такие, как «счетник драконов», «нехвостатое преобразование», «слабые змеевзаимодействия», «дифракция и рассеяние драконов», «жесткий горыныч», «мягкий горыныч», «draco probabilisticus», «полосатый спектр василиска», «змей в возбужденном состоянии», «аннигиляция пары василисков с яростью и антияростью в поле всеобщего безголовья» и т. п.

Результатом этого глубокого анализа явилось путешествие, третье по счету; конструкторы готовились к нему очень старательно, не преминув нагрузить свой корабль множеством сложных приборов. Так, например, они взяли с собой диффузатор и специальную пушку, стреляющую антиголовами. Во время путешествия конструкторы высадились на Энтии и Пентии, а затем на Керулее и после этого поняли, что не смогут прочесать всю местность, охваченную бедствием,— для этого им пришлось бы разорваться на части. Проще было, очевидно, разделить экспедицию, и после обсуждения в рабочем порядке каждый из них отправился в свою сторону. Клапауциус долго работал на Престопондии, приглашенный туда императором Дивославом Амфитритием, который соглашался отдать ему дочь в жены, лишь бы избавиться от чудовищ, ведь драконы высокой вероятности забредали даже на улицы стольного града, а виртуальными вся округа так и кишела. Правда, виртуальный дракон, по мнению наивных и серых обывателей, «не существует», то есть не может быть наблюден каким-либо способом, равно как и не совершает никаких действий, свидетельствующих о его появлении, однако исчисление Кибра-Трурля-Клапауциуса-Миногия, и в первую очередь змееволновое уравнение, отчетливо показывают, что дракону легче проделать путь из конфигурационного пространства в реальное, чем ребенку от дома до школы. Поэтому при глобальном возрастании вероятности в жилищах, погребках и на чердаках можно было наткнуться на дракона и даже на супердракона.

Погоня за драконами не привела бы к ощутимым результатам. Понимая это, Клапауциус, как истый теоретик, принялся за работу методично: он расставил на площадях и скверах, в градах и весях вероятностные змее-редукторы, и вскоре чудовища стали величайшей редко-

стью. Получив наличные, почетный диплом и переходящее знамя, Клапауциус отбыл, намереваясь отыскать своего друга. По дороге он заметил, как кто-то отчаянно машет ему с планеты. Сочтя, что это, быть может, Трурль, с которым приключилась беда, Клапауциус совершил посадку. Однако сигналы подавал не Трурль, а жители Трюфлежории, подданные царя Пестроция. Эти туземцы исповедовали всяческие суеверия и примитивные верования, религия же их, называемая пневматическим драконизмом, утверждала, что драконы посылаются как кара за грехи и наделены душами, хотя и нечистыми. Сметнув, что вступать в спор с дракологами его величества было бы по меньшей мере опрометчиво, ибо их методы ограничивались каждением в местах, посещаемых драконами, и раздачей мощей, Клапауциус предпочел приняться за работу в полевых условиях. Фактически на планете обитало лишь одно чудище, но из ужаснейшего рода Эхидных. Клапауциус предложил царю свои услуги. Тот, однако, не сразу дал прямой ответ, подчиняясь, очевидно, влиянию бессмысленной догмы, относившей причину возникновения драконов к потустороннему миру. Из местных газет Клапауциус узнал, что одни считают Эхидну, которая здесь резвится, единичным экземпляром, другие же — существом множественным, способным находиться одновременно во многих точках. Это дало ему пищу для размышлений, хотя он не испытал ни малейшего удивления, ибо локализация этих противных тварей подчиняется так называемым змееаномалиям, некоторые же образчики, особенно склонные к рассеянности, «размазываются» по всему пространству, а это уж составляет вполне обычный эффект изоспинового усиления квантового импульса. Вынырнув из конфигурационного пространства в реальное, дракон выглядит словно множество драконов, хотя в сущности они — единое целое, подобно пяти внешне со-

вершенно независимым друг от друга пальцам руки, показавшейся из воды. Под конец очередной аудиенции Клапауциус спросил царя, не побывал ли на планете Трурль; при этом он подробно описал внешний вид друга. Каково же было удивление драковеда, когда ему сказали, что его коллега, разумеется, гостил недавно в царстве Пестроциевом и даже взялся за устранение Эхидны, получил аванс и отправился в близлежащие горы, где драконесса прогуливалась особенно часто, но на другой день вернулся и потребовал весь гонорар, а в доказательство своего триумфа показал сорок четыре драконьих зуба. Однако тут возникли некоторые недоразумения, и выплаты пришлось задержать до выяснения обстоятельств. Тогда Труль, поддавшись сильному порыву гнева, громко и неоднократно выражал свое мнение о монархе, власть предержащем, что смахивало на оскорбление величества, а затем удалился в неизвестном направлении. С того дня даже слух о нем канул в небытие, зато Эхидна появилась вновь, словно с ней ничего не случилось, и с еще большей свирепостью стала ко всеобщему огорчению опустошать грады и веси.

Весьма туманной показалась эта история Клапауциусу, однако подвергать сомнению истинность слов, падающих из монарших уст, затруднительно, поэтому он взял ранец, наполненный сильнейшими змеебойными средствами, и в одиночку пошел по направлению к горам, снежный хребет которых величественно возвышался над восточной частью горизонта.

Вскоре Клапауциус обнаружил на скалах первые следы чудовища. Впрочем, если бы он не заметил их, о чудовище дал бы знать характерный удушливый запах сернистых выделений. Клапауциус бесстрашно двигался вперед, готовый в любое мгновение применить оружие, висевшее у него на плече, и ежеминутно поглядывал на

стрелку счетчика драконов. Некоторое время она стояла на нуле, затем, нервно подрагивая и как бы преодолевая невидимое сопротивление, медленно подползла к единице. Теперь не оставалось сомнения, что Эхидна находится поблизости. Это безмерно удивляло конструктора, у него в голове не укладывалось, как его испытанный друг и знаменитый теоретик, каким был Трурль, промазал в вычислениях и не уничтожил драконессу. Трудно было также поверить, что, не убив драконессу, он вернулся к царскому двору, требуя платы за невыполненную работу.

Вскоре Клапауциус повстречал колонну местных жителей, по всей видимости безмерно угнетенных: беспокойно озираясь по сторонам, они старались держаться поближе друг к другу. Согбенные под ношей, давящей на спину и голову, туземцы шли гуськом вверх по склону. Поздоровавшись, Клапауциус остановил отряд и спросил ведущего, что они тут делают.

— Сударь,— ответил ему этот царский чиновник низшего ранга, одетый в видавший виды доломан,— мы несем дань дракону.

— Дань? Ага! А что ж это за дань?

— Здесь все, чего дракон пожелал, сударь: золото, драгоценные камни, чужеземные благовония и множество иных предметов величайшей ценности.

Тут удивлению Клапауциуса не стало границ, ведь драконы никогда не требуют подобной дани и уж заведомо не жаждут ни ароматов из дальних стран, неспособных заглушить их природную вонь, ни наличных денег, с коими они не знали бы что делать.

— А девиц дракон не возжелал, добрый человек?— спросил Клапауциус.

— Нет, сударь. Раньше-то, конечно, бывало. Еще летошний год водил я их к нему, по три пятка или по дю-

жине, согласно его аппетиту. Но с той поры, сударь, как пришел сюда один чужой, чужестранец значит, и ходил по горам с ящичками и аппаратами, один-одинешенек... — Тут добряк в нерешительности умолк, с беспокойством разглядывая инструменты и оружие Клапауциуса, особенно его тревожила огромная шкала счетчика драконов, который беспрестанно потикивал и подрагивал красной стрелкой на белом щитке.

— А одет он был точь-в-точь как ваша милость! — сказал чиновник дрожащим голосом. — Точь-в-точь такая амуниция и вообще...

— Я купил это по случаю на ярмарке, — сказал, стремясь усыпить подозрительность добряка, Клапауциус, — А скажите-ка мне, мои дорогие, не знаете ли вы часом, что случилось с тем чужестранцем?

— Что, значит, с ним случилось? Этого-то мы и не знаем, сударь. Было, значит, так. Недели две тому... Эй, кум Барбарон, правду я говорю? Две недели, не больше?

— Правду молвишь, кум староста, правду, отчего ж нет? Недели две тому будет, либо четыре, а может и шесть.

— Ну, пришел он, сударь, зашел к нам, закусил, ничего не скажу: хорошо заплатил, поблагодарил, коль тут нет дурного, так уж нет, ничего нельзя сказать, огляделся, по срубам постучал, про цены все спрашивал, что летошний год стояли, аппараты поразложил, с циферблатиков что-то себе записывал быстро-быстро, так что у него даже бляхи подпрыгивали, но подробно, одно за другим, в книжечку такую, красную, что за пазухой носил, а потом этот — как его там, кум? — тер... темпер... тьфу, не выговоришь!

— Термометр, кум староста!

— Ну, конечно так! Термометр этот вынул и говорит, что он против драконов, и туда его совал и сюда, снова

все записал, сударь, в ту свою тетрадочку, аппараты в мешочек засунул, мешочек за плечи, попрощался и пошел. И больше мы его, сударь, уж не видели. Ино так было. Той самой ночью что-то зауhalo и загромыhalo, однако далеко. Будто за Мидраговой горой, за той, стало быть, сударь, что возле вершинки с соколиком таким наверху, Пестроциевой она зовется, потому что напоминает нам государя пресветлого нашего, а та, с другой-то стороны, поприжатей, как, с позволения вашей милости, ягодица к ягодице, зовется Смоляной, а пошло это от того, сударь, что один раз...

— Не стоит про эти горы рассказывать, добрый человек, — прервал его Клапауциус, — так вы говорите, той ночью что-то ухнуло. А что произошло потом?

— Потом? А потом ничего уж, сударь, не произошло. Как ухнуло, так изба пошла ходуном, а я так на пол с лежанки скатился. Да только мне это нипочем, иной раз как дракониха о дом зад почешет, еще и не так грохнешься; к примеру, взять Барбаронова брата, того даже в кадушку с бельем тиснуло, они аккурат стирали, когда драконихе об угол потереться захотелось...

— Ближе к делу, любезный, ближе к делу! — воскликнул Клапауциус. — Итак, что-то ухнуло, вы свалились на пол, а что же случилось дальше?

— Да я ж вам, сударь, ясно сказал, что ничего не случилось. Если бы что-нибудь было, так было б о чем говорить, а как ничего не случилось, так и нет ничего стоящего, чтоб губами похлопать. Так я говорю, кум Барбарон?!

— Так оно и есть, кум староста.

Кивнув головой, Клапауциус зашагал прочь, а носильщики двинулись тем временем вниз, сгибаясь под тяжестью драконьей дани; драколог догадался, что они сложат ее в указанной драконом пещере, но выпраши-

вать подробности не хотел, от разговора со старостой и его кумом змееборца прошиб пот. Впрочем, еще раньше он слышал, как один из местных жителей говорил другому, что дракон «такое место выбрал, чтоб и ему было близко и нам...»

Клапауциус шел быстрым шагом, выбирая путь по пеленгу индикатора василисков. Этот прибор он повесил себе на шею; не забывал он также и о счетчике, однако тот неизменно показывал ноль целых восемь десятых дракона.

— Неужто я наткнулся на одного из дискретных драконов, черт подери? — раздумывал Клапауциус, вышагивая, но ежеминутно останавливаясь, ибо лучи солнца немилосердно жгли, а в воздухе стоял сильный зной; казалось, поверхность раскаленных скал колыхается; вокруг — ни листка растительности, только нанесенная почва, спекшаяся в углублениях скал, и выжженные каменные поля, тянущиеся к величавым вершинам.

Прошел час, солнце уже передвинулось на другую половину неба, а храбрец все еще шагал по осыпям, перебираясь через гряды скал, пока не очутился в области узких ущелий и трещин, наполненных холодной мглой. Красная стрелка подползла к девятке перед единицей и, подрагивая, замерла.

Клапауциус положил ранец на скалу и принялся вытаскивать змеефузею, когда стрелка быстро заколебалась. Он выхватил редуктор правдоподобия и окинул быстрым взглядом окрестности. Стоя на скалистой гряде, драколог мог заглянуть в глубину ущелья: там что-то передвигалось.

— Нет сомнений, это она! — подумал Клапауциус, ибо Эхидна — женского рода.

«Быть может, именно по этой причине, — мелькнула у него мысль, — чудовище и не требует девиц? Впрочем,

в прежние времена она охотно их принимала. Странно все это, странно, но сейчас важнее всего взять ее получше на мушку, и тогда все кончится благополучно!» — подумал он и на всякий случай еще раз сунул руку в мешок за дракодеструктором, поршень коего втаптывает драконов в небытие. Клапауциус выглянул из-за края скалы. По узенькой котловине, дну высохшего потока, серо-бурая, с запавшими, словно от голода, боками передвигалась дракониха гигантских размеров. Беспорядочные мысли пронеслись в голове Клапауциуса. Может, аннигилировать драконессу, изменив знак драконьей матрицы с плюса на минус, в результате чего статистическая вероятность недракона одержит верх над драконом? Но это очень рискованно, если учесть, что малейшее отклонение может привести к катастрофической разнице в результатах; иногда в такой переделке вместо недракона получался неодракон. Сколь многое зависит всего лишь от одной буквы! К тому же тотальная депробабиллизация сделала бы невозможным исследование природы Эхидны. Клапауциус заколебался, перед его мысленным взором возник нежно любимый образ огромной драконьей кожи в кабинете, между окном и библиотекой; однако предаваться мечтам не оставалось времени, хотя иная возможность — подарить экземпляр со столь специфическими наклонностями дракозоологу — и промелькнула в голове Клапауциуса, когда он опускался на колено; конструктор успел все же подумать, какую статейку удалось бы опубликовать в научном журнале на базе хорошо сохранившегося экземпляра, поэтому он переложил фузею с редуктором в левую руку, а правой схватил главомер, заряженный антиголовой, старательно прицелился и нажал на спуск.

Главомер оглушительно рявкнул, жемчужное облачко дыма окутало ствол и Клапауциуса, так что тот на мгно-

вание потерял чудовище из виду. Однако дым тотчас рассеялся.

В старых небылицах рассказывается много ложного о драконах. Например, утверждается, что драконы имеют иной раз до семи голов. Этого никогда не бывает. Дракон может иметь только одну голову — наличие двух тут же приводит к бурным спорам и ссорам; вот почему многоглавцы, как их называют ученые, вымерли вследствие внутренних распрей. Упрямые и тупые по своей природе, эти монстры не выносят ни малейшего противоречия; вот почему две головы на одном теле приводят к быстрой смерти, ведь каждая из них, стараясь насолить другой, воздерживается от приема пищи и даже злонамеренно прекращает дыхание — с вполне однозначным результатом. Именно этот феномен использовал Эйфорий Сентиментус, изобретатель антиглавой пищали. В тело дракона вбивают выстрелом миниатюрную, удобную электронную головку, тут же начинаются скандалы, раздоры, а в результате дракон, словно параличем разбитый, одеревенев, торчит на одном месте сутки, неделю, иногда месяцы; иногда истощение одолевает дракона только через год. В это время с ним можно делать что угодно.

Однако дракон, подстреленный Клапауциусом, вел себя по меньшей мере странно. Он поднялся, правда, на задние лапы, издавая рев, коим вызвал щебневый оползень на склоне, и стал бить хвостом о скалы, наполнив запахом высекаемых искр все ущелье, а после этого почесал себя за ухом, кашлянул и преспокойно двинулся дальше, разве что более быстрой трусцой. Не веря собственным глазам, Клапауциус помчался по скалистой гряде, стараясь сократить путь к устью высохшего потока, — теперь уж не какая-то научная работенка, не парадная статей в «Трудах института драконов» мерещи-

лась ему, а по меньшей мере монография на меловой бумаге с портретами дракона и автора!

У поворота теоретик присел за скалу, приложился глазом к антивероятностной мортирке, прицелился и привел в действие депоссибилизатор. Ложе ствола дрогнуло у него в руке, раскаленное оружие окуталось дымкой, вокруг дракона, как предвестник непогоды вокруг луны, появилось гало. Однако дракон не сгинул! Еще раз сделал Клапауциус дракона вполне невероятным; интенсивность импоссибилизационности стала столь высокой, что пролетавшая бабочка принялась передавать азбукой Морзе вторую «Книгу джунглей», а среди скальных завалов замелькали тени колдуний, ведьм и кикимор, отчетливый же топот копыт возвестил, что где-то позади дракона гарцуют кентавры, извлеченные из небытия чудовищной интенсивностью мортирки. Однако дракон, словно ничего не произошло, грузно присел, зевнул и принялся с наслаждением чесать задними лапами обвисшую кожу на горле. Раскаленное оружие обжигало Клапауциусу пальцы, он отчаянно нажимал курок, ибо ничего подобного до сих пор ему переживать не доводилось; ближние камни, из тех, что помельче, медленно поднимались в воздух, а пыль, которую чешущийся дракон выбрасывал из-под сидения, вместо того чтобы беспорядочно осесть, сложилась в воздухе, образовав вполне разборчивую надпись: «СЛУГА ГОСПОДИНА ДОКТОРА». Стемнело — день превращался в ночь, компания известняковых утесов отправилась на прогулку, мирно беседуя о всякой всячине, словом, творились уже подлинные чудеса, однако ужасное чудовище, расположившееся на отдых в тридцати шагах от Клапауциуса, и не думало исчезать. Истребитель драконов отшвырнул мортирку, полез за пазуху, добыл противомонстровую гранату, и, вверив свою душу матрице общеспинорных преобразований,

метнул гранату в дракона. Раздался грохот, вместе с обломками скал в воздух взлетел хвост, а дракон совсем человеческим голосом завопил: «Караул!» — и помчался галопом вперед, прямо на Клапауциуса. Тот, видя столь близкую смерть, выпрыгнул из укрытия, судорожно сжимая дротик из антиматерии. Он взмахнул им, но тут снова раздался крик:

— Перестань! Перестань же! Не убивай меня!

«Что это, дракон заговорил?! — мелькнула у Клапауциуса мысль. — Нет, должно быть, я ошалел...»

Однако задал вопрос:

— Кто говорит? Дракон?

— Какой дракон! Это я!!

Из рассеивающегося облака пыли вынырнул Трурль; он коснулся шеи дракона, повернул там что-то, гигант медленно опустился на колени и замер с протяжным скрежетом.

— Что это за маскарад? Что это значит? Откуда взялся этот дракон? Что ты в нем делал? — Клапауциус забросал друга вопросами.

Трурль, отряхивая покрытую пылью одежду, отбивался от него:

— Откуда, что, где, как... Дай же мне сказать! Я уничтожил дракона, а царь не пожелал со мной расплатиться...

— Почему?

— Наверно, от скаредности, не знаю. Сваливал все на бюрократию, говорил, что должен быть составлен протокол приемочной комиссии, произведен обмер, вскрытие, что должна собраться тронная производственная комиссия, и то, и се, а верховный страж сокровищ уверял, что не имеет понятия, по какой статье платить, поскольку платеж этот нельзя провести ни по фонду заработной платы, ни по безличному фонду, одним словом, хоть я

просил, настаивал, ходил в кассу, к царю, на совещания, никто не хотел со мной даже разговаривать; а когда они потребовали от меня автобиографию с двумя фотокарточками, мне пришлось убираться, но, к сожалению, дракон пребывал уже в необратимом состоянии. Вот я и содрал с него шкуру, нарезал побегов орешника, потом отыскал старый телеграфный столб, а большего и не требовалось; набил чучело, ну и... и стал прикидываться...

— Не может быть! Ты прибег к столь постыдной уловке? Ты?! Но зачем же, ведь тебе за это не платили? Ничего не понимаю.

— Экий ты тупой! — снисходительно пожал плечами Трурль. — Да ведь они приносили мне даны! Я получил больше, чем причиталось.

— Ааа!!! — эта истина наконец дошла до Клапауцнуса. Однако он тут же добавил: — Но ведь вымогать не красиво...

— С чего ж это некрасиво? А разве я делал что-нибудь дурное? Прохаживался по горам, а вечерами немного подвывал. Уж тут я намахался... — добавил он, присаживаясь рядом с Клапауцнусом.

— О чем это ты? О реве?

— Да нет же, ты и двойку с двойкой сложить не умеешь! При чем тут рев? Каждую ночь я вынужден таскать мешки с золотом из пещеры, обусловленной договором, вон туда, на гору! — Трурль указал рукой на удаленный горный хребет. — Я подготовил там стартовую площадку. Поносил бы сам двадцатипудовые мешки с сумерек до рассвета, тогда бы понял! Ведь дракон-то никакой не дракон, одна шкура весит две тонны, а я ее таскать на себе должен, реветь, топать — это днем, а ночью — мешки таскать. Я рад, что ты приехал, с меня уже этого хватит.

— Но отчего же, собственно, этот дракон, то есть это

набитое чучело, не сгинул, когда я уменьшил вероятность вплоть до чудес? — пожелал еще узнать Клапауциус.

Трурль откашлялся, как бы немного смущенный.

— Из-за моей предусмотрительности, — пояснил он. — В конце-то концов я мог напороться на какого-нибудь дурака-охотника, хотя бы на Базиля, поэтому я вставил в нутро, под шкуру, экраны неправдоподобия. А теперь пошли, там осталась еще пара мешков платины, они — самые тяжелые из всех, не хотелось бы нести одному. Вот и превосходно, ты мне поможешь...

**Путешествие четвертое,
или О том, как Трурль женотрон применил,
желая королевича Пантарктика от неги любовной избавить,
и как потом к детомету прибегнуть пришлось**

Однажды на рассвете, когда Трурль пребывал во сне глубочайшем, застучали в дверь жилища его с такой силой, словно пришелец желал одним махом оную дверь с петель сорвать. И когда Трурль, с трудом глаза раскрыв, отодвинул засов, то предстал взору его на фоне светлеющего неба огромный корабль, подобный сахарной голове невероятной величины или пирамиде летающей, а из нутра того исполина, севшего пред его окнами, по широким сходням длинными вереницами спускались ублюды навьюченные, а облаченные в бурнусы и тюрбаны, аккуратно в черный цвет окрашенные роботы сгружали перед домом тюки, да с такой быстротой, что спустя самую малость не понимающего, что это может означать, Трурля окружал не перестающий расти полукруг набитых вьюков, на манер шанцев, только узенький проход остался. И по тому проходу шествовал к нему электрыцарь невиданного облика — глаза в виде звезд вырезаны, радарные антенки лихо вверх закручены, роскошный плащ драгоценностями усыпан. Перекинул этот достославный кавалер свой плащ через плечо, снял стальную шляпу и голосом мощным, хоть и мягким, словно бархат, спросил:

— Имею ли я честь зреть господина Трурля, премногоблагородного конструктора сих мест?

— Его самого, это я... Может, войдете?.. Не обессудьте за беспорядок... Я не ведал, то бишь спал я... — бормотал ошеломленный Трурль, запахивая на себе жалкое одеяние: только сейчас заметил он, что на нем одна ночная рубашка, притом давно тосковавшая по корыту,

Однако изысканный электрыцарь, казалось, не замечал упущений в одеянии Трурля. Еще раз приподняв шляпу, которая со звоном дрожала над его сводчатой головой, он грациозно прошел в дом. Трурль, извинившись, на минуту оставил его и, кое-как приведя себя в порядок, снова спустился, перепрыгивая через две ступеньки сразу. На дворе тем временем уже рассвело, и солнце сверкало на белых тюрбанах черных роботов, которые, грустно и заунывно выводя старую невольничью песню «Где пропадал ты, черный барашек», шпалерами по четыре окружили дом и корабль-пирамиду. Трурль увидел это в окно, усаживаясь напротив гостя, который ослепительно взглянул на него, после чего произнес такие вот слова:

— Планета, с которой я прибыл к вам, досточтимый конструктор, переживает расцвет средневековья. А посему, государь мой, извольте простить мне, что я такую конфузию учинил, не вовремя приземлившись. Одно прошу принять во внимание: мы никоим образом не могли предвидеть, что в данной точке, сиречь пункте, планеты вашей славной, где сие домовладение обретается, еще ночь власть свою простирает и лучам солнечным преграду чинит.

Тут он откашлялся, как будто кто в губную гармошку дунул, и продолжил:

— Отрядил меня к вашей милости государь мой и повелитель — Его Королевское Величество Протрудин Астерийский, сеньор объединенных планет Ионита и Ефрита, наследный монарх Аневрии, император Моноцитии, Бипроксии и Трифилиды, великий князь Барномальверский, Эборкидский, Кляпундряньский и Трагантронский, граф Эвкалипский, Трансфиорский и Фортрансминский, паладин Серобурии, барон Вристридадрицкий, Тякисякохватский и Продранододнавский, равно как и самодер-

жец Мадалии, Видалии, Егдалии и Такдалии, — за тем, чтобы я от его всемогущего имени просил вашу светлость пожаловать в нашу страну в качестве долгожданного и многочаемого спасителя престола, единственно способного уберечь страну от всеобщего траура, в каковой ввергла нас несчастная любовь Его Королевского Высочества престолонаследника Пантарктика.

— Ведь я же не... — быстро начал Трурль, но посланец, сделав краткий жест, означавший, что он еще не кончил, продолжал тем же стальным голосом:

— В знак своего особого расположения за прибытие и помощь в беде, от коей страдают государственные интересы, Его Королевское Величество Протрудин моими устами обещает, заверяет и клянется осыпать Вашу Конструктивность такими милостями, что до конца дней Ваша Сиятельность преизбыточествовать будет. В частности же, авансом или, как говорится, в задаток, нарекаешься ты с этой минуты, — тут посланец встал, извлек шпагу и продолжал, плашмя ударяя ею Трурля при каждом слове, так что у того плечи прогибались, — титулярным и удельным князем Мурвидраупским, Тошнотским, Срамотийским и Вассолским, потомственным графом Тленским и Гладоморским, герцогом — об осьми зубцах в короне — Бразелупским, Гдетотамским и Праталакским, маркизом Гунду-Лундским, чрезвычайным губернатором Флюксии и Пруксии, а также капитульным генералом ордена Бездектинских Мендитов и великим нахлебником герцогства Бито-Пито-и-Ламцадрито с положенным этим званиям особливим правом на салют из двадцати одного орудия при пробуждении и отходе ко сну и на фанфары после обеда, Тяжким Инфинитезимальным крестом и увековечением: многорядным — в эбеновом дереве, многосторонним — в сланце и многократным — в золоте. В доказательство же своих милостей мой король и

господин посылает тебе вот эти безделки, коими я осмелился кров твой обложить.

И впрямь, тюки уже затмили дневной свет, и он еле проникал в комнату. Посланец кончил говорить, но красноречиво поднятой руки еще не опускал, видимо, по рассеянности. Поелику он молчал, Трурль сказал:

— Я премного благодарен Его Королевскому Величеству Протрудину, но любовные дела, сами понимаете, не моя специальность. Впрочем...— добавил он, чувствуя на себе ослепительный, точно бриллиант размером с булыжник, взгляд посланца.— Может быть, вы изложите, в чем там, собственно, дело?.. Посланец кивнул.

— Дело, сударь, простое! Наследник трона влюбился в Амарандину Керибернинскую, единственную дочь владыки Араубрарии, сопредельной с нами державы. Однако вражда сугубо застарелая разделяет наши страны, и когда милостивый владыка наш после неустанных просьб королевича обратился к императору относительно руки Амарандины, ответ был категорически отрицательный. С тех пор миновали год и шесть дней, наследник на глазах тает, и нет средства вернуть его рассудок. И нет никакой надежды, опричь Вашей Лучезарной Светлости.

Тут знатный вельможа поклонился, Трурль же кашлянул и, видя ряды воинов за окнами, отвечал слабым голосом:

— Не представляю, чем я бы мог... Но... коль скоро королю угодно... Что ж... я, разумеется...

— Вот именно,— воскликнул посланец и хлопнул в ладоши, так что металл зазвенел. Немедля двенадцать черных, как ночь, латников вбежали с грохотом в дом, и, схватив Трурля, на руках внесли его в корабль, который выстрелил двадцать один раз, поднял трапы и с развевающимся флагом величественно устремился в пучину небесную.

В пути вельможа, который был Главным Королевским Панцирничим, рассказал Трурлю в подробностях о романтической, равно как и драматической истории ударившегося в любовь королевича. Сразу же по прибытии, после торжественной встречи и следования через город среди флагов и толп конструктор взялся за дело. Рабочим местом он определил себе чудесный королевский парк; находящийся же в нем Храм Задумчивости превратил за три недели в невиданную конструкцию из металла, проводов и полыхающих экранов. И был это, как он объяснил королю, женотрон — приспособление, употребляемое в роли как тренажера, так и тотального эротора с обратной связью. Тот, кто находился внутри аппарата, в один миг изведать мог прелести, чары, ласки-сказки, нежный шепот и охи-вздохи, присущие сразу всему прекрасному полу космоса. Женотрон, в который Трурль переделал Храм Задумчивости, имел выходную мощность в сорок мегамуров, причем эффективная отдача в спектре проникающей сладострастности достигала девяноста шести процентов, эмиссия же страсти, измеряемая, как всегда, в килолюбах, насчитывала их шесть на один дистанционно управляемый поцелуй. Кроме того, женотрон был снабжен обратным поглотителем безумия, каскадным внимательно-обнимательным усилителем и автоматом «первого взгляда», поелику Трурль стоял на точке зрения доктора Афродонта, создавшего теорию неожиданностного поля влюбления.

И еще имела эта чудесная конструкция разные вспомогательные приспособления — быстроходную флирт-овальню, редуктор кокетонов и комплект ласкальчиков и ласкалиц; снаружи, в специальной стеклянной будке, виднелись огромные циферблаты приборов, с помощью которых можно было следить за ходом операции по обезлюбливанию. Как показывали подсчеты, женотрон давал

постоянные положительные результаты в девяноста восьми случаях любовной суперфиксации из ста. А посему шансы на спасение королевича были преизрядные.

Сорок знатных пэров королевства четыре часа мягко, но неукоснительно увлекали и подталкивали королевича по парку к Храму Задумчивости, сочетая решительность действий с почтением к сану, ибо королевич отнюдь не желал отрешиться от своей любви и бодал, а равно и лягал своих придворных головой и ногами. Когда же наконец при посредстве многочисленных пуховых подушек принца впихнули в машину и захлопнули за ним дверь, взволнованный Трурль включил автомат, который тут же принялся мерно отсчитывать: «Двадцать до нуля... девятнадцать до нуля...», пока не произнес спокойным голосом: «Ноль! Старт!» — и синхрозотроны, включенные на всю мегаурную мощностъ, устремились на несчастную жертву столь неудачно обращенных чувств. Почти час вглядывался Трурль в стрелки приборов, подрагивавшие от предельного эротического напряжения, но, к сожалению, они не показывали существенных перемен. Неверие в результат процедуры все нарастало в нем, но теперь уже ничего нельзя было сделать — приходилось ждать сложа руки. Он только проверял, падают ли гипоцелуи под нужным углом, без излишнего рассеяния, имеют ли флиртовальня и ласкальчики должное число оборотов, одновременно следя и за тем, чтобы плотностъ поля была близкой к допустимой. Ведь важно было не то, чтобы пациент перевлюбился, переменив объект чувств — вместо Амарандины — машина, — а чтобы он полностью разлюбил. Наконец люк в достодолжном безмолвии открыли. Когда же открутили зажимы, обеспечивающие герметичностъ, то вместе с клубом тончайшего аромата из полутемного помещения выпал бесчувственный королевич, рухнув на помятые розы, которые роняли лепест-

ки, одурманенные непомерной силой страсти. Подбежали верные слуги и, поднимая бессильное тело, услышали, как с бледных уст принца сорвалось одно только беззвучно произнесенное слово: «Амарандина». Сдержал Трурль проклятье, поняв, что все оказалось напрасным, понеже обуявшее королевича чувство оказалось при критической проверке сильнее всяких гигауров и мегаласк женотроновых, вместе взятых. И любвемер, приложенный ко лбу бесчувственного королевича, в первый момент показал сто семь делений, а потом стекло его лопнуло и ртуть разлилась, трепеща, как будто и ей переданся жар клочущих чувств. Ничего первая попытка не дала.

Вернулся в свои покои Трурль чернее ночи, и если бы кто за ним следил, то услышал бы, как он ходит от стены к стене в поисках спасения. Но тут какой-то переполох в парке послышался. Это каменщики, что стену чинили, влезли любопытства ради в женотрон и как-то пустили его в ход. Пришлось пожарную команду вызывать — такие они вылетали оттуда горячие от страсти, что даже копать валила.

Тогда применил Трурль другое устройство — комбинацию из отрезвителя и опошлителя. Но и эта вторая попытка — сразу упредем — провалилась. Не разлюбил королевич Амарандину, наоборот, еще больше в чувствах своих утвердился. Снова исходил Трурль много миль в своих покоях, до поздней ночи читал специальные труды, потом запустил ими в стену, а наутро попросил панцирничего об аудиенции у короля. Представ же пред королем, он сказал так:

— Ваше Королевское Величество, Милостивый Государь, Системы обезлюбливания, которые я применил, — самые мощные из возможных. Сын твой, покуда жив, не даст себя обезлюбить — вот истина, которую я должен прямо тебе выложить.

Король молчал, подавленный этой вестью, а Трурль продолжал:

— Разумеется, я мог бы его ввести в заблуждение, синтезировать Амарандину по имеющимся у меня параметрам, но рано или поздно королевич проведет бы обмане, как только до него дошли бы вести о настоящей принцессе. А посему остается только один путь: королевич должен жениться на принцессе.

— О, чужеземец! Так в этом-то вся штука, что император не выдает ее за моего сына!

— А если бы он сдался? Если бы ему пришлось вести переговоры и, как побежденному, просить пощады?

— Ха! Тогда — наверное. Но неужли ты хочешь, чтобы я ввергнул две огромные державы в кровопролитную войну да еще с неясным исходом, только чтобы добиться для сына руки императорской дочери?! Быть того не может!

— Иного образа мыслей я и не ожидал от Вашего Королевского Величества, — спокойно сказал Трурль. — Но ведь войны бывают разные, а та, которую я замыслил, воистину бескровная. Мы вовсе и не будем нападать на державу императора с оружием. Ни одного обывателя жизни не лишим, а совсем даже наоборот.

— Как это понять? Что ты такое говоришь, почтенный? — воскликнул удивленный король.

По мере того как Трурль излагал свой хитроумный проект на ухо королю, мрачный доселе облик государя понемногу прояснялся, покамест он не воскликнул:

— Так делай то, что ты замыслил, дорогой чужеземец, и да поможет тебе небо!

С утра королевские кузни и мастерские принялись изготавливать по планам Трурля изрядное число метательных приспособлений, сверхмощных, но совершенно неведомого назначения. Расставили их по планете, укрыв сет-

ками обманными, чтобы никто ничего не разглядел. А Трурль той порой сидел день и ночь в королевской кибернетической лаборатории, следя за таинственными котлами, в коих булькало загадочное варево. Но если бы какой-нибудь лазутчик попробовал прознать что-нибудь, то ничего бы не выведал, кроме того, что время от времени в запертых на четыре засова лабораторных залах слышится писк, а докторанты и ассистенты лихорадочно бегают с грудями пеленок.

Бомбардировка началась спустя неделю, в полночь. Заряженные старыми пушками стволы нацелились в белую звезду — державу императора — и открыли огонь, только не смерто-, а живоносный. Ведь Трурль стрелял младенцами, и его младометы засыпали императорские владения мириадами скулящих сосунков, которые, быстро подрастая, облепляли пеших и конных, и было их столько, что от хныканья, «мама», «агу», равно как и от «пипи» и «а-а» воздух содрогался и перепонки лопались. И длился этот детский потоп до тех пор, пока экономика государства не сдала и в глаза всем не заглянул призрак катастрофы. А с неба, толстенные и веселенькие, все спускались карапузики и пузанчики, так что день в ночь превращался, когда они совокупно пеленками развевали. И пришлось тогда императору просить пощады у короля Протрудина, который обещал прекратить бомбардировку при условии, что сын его сможет на Амарандине жениться, на что император с превеликой готовностью согласился. Младометы сей же час застопорили, женотрон ради вящей безопасности Трурль разобрал и первым шафером, в наряде, алмазами переливающимся, с маршальским жезлом в руке, возглашал тосты на свадебном пиршестве. Потом нагрузил ракету дипломами и ленными пожалованиями, от короля и императора полученными, и отбыл, ублаженный, домой.

Путешествие пятое, или О шалостях короля Балериона

Не жестокостью досаждал своим подданным король Балерион Кимберский, а пристрастием к увеселениям. И опять же — ни пиров он не устраивал, ни оргиям ночным не предавался; невинные забавы были милы сердцу королевскому: в горелки, в чижики либо в палочку-выручалочку готов был он играть с утра до вечера; однако всему предпочитал Балерион прятки. Ежели требовалось принять важное решение, подписать декрет государственного значения, побеседовать с послами чужезвездными или же дать аудиенцию какому-либо маршалу, король немедленно прятался и под страхом суровейших наказаний повелевал себя искать. Бегали тогда придворные по всему дворцу, заглядывали в башни и рвы, простукивали стены, так и этак переворачивали трон, и поиски эти нередко затягивались, ибо король каждый раз придумывал новые тайники и укрытия. Однажды не дошло до объявления сугубо важной войны лишь потому, что король, обвешавшись стекляшками и финтифлюшками, три дня висел в главном дворцовом зале, изображая люстру, и посмеивался исподтишка над отчаянной беготней придворных.

Тот, кто его находил, немедленно награждался званием Великого Открывателя Королевского; числилось таких Открывателей при дворе уже семьсот тридцать шесть. Ежели кто хотел попасть в доверие к королю, непременно следовало ему поразить монарха какой-то новой, неизвестной игрой. Нелегко это было сделать, ибо был король весьма сведущ в этом вопросе: знал и древние игры, например чет-нечет, и новейшие, с обратной связью, на манер кибергая; время от времени говорил он также,

что все есть игра либо развлечение — и его королевство, и весь свет.

Возмущали эти речи, легкомысленные и неразумные, степенных королевских советников, а более всех страдал старейшина дворцового совета, достопочтенный Папагастер из древнего рода Матрициев, видя, что для короля нет ничего святого и что даже собственное высочайшее достоинство решается он подвергать осмеянию.

Наибольший, однако, ужас охватывал всех, когда король, поддавшись внезапному капризу, начинал игру в загадки-отгадки. С давних пор увлекался он этой игрой и еще во время своей коронации поразил великого канцлера вопросом, различаются ли между собой патер и матерь, и если да, то чем.

Король вскорости уразумел, что придворные, которым задает он загадки, не слишком тщатся их разгадывать. Отвечали они, лишь бы ответить, впазд и невпазд, что безмерно Балериона гневало. Изменилось дело к лучшему лишь с тех пор, как король заявил, что назначение на придворные должности будет зависеть от результатов отгадывания. Посыпались репрессии и регрессии, и весь двор волей-неволей участвовать начал в играх, придуманных его королевским величеством. К глубочайшему прискорбию, многие сановники решались обманывать короля, и тот, хоть и был добрым по натуре, такого поведения стерпеть не мог. Главный маршал королевский осужден был на изгнание за то, что на аудиенциях пользовался шпаргалкой, укрытой под горловиной панциря; вряд ли бы это обнаружилось, если б некий генерал, его недруг, не сообщил об этом потихоньку королю. Также и старейшине дворцового совета Папагастеру пришлось распрощаться со своей должностью, ибо не знал он, где находится самое темное место в мире. По прошествии некоторого времени дворцовый совет состоял уже из самых

ловких во всем государстве разгадывателей кроссвордов и ребусов, а министры и шагу не ступали без энциклопедии. Под конец достигли придворные такой сноровки, что давали правильные ответы еще прежде, чем король заканчивал вопрос, и дивиться этому не приходилось, поскольку и придворные, и король были постоянными подписчиками «Правительственной газеты», в которой вместо скучных приказов и указов публиковались преимущественно шарady и массовые игры.

Однако, по мере того как проходили годы, королю все меньше хотелось задумываться, и вернулся он поэтому к своему первому и самому любимому развлечению — к игре в прятки. А однажды, разыгравшись, установил совершенно небывалую награду для того, кто придумает самое лучшее укрытие в мире. Наградой этой назначил король драгоценность неоценимую, коронный бриллиант рода Кимберитов, из которого происходил Балерион. Камня этого дивного давно уже никто и в глаза не видел — долгие века пребывал он за семью замками в королевской сокровищнице.

Надо же было случиться, что Трурль и Клапауциус во время очередного своего путешествия наткнулись на Кимберию. Весть о причуде королевской как раз облетела все государство, а потому быстро дошла и до конструкторов. Услыхали они это от местных жителей на постоялом дворе, где провели ночь, и отправились наутро ко дворцу, чтобы сообщить, что знают секрет укрытия, равных которому нет. Жаждающих награды явилось, однако, так много, что невозможно было сквозь толпу протискаться. Это пришлось конструкторам не по вкусу, и вернулись они на постоянный двор, решив на следующий день снова попытать счастья. Однако счастьем надо хоть чуточку помогать; мудрые конструкторы об этом помнили, а посему Трурль каждому стражнику, который хотел

их задержать, а потом и придворным, чинящим препятствия, молча совал в руку увесистую монету; а ежели тот не отступал, но, напротив, возмущался, Трурль тут же добавлял вторую, еще более увесистую; не прошло и пяти минут, а друзья уж очутились в тронном зале перед лицом его величества.

Весьма обрадовался король, услышав, что такие прославленные мудрецы прибыли в его владения специально, чтобы одарить его сведениями об идеальном укрытии. Не сразу удалось растолковать Балериону, что да как, но разум его, с детства приученный к трудным загадкам, ухватил наконец, в чем суть дела, король возгорелся энтузиазмом, сошел с трона и, заверив двух приятелей в неизменной своей благосклонности, сказал, что наградой он их не обойдет при условии, что тут же сможет испробовать тайный рецепт. Клапауциус, правду говоря, не хотел сообщать рецепт, бормоча сквозь зубы, что следовало бы ранее написать, как положено, договор на пергаменте, с печатью и шелковой кистью, однако же король неотступно молил их и клялся всем святым, что награда им обеспечена, — и конструкторы сдались.

Необходимое устройство было у Трурля в маленьком ящичке, который он принес с собой и теперь показал королю. С игрой в прятки не имело это изобретение, собственно, ничего общего, однако можно было применить его и с такой целью. Был это карманный портативный двусторонний обменник индивидуальности, разумеется, с обратной связью. При его посредстве двое могли по желанию обмениваться индивидуальностями, что происходило совершенно просто и весьма быстро. На голову надевался аппарат, похожий на коровьи рога. Надо было приставить рога эти к голове того, с кем хочешь совершить обмен, и слегка нажать; тогда включалось устройство, генерирующее две противоточные серии молниенос-

ных импульсов. По одному рогу ваша собственная индивидуальность уходила в глубь чужой, а по другому — чужая индивидуальность вливалась в вашу. Происходила таким образом абсолютная разгрузка памяти и одновременная загрузка чужой памяти в возникшую пустоту.

Трурль для наглядности надел аппарат на голову и приблизил рога к монаршему челу, объясняя, как следует пользоваться обменником, но тут порывистый король так крепко боднул его, что устройство включилось и произошел моментальный обмен индивидуальностей. И совершилось это так быстро и так незаметно, что Трурль, до тех пор экспериментов над собой не производивший, даже не сообразил, что случилось. Клапауциус, стоявший поодаль, тоже ничего не заметил, и только удивился, что Трурль внезапно прервал свое объяснение, а продолжил его сам король, применяя такие выражения, как «потенциалы нелинейного субмнемонического перехода» или «адиабатический проток индивидуальности по обратному каналу». Лекция продолжалась, и, слушая писклявый голос монарха, почувствовал вскоре Клапауциус, что случилось нечто недоброе.

Балерион, находившийся в организме Трурля, вовсе не слушал ученых разглагольствований, а пошевеливал слегка руками и ногами, будто старался поудобней устроиться в новом для него теле, с большим любопытством его осматривая. И вдруг Трурль, облаченный в длинный плащ королевский, взмахнув рукой при повествовании об антиэнтропических критических переходах, почувствовал, будто ему мешает нечто. Он глянул на собственную руку и остолбенел, увидев, что держит в ней скипетр. Не успел Трурль и слова вымолвить, как король радостно рассмеялся и бегом выбежал из тронного зала. Трурль устремился за ним, но запутался в

пурпурном монаршем одеянии и растянулся во весь рост на полу, а на грохот этот сбежались придворные. Бросились они сначала на Клапауциуса, думая, что он угрожает его величеству. Пока коронованный Трурль поднялся, пока объяснил, что ничего плохого Клапауциус ему не сделал, Балериона уж и след простыл. Тщетно пытался Трурль в королевской мантии бежать за ним, придворные того не допустили. Отбивался он от них и кричал, что никакой он не король и что произошла пересадка, они же решили, что чрезмерное увлечение головоломками наверняка повредило разум властителя, а посему почтительно, но непреклонно увели его в спальню, хоть орал он и изо всех сил упирался, и послали за лекарями.

Клапауциуса же стражники вытолкнули на улицу, и побрел он к постоялому двору, не без тревоги размышляя об осложнениях, которые могут из всего происшедшего возникнуть.

«Разумеется, — думал он, — если б это я был на месте Трурля, то при свойственном мне спокойствию духа мигом навел бы порядок. Не скандалил бы я и не кричал о пересадке, — ведь это неминуемо вызовет мысль о душевной болезни, — а потребовал бы, используя свое новое, королевское тело, чтобы поймали мнимого Трурля, сиречь Балериона, который бежит себе теперь где-то по городу. А заодно повелел бы я, чтобы другой конструктор остался при моей королевской персоне в качестве тайного советника. Но этот абсолютный кретин, — так назвал он невольно про себя Трурля-короля, — распустил нервы; ничего не поделаешь, придется применить мой стратегический талант, иначе все это добром не кончится...»

Затем постарался Клапауциус вспомнить все, что ему известно о свойствах обменника индивидуальности, а знал он об этом немало. Наиболее важным, но вместе с

тем и наиболее опасным счел он то свойство, о котором легкомысленный Балерион, злоупотребляющий где-то телом Трурля, и понятия не имел. Если б он упал и при этом рогами боднул какой-нибудь предмет материальный, но неживой, его индивидуальность немедля вошла бы в этот предмет, а поскольку неживые вещи индивидуальности не имеют и ничего взамен со своей стороны дать не могут, тело Трурля стало бы трупом, а дух королевский, замкнутый в камень либо в фонарный столб, навеки остался бы там.

В тревоге ускорил шаги Клапауциус и невдалеке от постоянного двора узнал от оживленно беседующих горожан, что его товарищ выскочил из королевского дворца, будто за ним черти гнались, и, стремглав сбегая по длинной и крутой лестнице, ведущей в порт, упал и сломал ногу. Это привело его в ярость прямо-таки необычайную; лежа, начал он орать, что, мол, перед ними король Балерион собственной персоной и требует он придворных врачей, носилок с пуховыми подушками и ароматов освежающих. И стоявшие вокруг смеялись над его безумием, а он ползал по мостовой, ругался на чем свет стоит и раздирал свои одежды. Некий прохожий, добросердечный, видно, человек, склонился над ним и хотел помочь ему подняться. Тогда лежащий сорвал с головы шапку, из-под которой, как уверяли лично видевшие эту сцену, показались рога дьявольские. Рогами этими он боднул доброго самаритянина в лоб, вслед за чем пал на землю, издавая слабые стоны, а тот, кого он боднул, сразу изменился, «будто сам дьявол в него вступил», и, прыгая, приплясывая, расталкивая всех на пути, во весь дух помчался вниз по лестнице к порту.

Клапауциусу прямо-таки дурно сделалось, когда он все это услышал, ибо понял он, что Балерион, попортив тело Трурля, которое так недолго ему служило, хитроум-

но пересел в тело какого-то неизвестного прохожего. «Ну вот, теперь-то начнется! — подумал он с ужасом. — И как я теперь найду Балериона, спрятанного в новом и незнакомом теле? Где его искать?» Пробовал он вывести у горожан, кто был прохожий, так добросердечно отнесшийся к поврежденному лже-Трурлю, а также куда девались рога; но никто не знал этого человека, видели только, что одежда на нем была моряцкая и чужеземная, словно приплыл он на корабле из дальних стран. О рогах же никто и вовсе не ведал. Но тут отозвался один нищий; будучи бездомным бродягой, он не смазывал вовремя ноги, а от этого суставы проржавели и пришлось ему передвигаться на колесиках, прикрепленных к бедрам, вследствие чего он лучше других видел то, что происходит у самой земли; нищий этот сказал Клапауциусу, что добросердечный моряк сорвал рога с головы у лежащего весьма поспешно и никто другой этого и заметить не успел.

Похоже было на то, что обменник по-прежнему у Балериона и цепь головоломных пересадок из тела в тело может продолжаться. Особенно перепугало Клапауциуса известие о том, что Балерион находился сейчас в каком-то моряке-чужеземце. «Вот-те на! — подумал он. — Моряк, а значит, ему вскоре отплывать. Если он вовремя не явится на корабль (а он наверняка не явится, ведь Балерион понятия не имеет, с какого корабля этот моряк!), капитан обратится к портовой полиции, а та схватит моряка как беглеца, и король Балерион мигом окажется в подземельях тюрьмы! А если он с отчаянья хоть раз боднет стену темницы рогами, то есть аппаратом... ужас, ужас и еще раз ужас!»

И хоть поистине ничтожны были шансы найти моряка, в которого перебрался Балерион, немедленно отправился Клапауциус в порт. Счастье, однако, ему сопутствовало,

ибо еще издали увидел он большую толпу. Сразу почуяв, чем тут пахнет, вмешался Клапауциус в эту толпу и из разговоров понял, что случилось нечто весьма похожее на то, чего он опасался. Не далее как несколько минут назад некий достопочтенный арматор, владелец целой флотилии торговой, приметил здесь своего матроса, человека на редкость добропорядочного. Однако же теперь матрос осыпал прохожих бранными словами; тем, которые предостерегали его и советовали, чтобы шел он восвояси да полиции остерегался, заносчиво в ответ выкрикивал, что он-де сам кем захочет, тем и будет, хотя бы и всей полицией сразу. Возмущенный этим зрелищем арматор обратился к матросу с увещанием, но тот немедля схватил валявшуюся тут же немалой величины палку и обломал ее о туловище этого почтенного человека. Вдруг появился полицейский отряд, в порту патрулировавший, — ибо драки тут всегда нередки, — и случилось так, что во главе его шел сам комендант участка. Поскольку матрос упорствовал в строптивом непослушании, велел комендант его немедля схватить. Когда же подступили к нему полицейские, бросился матрос, как бешеный, на самого коменданта и боднул его головой, из которой нечто наподобие рогов торчало. В тот же миг матрос будто чудом переменялся — начал он кричать во весь голос, что он-де полицейский, да не простой, а начальник портового участка; комендант же, выслушав такие бредни, не разгневался, но неведомо почему засмеялся, словно весьма развеселившись, и приказал своим подчиненным, чтобы они кулаков да палок не жалели и побыстрее скандалиста в каземат препроводили.

Итак, Балерион менее чем за час трижды уже сменил телесное свое местопребывание и находился в теле коменданта, тот же в подземной темнице сидел ни за что ни про что. Вдохнул Клапауциус и направился прямо-

ком в участок, каковой находился в каменном здании на набережной. По счастью, никто его не задержал, и вошел Клапауциус внутрь, и заглядывал поочередно в пустые комнаты, пока не увидел перед собой до зубов вооруженного исполина, восседающего в тесноватом для него мундире; сурово посмотрел он на конструктора и так угрожающе пошевелился, будто за двери его собирался вышвырнуть. Но в следующий момент рослый сей индивидуум, которого Клапауциус впервые в жизни видел подмигнул ему внезапно и расхохотался, причем физиономия его, к смеху не приученная, поразительно изменилась. Голос у него был басистый, явно полицейского тембра, однако улыбка его и подмигивание незамедлительно напомнили Клапауциусу короля Балериона, ибо король это был перед ним, король встал из-за стола в чужом, правда, теле!

— Я тебя сразу узнал, — сказал Балерион-комендант. — Это ведь ты был во дворце со своим коллегой, который мне аппарат дал, верно? Ну, не отличное ли теперь у меня укрытие? Хе! Да весь дворцовый совет, хоть из кожи вон лезть будет, нипочем не додумается, куда я спрятался! Превосходная это штука — быть вот таким важным здоровенным полицейским! Глянь-ка!

И, сказав это, он трахнул могучей, истинно полицейской лапищей по столу — доска даже треснула, да и в кулаке что-то хрустнуло. Поморщился слегка Балерион, но, растирая руку, добавил:

— Ох, что-то у меня там лопнуло, да это неважно — в случае надобности пересяду я, может, в тебя. А?

Клапауциус невольно к двери попятился, комендант, однако, загородил ему путь исполинской своей тушей и продолжал:

— Я, собственно, тебе, дорогуша, зла не желаю, но ты можешь наделать мне хлопот, поскольку секрет мой

знаешь. А потому думаю, что лучше всего будет, если засажу я тебя в кутузку. Да, так будет лучше всего! — Тут он отвратительно захохотал. — Таким образом, когда я во всех смыслах уйду из полиции, никто уже, в том числе и ты, не будет знать, в ком я спрятался, ха-ха!

— Однако же, ваше величество! — проговорил Клапауциус с нажимом, хоть и понизив голос. — Вы подвергаете свою жизнь опасности, ибо не знаете многочисленных секретов этого устройства. Вы можете погибнуть, можете оказаться в теле смертельно больного человека или же преступника...

— Э! — ответил король. — Это меня не пугает. Я, мой милый, сказал себе, что должен помнить лишь об одном: при каждой пересадке надо рога забрать!!

Говоря это, он потянулся рукой к столу и показал аппарат, лежащий в ящике.

— Каждый раз, — продолжал он, — должен я это схватить, сорвать с головы того, кем я был, и взять с собой, тогда мне нечего бояться!

Пытался Клапауциус убедить его, чтобы оставил он мысль о дальнейших телесных переменах, но тщетно: король лишь посмеивался в ответ. Под конец сказал Балерион, явно развеселившись:

— О том, чтобы я во дворец вернулся, и говорить нечего! Уж если хочешь знать, то вижу я перед собой длинное странствие по телам моих подданных, что, кстати сказать, согласуется с моей демократически настроенной натурой. А в завершение, вроде как на десерт, оставляю я себе вхождение в тело какой-нибудь пленительной де-вы — это ведь наверняка будет ощущение безмерно поучительное, ха-ха!

Говоря это, открыл он дверь одним рывком могучей лапищи и гаркнул, вызывая своих подчиненных; видя, что если не совершить нечто отчаянное, то попадешь в ка-

земат, схватил Клапауциус чернильницу со стола, плеснул чернила в лицо королю, а сам, пользуясь временной слепотой своего преследователя, выпрыгнул в окно. К счастью, было это невысоко, а к тому же никаких прохожих поблизости не оказалось, так что удалось ему, мчась во весь дух, добраться до многолюдной площади и затеряться в толпе, прежде чем полицейские, которых король последними словами обзывал, начали выбегать из участка на улицу, одергивая мундиры и грозно бряцая оружием.

Клапауциус, отдаляясь от порта, предался размышлениям поистине невеселым. «Лучше всего было бы, — думал он, — предоставить этого мерзкого Балериона его судьбе да отправиться в больницу, где пребывает тело Трурля с душой честного матроса; если это тело попадет во дворец, приятель мой снова может стать самым собой — и духовно, и телесно. Правда, появится тогда новый король с матросским естеством, но пропади он пропадом, этот весельчак Балерион!»

План был неплох, однако для его осуществления не хватало одной вещи, хоть и небольшой, но весьма важной, — обменника с рогами, который находился в ящике комендантского стола. Поразмыслил было Клапауциус, не удастся ли ему построить второй такой аппарат, но для этого не хватало как материала и инструментов, так и времени.

«Ну тогда, может, так сделать... — рассуждал Клапауциус. — Пойти к Трурлю-королю; он, надо полагать, уже пришел в себя и сообразил, что следует делать. Скажу ему, чтобы повелел он солдатам окружить портовый полицейский участок; таким образом попадет в наши руки аппарат, и Трурль сможет вернуться в собственное тело!»

Однако его даже и не впустили во дворец, когда он туда направился. «Король, — сказали ему в караульне

дворцовой, — спит крепко, потому что лекари придворные применили средство электронного успокоения и подкрепления; сон этот продолжится не менее сорока восьми часов».

«Этого только не хватало!» — в отчаянии подумал Клапауциус и пошел в больницу, где пребывало трурлево тело, ибо опасался, что, выписавшись досрочно, исчезнет оно в лабиринтах большого города. Представился он там как родич потерпевшего — имя матроса удалось ему вычитать в истории болезни. Узнал Клапауциус, что ничего серьезного с матросом не случилось, нога у него была не сломана, а лишь вывихнута, однако же несколько дней не сможет он покинуть одра больничного. Свидетель с матросом Клапауциус, разумеется, не стремился, поелику имело бы это лишь одно последствие: обнаружилось бы, что они с потерпевшим вовсе незнакомы.

Удостоверившись хоть в том, что тело Трурля не сбежит внезапно, вышел Клапауциус из больницы и начал бродить по улицам, погружившись в напряженные размышления. И не заметил он, как в этих своих блужданиях приблизился к порту, а тут увидал, что кругом так и толкуются полицейские и испытующе заглядывают в лицо каждому прохожему, сверяя черты его облика с тем, что записано у них в блокнотах служебных. Сразу понял Клапауциус, что это штучки Балериона, который настойчиво разыскивает его, дабы в каземат ввергнуть. В тот же миг обратился к нему ближайший караульный; дорога к отступлению была отрезана, ибо из-за угла вышли еще два стражника. Тогда с совершенным спокойствием сам отдался Клапауциус в руки полицейских и сказал, что одного лишь добивается — чтобы те привели его к своему начальнику, поскольку должен он немедля дать чрезвычайно важные показания о некоем ужасном злодеянии. Тут же его окружили и кандалы надели, но на

счастье не сковали обеих рук, а лишь его десницу к шуйце стражника приторочили.

В участке полицейском Балерион-комендант встретил скованного Клапауциуса, удовлетворенно ворча и злобно подмигивая маленькими глазками, конструктор же еще с порога возопил, всячески стараясь изменить свою речь на чужеземный манер:

— Господина начальника! Ваша благородия полицейская! Моя хватать, что я Клапауциус, но нет, моя не знать никакая Клапауциус! Но, может быть, это такая нехорошая, она боднуть-пихнуть моя рогами на улице, и моя-твоя чудо быть, наша-ваша, и моя терять телесность и теперь душевность от моя, а телесность быть от не моя, моя не знать как, но та рогач убежать быстро-быстро! Ваша великая полицейскость! Спасите!

И с этими словами пал хитроумный Клапауциус на колени, гремя кандалами и болтая быстро и неустанно на ломаном этом языке. Балерион же в мундире с эполетами, за столом стоя, слушал и моргал, слегка ошеломленный; вглядывался он в коленопреклоненного, и видно было, что уж почти поверил ему, ибо Клапауциус по дороге к участку вдавливал пальцы свободной левой руки в лоб, чтобы получились там две вмятины, подобные тем, какие оставляют рога аппарата. Приказал Балерион расковать Клапауциуса, выгнал всех своих подчиненных, а когда остались они с глазу на глаз, велел Клапауциусу подробно рассказать, как было дело.

Клапауциус сочинил длинную историю о том, как он, богатый чужеземец, лишь сегодня утром причалил к пристани, везя на своем корабле двести сундуков с самыми удивительными в мире головоломками, а также тридцать прелестных заводных девиц, и хотел он и то и другое преподнести великому королю Балериону, ибо был это дар от императора Труболюда, который тем самым вы-

разить желал династии Кимберской дистанционное свое почтение; и как по прибытии сошел он с корабля, дабы хоть ноги размять после длительного странствия, и прохаживался преспокойно по набережной, когда некий субъект, с виду вот именно такой, — тут показал Клапауциус на свое туловище, — уже тем возбудивший его подозрение, что так алчно глазел на великолепное одеяние чужеземное, внезапно ринулся на него с разгона, будто обезумел и хотел его, страхом объятого, навывлет пробежать; однако же лишь сорвал с головы шапку, боднул его сильно рогами, и свершилось тогда непонятное чудо обмена душ.

Заметить тут надлежит, что Клапауциус немало страсти вложил в сие повествование, стремясь придать ему как можно более правдоподобия. Подробно рассказывал он о теле своем утраченном, а также весьма презрительно и едко отзывался о том, в котором пребывал сейчас; он даже оплеухи себе самому закатывал и плевал то на живот, то на ноги; не менее подробно описывал он сокровища, им привезенные, а в особенности девиц заводных; говорил о своей семье, оставленной в краю родном, о любимом сыне-машине, о мопсе своем электронном, об одной из трехсот своих жен, которая умеет такие соусы готовить на ионах сочных, что и сам император Труболюд подобных не едал; доверил он также коменданту полиции самый большой свой секрет, а именно что условился он с капитаном корабля, чтобы тот отдал сокровища любому, кто на палубе появится и тайное слово произнесет.

Алчно выслушивал Балерион-комендант бессвязное его повествование, ибо и вправду все это казалось ему логичным: Клапауциус хотел, видимо, укрыться от полиции и совершил это, перенесясь в тело чужеземца, которого избрал потому, что муж сей облачен был в великолепно

ные одежды, а значит, наверняка богат; благодаря такой пересадке возможно было обзавестись немалыми средствами. Видно было, что различные мысли Балериона одолевают. Всячески старался он выпытать тайное слово от лжечужеземца, который, впрочем, не очень тому противился и наконец шепнул ему на ухо это слово, а звучало оно так: «Ныртек». Теперь уже видел конструктор, что привел Балериона туда, куда нужно, ибо Балерион, на головоломках помешанный, не желал, чтобы преподнесли их королю, поскольку сейчас сам он королем не был: уверовал он во все, а следовательно, и в то, что Клапауциус имел второй аппарат, да и не было у него причин сомневаться в этом.

Сидели они теперь молча, и видно было, что какой-то план созревает в голове Балериона. Начал он кротко и тихо выпрашивать у мнимого чужеземца, где стоит его корабль, как на него попасть и так далее. Клапауциус отвечал, на алчность Балериона рассчитывая, и не ошибся, ибо тот внезапно поднялся, заявил, что должен слова его проверить, и вышел из кабинета, тщательно заперев двери. Услыхал также мнимый чужеземец, что, наученный недавним опытом, поставил Балерион на пост под окном комнаты вооруженного стражника.

Знал, разумеется, Клапауциус, что корыстолюбец ни с чем вернется, ибо ни корабля такого, ни сундуков с головоломками, ни заводных девиц и в помине не было. Однако на этом его план и основывался. Едва закрылись двери за королем, подбежал Клапауциус к столу, достал из ящика аппарат и поскорее нацепил его на голову, а потом преспокойно стал дожидаться Балериона. В скором времени услышал он грохот шагов и извергаемые сквозь зубы проклятия, потом заскрежетал ключ в замке, и ввалился в комнату комендант, с порога еще выкрикивая:

— Мерзавец, где корабль, где сокровища, где голо-
воломки?!

Однако больше он ничего не успел вымолвить, потому что Клапауциус, притаившийся за дверью, прыгнул на него, как взбесившийся козел, боднул его в лоб и, прежде чем успел Балерион как следует расположиться в новом теле, Клапауциус-комендант во весь голос заорал, вызывая полицейских, и велел заковать короля, тут же в каземат отправить да стеречь хорошенько! Ополонув от неожиданности, Балерион в новом теле понял наконец, как позорно его провели; уразумев, что все время имел дело с ловким Клапауциусом и никакого чужеземца не существовало, разразился в темнице ужасающими ругательствами и тщетными угрозами, — ибо не было уже у него аппарата.

Клапауциус же хотя временно и утратил свое хорошо знакомое тело, но зато получил обменник индивидуальности, чего и добивался. Так что облачился он побыстрее в парадный мундир и отправился напрямик во дворец королевский.

Король по-прежнему спал, однако Клапауциус в качестве коменданта полиции заявил, что необходимо ему хоть на десять секунд повидать короля, поскольку речь идет о деле величайшего значения, интересах государства, и такого всякого наговорил, что придворные перепугались и допустили его к спящему. Хорошо зная привычки и причуды Трурля, Клапауциус пощекотал ему пятку; Трурль подпрыгнул и немедленно пробудился, ибо щекотки боялся сверх меры. Он быстро пришел в себя и удивленно глядел на незнакомого исполина в полицейском мундире, но тот, склонившись, сунул голову под балдахин кровати и шепнул:

— Трурль, это я, Клапауциус, мне пришлось пере-

сесть в полицейского, иначе я не добрался бы до тебя, а к тому же я и аппарат при себе имею...

Рассказал тут Клапауциус о своей хитрой проделке, и Трурль, чрезвычайно обрадованный, встал немедленно и заявил, что чувствует себя отменно. А когда обрядили его в пурпур, воссел он со скипетром и державой на троне, дабы отдать многочисленные приказания. Велел он поначалу, чтобы привезли ему из больницы его собственное тело с ногой, которую свихнул Балерион на портовой лестнице; когда же сделали это, наказал он лекарям придворным, дабы пострадавшего немедленно величайшей заботой и опекой окружили. Посоветовавшись затем с комендантом полиции, сиречь Клапауциусом, решил Трурль действовать во имя восстановления всеобщего равновесия и подлинного порядка.

Нелегко это было совершить, ибо история безмерно запуталась. Однако же конструкторы не имели намерения вернуть все души в прежние их телесные оболочки. Ранее всего, со всей возможной быстротой следовало так учинить, дабы Трурль и телесно стал Трурлем, равно как Клапауциус — Клапауциусом. Повелел поэтому Трурль привести пред лицо свое скованного Балериона в теле коллеги прямо из каземата полицейского. Совершили тут же первую пересадку, Клапауциус снова стал собой, королем в теле экс-коменданта полиции пришлось выслушать немало весьма неприятного, после чего отправился он опять в каземат, на этот раз — королевский; официально же объявили, что впал он в немилость вследствие неспособности к решению ребусов.

Назавтра тело Трурля до такой степени уже выздоровело, что можно было на пересадку отважиться. Одна лишь проблема нерешенной оставалась: неловко все же было покинуть эту страну, вопроса о престолонаследии должным образом не уладив. Ибо о том, чтобы извлечь

Балериона из оболочки полицейской и снова на престол усадить, конструкторы и думать не желали. Решили они поэтому рассказать обо всем тому честному матросу, который в теле трурлевом обретался, взяв с него великую клятву, что сохранит он молчание. Увидев же, как много содержится разума в этой простой душе матросской, сочли они его достойным властвовать, и после пересадки Трурль стал самым собой, матрос же — королем.

Еще ранее повелел Трурль доставить во дворец большие часы с кукушкой, каковые заприметил в антикварном магазине поблизости, когда бродил по городу. И пересадили разум короля Балериона в тело кукушечье, а кукушкин разум — в тело полицейского; тем самым возторжествовала справедливость, ибо королю с той поры пришлось добросовестно трудиться и аккуратным кукованьем, к которому принуждали его в соответствующее время уколы часовых шестеренок, весь остаток жизни искупать, вися на стене тронного зала, безрассудные свои забавы и покушение на здоровье конструкторов. Комendant же вернулся на свою прежнюю работу и отлично с ней справлялся, ибо кукушечьего разума оказалось для этого вполне достаточно.

Когда все совершилось, друзья, попрощавшись поскорее с венценосным матросом, взяли пожитки свои на постоялом дворе и, стряхнув с башмаков прах этого не слишком гостеприимного королевства, двинулись в обратный путь.

Присовокупить следует, что последним деянием Трурля в теле королевском было посещение дворцовой сокровищницы, откуда забрал он коронную драгоценность рода Кимберского, поскольку награда эта по справедливости ему полагалась, как изобретателю неоценимого укрытия.

Путешествие пятое А, или Консультация Трурля

Неподалеку, под белым солнцем, за зеленой звездой жили сталеглазые, жили счастливо, радовались, трудились, ничего не боялись: ни семейных раздоров, ни смелых разговоров, ни черных дней, ни белых ночей, ни материи, ни антиматерии, потому что была у них машина машин, вся изукрашенная, отлично налаженная, зубчатая, кристальная и со всех точек зрения идеальная; жили они в ней, и на ней, и под ней, и над ней, ибо, кроме нее, не имели ничего: сперва атомы скопили, потом из них машину слепили, а если какой атом не подходил, то в переделку угодил — и все шло хорошо. Каждый сталеглазый имел свое гнездышко и контактик, и каждый делал свое — то есть что хотел. Ни они машиной не правили, ни она ими, а так просто — помогали друг другу. Одни были машиноведами, другие машинистами, а были еще и машины, и каждый имел собственную машинистку. Работа у них кипела, иной раз хотелось им, чтобы стемнело, а иной раз — чтобы солнце горело, либо чтоб затемнение его одолело, только не часто, чтоб не надоело.

И прилетела однажды к белому солнцу за зеленой звездой комета-ракета, женского рода, злющая по природе, вся атомная, куда ни глянь — там голова, там хвост в четыре ряда, страх смотреть, до чего синяя: синильная кислота тому причиной. Вонь кругом пошла страшная. Прилетела она и говорит: «Поначалу, мол, испепелю я вас огнем, а там посмотрим».

Поглядели на нее сталеглазые — полнеба заслонила, сапоги огневые нацепила, нейтроны, мезоны, жар пышет, как из домны, каждый атом — что дом, один другого больше, гравитация, нейтрино — такая вот картина. Говорят они ей: «Ошиблась ты, мы ведь сталеглазые, ниче-

го не боимся — ни семейных раздоров, ни смелых разговоров, ни черных дней, ни белых ночей, потому что есть у нас машина машин, вся разукрашенная, отлично налаженная, зубчатая, кристальная и со всех точек зрения идеальная; так что иди-ка ты восвояси, комета разлюбезная, а то плохо тебе будет».

А она уже все небо заполонила, жарит, шпарит, рычит, шипит, даже месяц их съежил, и оба рога у него обуглились, и хоть он уже и старенький, и маленький, и потрескался, все же его жаль. Так что сталеглазые больше ничего не сказали, а только очень сильное поле взяли да месяцу на каждый рог в узелке привязали, а потом включили контакты: пускай за нас говорят факты. Бахнуло, трахнуло, загремело, небо сразу посветлело, от кометы куча шлаку осталась — и тихо стало.

Немного времени миновало — и снова что-то появляется, летит, а неизвестно что, но только до того страшное, что и не знаешь, как смотреть, — с какой стороны ни глянь, одна другой ужасней. Прилетело, разошлось, сошлось, село на самой верхушке, тяжелое как невеста что, сидит — и ни с места. А уж мешает — больше некуда.

Ну вот, те, кто поближе, говорят: «Эй, ты, это ошибка, мы сталеглазые, не боимся ничего, живем не на планете, а в машине, а машина эта не простая, машина машин, вся разукрашенная, отлично налаженная, зубчатая, кристальная и со всех точек зрения идеальная, так что убирайся, паскуда, а то будет тебе худо».

А ОНО хоть бы хны.

Чтобы по пустякам особого шума не подымать, послали сталеглазые небольшую, совсем даже маленькую машину-страшину: пойдет, мол, напугает ЭТО — и все будет в порядке.

Машина-страшина идет себе, идет, только программы в нутре у нее урчат, одна другой страшнее. Подошла —

и как загрембелит, как зашебелит! Сама даже струхнула малость, а ОНО — хоть бы хны. Попыталась еще раз, на другой фазе, но уже не получилось — без уверенности страшила.

Видят сталеглазые, что по-другому надо. Говорят: «Возьмем калибр побольше, с шестернями на масле, дифференциальный, универсальный, со всех сторон сопряженный и чтобы пинки давал, да покрепче. А этого хватит? Будь спокоен: он на ядерной энергии построен».

Послали, значит, они механизм универсальный, двухствольно-дифференциальный, с глухим хрипением, ибо с обратным сопряжением; внутри него машинист с машинисткой сидят, но и этого еще мало — на всякий случай наверху стоит еще машина-страшина. Подъехали, да на масляных шестернях, так что тихо, ни гу-гу; замахнулась машина и считает: три мгновенья до уничтоженья, два мгновенья до уничтоженья, одно мгновенье, сейчас будет уничтоженье, вот и пункт нулевой, и покончено с тобой!

Как бахнет — и пошли грибы вырастать, все съедобные, не поганки, но светятся от радиоактивности; масло разбрызгалось, шестерни повылетали, смотрят машинист с машинисткой сквозь люк, кончилось ли уже; но где там — ЕГО и не поцарапало.

Посоветались сталеглазые и сделали машину, которая сделала машинушку, которая сделала такую машинищу, что ближайшим звездам пришлось слегка отодвинуться. А в этой машинище та, у которой шестерни на масле, а в самой середине машинка-страшинка, потому что уже не до шуток.

Собралась с силами машинища и как размахнется! Грохнуло, загремело, что-то там полетело, гриб такой вырос, что на суп из океана хватит, темно и зубы скрежещут, и до того темно, что даже неизвестно чьи. Смотрят

сталеглазые — ничего, ну ничегошеньки, только все три машины лежат врассыпную и не шевелятся.

Уж тут-то они рукава засучили! «Что ж это, — говорят, — мы ведь машиноведы и машинисты, есть у нас машинистки и машина машин, разукрашенная, налаженная, абсолютно идеальная, как же может устоять против нее какая-то дрянь, которая сидит себе и ни с места!»

И ничего уж другого не делают, только растят травинку-кулевринку: подползет она к врагу, притаившись, ни гу-гу, глянет ему под устье, корешок запустит, вырастет снизу потихоньку-полегоньку, а потом как даст духу, так и беде конец. И вправду все пошло точно так, как предвидели, только вот с концом ничего не вышло, и осталось по-прежнему.

Пришли в отчаянье сталеглазые и прямо не знают, что же это такое, ведь никогда с ними такой беды не случилось. Мобилизуются они, совещаются, делают всякие приманки да ловушки, арканы да капканы; пробуют и этак, и так, потому что не знают — как. Все кругом прямо трясется, а ничего не удается.

Совсем уж они ослабели, не знают, как спастись, и тут видят — кто-то к ним подлетает: сидит будто на коне, но у коня-то колес нет; может, это велосипед, но у велосипеда носа нет; значит, вроде ракета, но у ракеты седла нету. Неизвестно, что летит, но известно, кто в седле сидит; сидит не качается, приветливо улыбается, вот он приближается, вот и снижается — это сам Трурль, конструктор, не то гуляет, не то в экспедицию отправляется; издалека видно, что не кто-нибудь летит.

Приблизился он, снизился, рассказывают ему сталеглазые, что да как: «Мы, мол, сталеглазые, имеем машину машин, изукрашенную, налаженную, зубчатую, кристалльную, абсолютно идеальную, мы атомы скопили и сами всю ее слепили, ничего не боимся, ни семейных раз-

доров, ни смелых разговоров, а тут вот прилетело что-то, село, сидит — и ни с места».

— А напугать пробовали? — благосклонно спрашивает Трурль.

— Пробовали мы и машинкой-страшинкой, и машиной-страшиной, и машинищей, которая как двинется на своих нейтрино, так все на свете опрокинет, и мезоны, и волны — все расшвыряет, но и это ничуть не помогает.

— Никакая машина, говорите?

— Никакая, милостивец.

— Гм, любопытно. А что это, собственно?

— Вот этого-то мы и не знаем. Появилось, прилетело, а неизвестно что, но только до того страшное, что и не знаешь, как смотреть — с какой стороны ни глянь, одна другой ужасней. Прилетело, село, тяжелое, как невесть что, сидит — и ни с места. А уж мешает — дальше некуда.

— Вообще-то говоря, я очень занят, — говорит Трурль, — самое большее, смогу я побыть тут у вас некоторое время консультантом. Хотите?

Сталеглазые, конечно, хотят, и тут же спрашивают, что надо принести — фотоны, патроны, станки, молотки? А может, лучше пушки или динамит? А может, вам чаю заварить? Машинистка мигом это сделает.

— Чаю машинистка пусть принесет, — соглашается Трурль, — но с деловыми намерениями. Ну, а что касается остального, то, пожалуй, не нужно. Если, заметьте, ни машина-страшина, ни машинища, ни травинка-кулевринка не помогают, нужен здесь метод дистанционный, архивный, а потому ужасно противный. Я еще не слышал, чтобы это не помогало, если полностью его осуществить.

— Как же это? — спрашивают сталеглазые.

Но Трурль, ничего не объясняя, продолжает:

— Метод этот совсем прост; нужно только принести бумаги, чернил, штемпеля, круглую печать, сургучу, сколько захочу, скрепок и кнопок, блюдечко и ложечку— потому что чай уже принесли, — и почтальона. И чтоб было чем писать — есть у вас?

— Найдется! — и мигом тащат.

Трурь садится и диктует машинистке: «В связи с Вашим делом за номером 2, дробь 55, дробь 405, Комиссия ВЗРТСП извещает, что Ваша задержка, как противоречащая параграфу 199 постановления от 19. XVII текущего года, представляя собою ментальный эпсод, приводит к прекращению поставок, а также к десомации в соответствии с Указом 67 ДВКФ № 1478 дробь 2. Данное решение Вы вправе обжаловать в срочном порядке, обратившись в течение двадцати семи часов к Председателю Комиссии».

Трурь поставил штемпель, приложил печать, велел зарегистрировать это в Главной Книге и говорит:

— Пускай теперь почтальон отнесет это.

Отправился почтальон, нет его да нет, наконец возвращается.

— Вручил? — спрашивает Трурь.

— Вручил.

— А где расписка в получении?

— Вот она. А вот и обжалование.

Берет Трурь обжалование и, вовсе его не читая, наискось через весь лист пишет: «Не рассмотрено в связи с отсутствием необходимых приложений». Подписывается неразборчиво и велит почтальону отнести его обратно.

— А теперь, — говорит, — за дело.

Садится и пишет, а сталеглазые, любопытствуя, смотрят, ничего не понимают и спрашивают, что это такое и что из этого получится?

— Это исполнение служебных обязанностей, — гово-

рит Трурль. — А получится то, что надо, раз уж началось.

Почтальон носится как угорелый туда и обратно, Трурль то аннулирует ответы, то высылает резолюции, машинистка все стучит, и уж понемногу возникает вокруг целая канцелярия; дыроколы да протоколы, формуляры да циркуляры, папки да скрепки, чернила, клей, паутина, нарукавники из черного сатина, бумагами целый шкаф набит, табличка «Вход воспрещен» висит, машинка тарахтит, не смолкает, работы все прибывает, и кругом полно чаю да мусору.

Горюют сталеглазые, никто ничего не понимает, а Трурль бумагу за бумагой высылает, то с марками, то доплатные, то самые сильные — с уведомлением о вручении, шлет предписания, напоминания, извещения, уточнения, приказы, да не по одному разу, есть уже отдельный счет в банке, там одни нули, но это, говорит Трурль, до поры до времени.

Через некоторое время становится видно, что ОНО уже не такое страшное, особенно сверху: определенно уменьшилось! Ну да, правда, меньше стало! И спрашивают сталеглазые Трурля, что же дальше?

— Не мешайте при исполнении служебных обязанностей! — отвечает он.

А сам печати ставит, поступления контролирует, приложения регистрирует, шлет приказов ворох без всяких разговоров, жилетка нараспашку, жидкого чаю чашка, куда ни глянь — паутины нити, кто там следующий — входите, галстук в стол запрятан, кругом беспорядок, вот новые поступления, сорок четыре, и при всех приложения, нужны четыре новых шкафа, а там кому-то взятку дали, кого-то бюрократам обозвали, заседание перенесено с пятницы на субботу и целых семь печатей — разберись, кому охота.

А машинистка выстукивает: «В связи с непредставле-

нием Вами разрешений согласно постановлению Ком. Изд. Действ. Зак. с сего дня предписывается Вам безотлагательно сокращ. в порядке взыск. в полож. ср. на основе Тр. Ам. Тар. Арам, опираясь на приговор инстанции Д. Д. Д. Данное решение не подлежит обжалованию».

Посылает Трурль почтальона, а книжку с квитанциями в карман сует. Потом встает и начинает выбрасывать в космос столы, стулья, папки, скрепки, чай и даже печати. Остается только машинистка.

— Да что же вы делаете! — кричат сталеглазые, которые уже вполне с этими вещами освоились. — Как же нам без этого?

— Не надо преувеличивать, дорогие мои, — отвечает он. — Вы лучше поглядите-ка!

И вправду, они так и ахнули — пусто, чисто, никого нет, словно и не было. И куда ОНО девалось, где затерялось? Бежит постыдно, и такое малюсенькое сделалось — хоть в лупу рассматривай. Сталеглазые с ног сбились, следов ищут, а нашли только одно чуть мокрое местечко — что-то там накапало, неизвестно, при каких обстоятельствах, а больше ничего нет.

— Именно так я и думал, — говорит им Трурль. — Было это, мои милые, дело довольно простое: как ОНО приняло первую бумагу и расписалось в книге, так уж и влипло. Я применил особую машину, через большое Б; потому что с тех пор, как существует космос, никто с ней еще не справился!

— Ну хорошо, но зачем же было выбрасывать папки и выливать чай? — спрашивают они.

— Чтобы эта машина и вас потом не съела! — отвечает Трурль.

Забирает он с собой машинистку и улетает, благо-склонно им кивая, а улыбка его прямо как звезда сияет.

**Путешествие шестое,
или Как Трурль и Клапауцнус Демона Второго Рода
создали, дабы разбойника Мордона одолеть**

«От народов же Солнц Больших два идут на юг пути караванных. Первый, древний, от Четырехзвездия к Ворозаврону ведет, звезде неверной, с переменным блеском, коя, пламень свой пригасив, Карлу Абассидов уподобляется, прельщенные тем пускаются часто караваны в Пустыню Кромешную, и лишь один из девяти без ущерба из нее выходит. Другой тракт, новый, открыла Империя Мирапудов, когда ее рабы-ракетчики пробили тоннель в шесть миллиардов прамиль длиною сквозь самого Ворозаврона Белого.

Северный вход в тоннель находить так надлежит: от последнего из Солнц Больших держать курс прямо на Полюс, пока семь молитв электронных не кончатся. Потом повернуть налево, малым галсом, допреж стена пламенная не явится, то и будет бок Ворозаврона, а на нем отверстие тоннеля увидится, как черная точка на белых пламенах. Оттуда — напрямик вниз, опасений не питая, ибо шесть судов борт о борт тоннелем идти могут; нет также вида, равного тому, что явится в судовых иллюминаторах. Наперед Огнепад Жаросеков, а далее уж по погоде; коль нутро светила бурями магнитными шевелится, что в миллиарде миль либо в двух от тех мест перекатываются, видны огромные узлы огня и жилы его раскаленные со сгустками белопламенными, коли ж близится буря иль Седьмой Ступени Тайфун, сотрясается твердь, будто белая опара пламени вниз устремляется, однако то лишь видимость, ибо падает, но не упадает, и горит, но не сгорает, в отдалении подпорами Сильных Полей удерживаемое. Видя, как набухает Мякоть Протуберанцевая, а гейзеры-молниебойцы, Гееннами

прозванные, ярятся и близятся, посильней надлежит ухватить кормило, ибо величайшая надобна тут сноровка кормчая, и не на карту, а в нутро светила смотреть должно, понеже никто не прошел того пути дважды единым способом. Колотой раной вьется в Ворозавроне тоннель, корчится и дрожит, как змей под ударами, а потому очи держать широко отверстыми должно, не расставаться со льдом-спасителем, что по гребню шлемов сосульками прозрачными отекает, и со вниманием наблюдать за мчащимися навстречу стенами пожаров, усеянных языками гудящими, а услышав, как трещит панцирь карабельный, пламенем бичуемый и угольями солнечными осыпаемый, кроме собственной прозорливости, ни на что не уповать. Однако ж и то надо помнить, что не всякое огня шевеленье и не всякое тоннеля сужение, ниже обвал белый океанов угольевых, о звездотрясении свидетельствуют. Взяв себе то на замету, навигатор умудренный не станет попусту «к насосам» взывать, дабы не пришлось от умудреннейших к посрамлению услышать, что капелькою аммиака охладительного хочет он вековый пламень светила погасить. Вопрошающему же, как быть, когда подлинное звездотрясение на корабль обрушится, каждый бывалый пустотник без промедленья ответит, что в таком случае вздохнуть достаточно, на другие приготовления предсмертные часу не станет, очи притом можно держать отверстыми либо сомкнутыми, по желанию, понеже пламень их и так растопит. Все ж такое бедствие — вещь наиредчайшая, ибо скобы скобчатые, Империками Мирапудовыми поставленные, хорошо твердь удерживают, и совсем благодарной езда внутризвездная представляется промеж гибко блистающих зеркал водорода Ворозавронового. Не без причин же говорят, «кто в тоннель вошел, быстро из него выйдет», чего не скажешь о Пустыне Кромешной. Когда ж раз в столетье тоннель

звездотрясением попорчен бывает, иного пути, как сквозь оную, у кормчего нет. Как название само указывает, Пустыня та чернее ночи, ибо свет звезд окрестных на нее вступать не отваживается. Толкутся в ней, как в ступе, с ужасным грохотом листов железных обломки кораблей, стараньем предательского Ворозаврона с пути сведенные и в завертях бездонных лопнувшие, и вращаться так до последнего оборота Галактики будут, гравитацией жестоко плененные. К востоку от Пустыни Кромешной лежит царство Скользкожвалых, к западу — Окорукных, а на юг ведут пути, полями смертными густо усеянные, к легкой голубой сфере Лазурен, далес ж — к Мургунду Пламеннолистому, где архипелаг алеет из звезд безжелезных, нареченный Колымагой Алькарона. Сама Пустыня, как сказано, столь черноты исполнена, сколь пассаж внутризвездный Ворозаврона — белости. Не от завертей единых там беда, не от пыли, потоками с высот приносимой, и метеоров обезумевших, ибо толкуют иные, что в стране неведомой, в местности угрюмой, на глубине непостижимой, с времен незапамятных некая чудь сидит, а может и печудь, Неведомцем званная, поелику тот, кто познает имя его подлинное, с Неведомцем встретившись, ничего уж свету не поведает, ибо света впредь не увидит. Сказывают, что Неведомец тот — чародей-разбойник, живет он в своем замке, в черной гравитации вознесенном, что рвом тому замку служит вечная буря, стенами — пустота, в небытии своем совершенная, окна замка — слепы, а двери его — глухи; подстерегает Неведомец караваны, а когда гонит его алчба к золоту и скелетам, выдыхает он черный прах в щиты солнц, путь указующих, а погасив их и сведя путников с пути безопасного, тут же, выюном вертясь, из небытия выпрыгивает, тесными кольцами окружает и в пустоту замка своего уносит, бережливо стараясь самомалейшей застежки рубиновой не обронить —

столь он в своей ужасности аккураген. Потом лишь обглоданные останки выплывают ниоткуда и кружат по Пустыне, а вслед за ними еще долго летят корабельные заклепки, будто косточки, выплюнутые из пасти Неведомца-чудовища. С той поры, однако, как невольничьим трудом мириадом рабов-ракетчиков тоннель ворозавронский открыт и судовождение по тому светлейшему руслу поведено, обезумел Неведомец, добычи лишенный, и заревом лютоści своей столь мрак Пустыни озаряет, что тело Неведомца просвечивает сквозь черную пелену гравитации, точно костяк личинки, в коконе своем могильно и фосфорично во прах обращающейся. Иные ж мудрецы рекут, будто вовсе нет Неведомца и никогда не бывало; хорошо же им свое утверждать и нетрудно, но гораздо труднее в боренье вступать с вещами, коих и слово не имеет, в летней тиши, вдали от Мрака и Жара рожденное. Легко им в чудовище не верить, трудней одолеть его и алчности его мерзкой избежать. Не поглотил он неужто самого Кибернатора Мургундского со свитой осьмидесятной на трех судах, причем от вельмож этих и остались-то лишь пряжки обглоданные, кои жители селений Малой Солярии нашли на их берег прибоем туманностным выброшенные? Не пожрал он неужто иных мужей неисчислимых без жалости и милосердия? Да воздаст же хоть тихая память электронная почесть им, без могилы канувшим, коль не найдется храбрец, кто б зломучителю по-рыцарски отмстил, старым обычаям звездопроходцев следуя».

Все это вычитал Турль однажды в пожелтевшей от времени книге, купленной по случаю у какого-то торговца; без промедленья отнес ее Клапауциусу и еще раз, уже вслух, небылицы эти ему прочитал от начала и до конца, столь сильно они ему понравились.

Клапауциус — конструктор, мудрости исполненный, в

космосе сведущий, в обращении с солнцами и туманностями всех мастей понаторевший,— только усмехнулся, кивнул головой и сказал:

— Надеюсь, ты ни единому слову этой сказочки не веришь?

— Отчего бы это мне не верить? — обрушился на него Трурль.— Посмотри, тут есть даже искусная гравюра, изображающая, как Неведомец пожирает два солнечных парусника, а добычу в подземелья прячет. Впрочем, разве же нет на самом деле тоннеля в сверхгиганте, правда в другом, в Бет-эль-Гейзском? Ты не такой уж невежда в космографии, чтобы подвергнуть это сомнению.

— Что до гравюр, то могу я тебе немедленно нарисовать дракона с зеницами в тысячу солнц каждая, если рисунок ты считаешь доказательством истинности,— ответил на это Клапауциус.— Если же говорить о тоннеле, то, во-первых, протяженность его лишь два миллиона миль, а не какие-то там миллиарды, а во-вторых, навигация в нем не представляет ни малейшей опасности, о чем ты великолепно осведомлен, ибо сам по нему ходил. Что же касается так называемой Пустыни Кромешной, то на самом деле это просто скопище космического мусора шириной в десять килопарсеков, кружащееся между Меридией и Тетрархидией, а не около каких-то там огневлазцев или Ворозавронов, которых вообще не существует; и еще правда, что там темно, однако попросту от скопления грязи. Никакого Неведомца там, разумеется, нет! Это даже не добропорядочный стародавний миф, а просто-напросто дешевая байка, произросшая в чьей-то глупой башке!

Трурль сжал губы.

— Оставим тоннель,— сказал он.— Ты считаешь его безопасным, потому что по нему ходил я; если б это был ты, то слышалось бы всем другое. Ну да ладно, оста-

вим тоннель в покое. Что касается Пустыни и Неведомца, то убеждать словесными аргументами не в моем вкусе. Нужно туда поехать и посмотреть, что из сказанного здесь, — тут он поднял со стола толстенную книгу, — правда, а что — нет!

Клапауциус начал отговаривать Трурля от этого намерения, как мог, когда ж убедился, что тот со своим неизменным упрямством и не помышляет об отказе от столь своеобразно задуманного путешествия, заявил сначала, что не желает его больше в глаза видеть, однако вскоре стал и сам собираться в путь, не хотел он позволить другу погибать в одиночку — вдвоем как-то веселее смотреть смерти в глаза.

Нагрузив корабль всякой всячиной, поскольку путь их лежал через места пустынные (хотя и не столь уж живописные, как рассказывалось в книге), друзья отправились в путешествие на испытанном своем корабле; в полете они делали то тут, то там остановки, стремясь разведать, что и как, особенно когда вышли из области, о которой имели подробные сведения. Однако от местных жителей можно было узнать лишь немного — они толковали дельно лишь о своей округе, а о том, что находилось или происходило там, где они сами никогда не бывали, плели явные несурезицы, расписывая со вкусом леденящие смазку подробности. Клапауциус называл такие повести коррозионными, имея в виду тот самый склероз-коррозию, который столь часто поражает старческий разум.

Все же, когда они приблизились миллионов на пять-шесть огненных выдохов к Черной Пустыне, до них дошли слухи о каком-то великане-насилънике, звавшемся Разбойником Диплоем, причем никто из повествующих сам разбойника никогда не видел и не имел понятия, что должно значить странное слово «Диплой», которым существо это определяли. Трурль допускал, что это иска-

женный термин «Диполь» и что он свидетельствует о полярной и вместе с тем противоречивой, двойственной природе разбойника, однако более трезвый Клапауциус предпочел от гипотез воздержаться. Разбойник — гласили слухи — был очень жесток и легко приходил в ярость: полностью обобрав свою жертву и все еще неудовлетворив свою чудовищную алчбу, ибо любая добыча казалась ему недостаточной, он очень долго и мучительно бил пленника перед тем, как отпустить на волю. Конструкторы минуту взвешивали, не обзавестись ли оружием, холодным и огнестрельным, пока они еще не пересекли границу Черной Пустыни, но под конец наилучшим оружием сочли собственный разум, в конструкторском искусстве отточенный, дальновидный и универсальный, и двинулись дальше как есть.

Должно признать, что во время дальнейшего путешествия Трурль переживал горьчайшие разочарования, ведь и звездороссыпи звездные, и пламена пламенистые, и пустыни пустынные, и блуждающие рифы, и скалы метеорные гораздо красивей были описаны в старой книге, чем представлялись в натуре глазу путешественника. Звезды в этой местности встречались редко, к тому ж из себя невидные и очень старые; одни едва помигивали, будто угольки, дотлевающие в пепле, другие снаружи совсем потемнели, и лишь сквозь трещины в шлаковой скорлупе, покрытой неряшливыми морщинами, просвечивали у них красные жилки; никаких пламенных джунглей или таинственных завертей тут и в помине не было, и никто, можно дать клятву, о них даже не слыхивал, ибо весь пустырь тем именно и отличался, что в своей пустоте нудным был до последней нуди — и все тут; что ж до метеоритов, то сыпались они словно мак, однако средь этого сброда трешеточного больше летело мусора, чем добропорядочных магнетитов магнетичных или тектитов тек-

гонимых; а виной всему — галактический полюс, до него отсюда было рукой подать, и вращение темных потоков стягивало именно сюда, к югу, несметные рои остатков и отбросов из центральных областей Галактики. Вот почему племена и народы, живущие по соседству, называли эту область не какой-нибудь там Пустыней Кромешной, а попросту Мусорницей.

Так-то вот Трурль, по возможности скрывая от Клапауциуса свое разочарование, чтоб не дать ему повода к злорадству, направил корабль в Пустыню, — и тут же по панцирю корабля заколотил песок, а всевозможные нечистоты звездные, выброшенные из светил протуберанцами, стали оседать такой грубой коростой на фюзеляже, что сама мысль о предстоящей чистке полностью отбивала охоту что-либо делать и особенно — путешествовать.

Звезды давно исчезли в общем сумраке, и путешественники летели как бы на ощупь, но вдруг корабль швырнуло, вся утварь — горшки и приборы — загремела, и друзья почувствовали, как все быстрее и быстрее куда-то падают; наконец раздался ужасающий грохот, и корабль, севший достаточно мягко, застыл без движения, словно вонзился носом во что-то неподвижное. Путешественники бросились к окнам, однако снаружи царила полная тьма — хоть глаз коли; и тотчас послышались удары, словно кто-то невидимый, но наделенный ужасающей силой, пытался проникнуть внутрь, вызывая содрогание переборок. Лишь теперь друзья стали испытывать меньшее доверие к разумной своей безоружности, однако сожалеть об упущенном бесполезно, и поэтому они, опасаясь, как бы люк силой не повредили, сами открыли его изнутри.

Смотрят — а в отверстие кто-то морду просовывает, однако о том, чтобы самому вслед за ней войти, и речи нет, столь она огромная; морда эта, несказанно противная,

глазищами сверху донизу, вдоль и поперек усаженная, и торчит на ней как бы нос-пила, и челюсти у нее — не челюсти, стальные и крючковатые; не движется морда, плотно во фрамугу вошедшая, лишь глаза ее воровски во все стороны бегают, каждая их группка свою часть пространства осматривает, а выражение у них такое, словно оценивают, хорошо ли все это оплатится; кто-нибудь и поглупей конструкторов понял бы, что означает это очень уж выразительное высматривание.

— Чего тебе? — спрашивает наконец Трурль, разгневанный этим бесстыдным глазеньем, происходящим в полном молчании.

— Чего хочешь, морда престранная?! Я — сам конструктор Трурль, универсальный всемогущий, а это — мой друг Клапауциус, тоже прославленная знаменитость; летели мы на нашем корабле как туристы, прошу поэтому без задержки убрать отсюда физиономию и вывести нас из этого подозрительного места, заведомо полного нечистот, и направить в добропорядочный чистый вакуум, в противном же случае мы подадим жалобу и тебя развинтят по винтику, ты, мусорщик, слышишь, что я говорю?!

Однако тот в ответ — ничего, лишь по-прежнему глазеет и что-то прикидывает. Вычисления ведет, что ли?

— Слушай-ка, ты, раскоряка! — восклицает Трурль, ни с чем уж не считаясь, хоть Клапауциус подталкивает его, дабы он пыл свой умерил. — Нет у нас ни золота, ни серебра, и никаких иных драгоценностей, выпусти поэтому нас отсюда немедленно, а прежде всего заberi эту мордищу свою, ведь она несказуемо противная. А ты, — обратился он к Клапауциусу, — не подталкивай, у меня и свой разум есть и уж я-то знаю, как и с кем разговаривать надо!

— Мне потребно, — отвечает вдруг морда, поглядев

тысячью огненных глаз на Трурля,— не золото единое или серебро, а обращаться ко мне надлежит с уважением и с деликатностью, потому что я разбойник с дипломом и с образованием, а по натуре — очень нервный. И почтище вас попадались мне; я бывало ими с сахарком закусывал, как того пожелаю. А когда я вас в расклёп пушу, из вас также весь сиропчик вытечет. Зовусь я Мордон, крест-накрест во мне по тридцать аршин, и фактически я граблю драгоценности, но способом научным и современным, то есть отбираю бесценные тайны, сокровища знания, доподлинные истины и вообще всю ценную информацию. А теперь валяй, подавай ее сюда, если не дашь, то как свистну! Считаю до пяти: раз, два, три...

Он досчитал до пяти и, не получив ничего, в самом деле свистнул, да так пронзительно, что у друзей едва не отвалились уши, а Клапауциус понял, что «Диплой», упоминаемый с трепетом местными жителями, был, собственно, дипломом, полученным, видимо, в какой-то Академии Бандитизма. Трурль даже схватился руками за голову, ведь голос у Мордона был под стать росту.

— Ничего тебе не дадим! — завопил он, а Клапауциус тут же побежал за ватой. — Убирай немедленно морду!

— Если уберу морду, так просуну руку, — ответил на это Мордон, — а рука у меня саженная, клещистая и тяжелая, упаси господа! Берегись — начинаю!

И действительно, вата, принесенная Клапауциусом, оказалась теперь ненужной: морда исчезла, а появилась лапища, суковатая, стальная, неухоженная и лопатистокостистая, и стала рыться в вещах, ломая столы, и шкафы, и переборки с такой силой, что даже обшивка заскрежетала. Трурль и Клапауциус укрылись от лапищи в атомном котле, а если какой палец и приближался, так они его сверху — бац! бац! — кочергой. Разгневался на-

конец разбойник с дипломом, вновь морду во фрамугу вставил и говорит:

— По добру вам советую переговоры со мной вести сразу же, а не согласитесь, так я вас упрячу до будущих времен на самое дно моего погреба с припасами и мусором сверху прикрою, и камнями притисну, вы и не шевельнетесь, а ржавчина проест вас до дыр; еще и не с таким, как вы, я справлялся; так выбирайте же из двух зол меньшее.

Трурь даже думать не хотел о ведении переговоров, Клапауциус же, склонный к этому, спросил, чего, собственно, дипломированная особа желает?

— Такой разговорчик мне нравится,— ответил Мордон.— Я собираю сокровища науки, такое уж у меня увлечение в жизни, проистекающее из высшего образования и практического проникновения в сущность вещей. усугубленного тем, что за обычные сокровища, которых алчут разбойники-простаки, ничего нельзя ныне купить, наука же насыщает голод познания, ведь, как известно, все сущее есть информация, по этой причине собираю я ее испокон веку и впредь собирать буду; правда, я не прочь прибрать к рукам и золотишко или драгоценности, они приятны, тешат глаз и их можно к убранству приспособить, однако все это лишь наряду с наукой, если случай подвернется. Подчеркну особо, что за ложные истины я бью, как и за фальшивые драгоценности, поскольку я — натура утонченная и жажду аутентичности!

— Так какой же аутентичной и драгоценной информации ты желаешь? — спросил его Клапауциус.

— Любой, лишь бы правдивой,— ответил на это Мордон.— Любая может пригодиться в жизни. Закрома мои и лабазы уже полнехоньки, однако в них еще столько же поместится. Выкладывайте все, что знаете и умеете, а я запишу. Только быстро!

— Хорошенькая история,— шепнул Клапауциус на ухо Трурлю,— он может продержаться нас у себя целый век, пока мы не расскажем ему все, что сами знаем, ведь мудрость-то наша беспредельна!

— Подожди,— ответил на это Трурль,— теперь переговоры с ним буду вести я.— И громко добавил:

— Слушай-ка, ты, дипломированный разбойник, что касается золота, то мы обладаем информацией, стоящей всякой другой, это рецепт, как делать золото из атомов; скажем, для начала, из атомов водорода, их в космосе — несметное множество, хочешь этот рецепт — сговоримся, только потом ты нас сразу отпустишь.

— Таких рецептов у меня уже целый сундук,— гневно выпучив глаза, ответила морда.— И все никудышные, Нет, меня теперь не надуешь — рецепт нужно сначала опробовать.

— Почему бы и нет? Можно. Есть у тебя горшок?

— Нет.

— Ничего, обойдемся и без горшка, если действовать попроворней,— ответил на это Трурль.— Рецепт очень простой: возьми столько атомов водорода, сколько весит атом золота, то есть восемьдесят семь; соскобли сперва с них электроны, потом замеси протоны, сделай ядерное тесто и месь его, пока не выступят мезоны, а тогда уж аккуратненько выложи вокруг электронами. Тут-то и получишь чистое золото. Смотри!

Принялся Трурль ловить атомы, соскабливать с них электроны, месить протоны, так что лишь пальцы мелькали, приготовил протонное тесто, выложил вокруг него электроны и — за следующий атом; не прошло и пяти минут, как держал он в руках брусочек чистого золота: подал его морде, она же, на зуб брусочек попробовав и головой кивнув, сказала:

— И в самом деле золото, только я не могу так за атомами гоняться. Слишком я большой.

— Ничего, мы дадим тебе особый аппаратик! — донимал его Трурль. — Подумай, этим способом можно все превратить в золото, не только водород, мы дадим тебе рецепты и с другими атомами, весь космос можно золотым сделать, если над этим покорпеть!

— Если б весь космос был из золота, оно утратило бы всякую ценность, — ответил на это практичный Мордон. — Нет, ваш рецепт мне не годится; я, конечно, его записал, но этого мало! Жажду сокровищ науки.

— Какого же ты черта знать хочешь?!

— Все!

Трурль посмотрел на Клапауциуса, Клапауциус на Трурля, и этот последний сказал:

— Если ты клятвой торжественной поклянешься и присягой присягнешь отпустить нас после этого без промедленья, то дадим мы тебе информацию о всеинформации, то есть сделаем тебе собственноручно Демона Второго Рода. Демон этот магичен, термодинамичен, неклассичен и статистичен, и станет он из старого бочонка или из чиханья экстрагировать и доставлять тебе информацию обо всем, что было, что есть, что может быть и что будет. И нет демона превыше этого Демона, ибо он — Второго Рода. Так отвечай же сразу, хочешь ли его иметь!

Дипломированный разбойник из подозрительности не сразу выразил согласие, но в конце концов все же дал клятву, с оговоркой, что предварительно должен возникнуть Демон и продемонстрировать свою всеинформационную мощь. Трурль согласился с этим.

— Послушай-ка, широкомордый! — сказал он. — Есть у тебя тут где-нибудь воздух? Без воздуха Демон работать не может.

— Вроде бы есть немного,— ответил на это Мордон,— не вполне чистого, поскольку он застоялся...

— Неважно, пусть будет даже затхлый — не имеет значения,— сказали конструкторы.— Веди нас туда, где этот воздух, и мы все тебе покажем.

Разбойник выпустил их из корабля, отодвинув морду, и повел к себе — ноги его были подобны башням, спина — обрыву, а сам он, испокон веку невымытый и несмазанный, скрежетал на ходу невыносимо.

Конструкторы вошли вслед за Мордоном в коридоры подземелья, по дороге попадалось много истлевших мешков; корыстолюбец хранил в них награбленную информацию — пучками и пачками уложенную, шпагатиком перевязанную, а самую важную, самую ценную так даже красным карандашиком помеченную. А на стене подвала висел огромный каталог, ржавой цепью к скале прикопанный, в нем же — разделы всякие, в самом начале с буквы А начинающиеся. Посмотрел Трурль и пошел дальше — эхо глухое ему вторило; кривятся они с Клапауциусом, хоть полно тут награбленной информации аутентичной и ценной, однако всюду, куда взор ни кинешь, одни лишь пещеры — мусорные карьеры и подвалы — мусорные отвалы. Воздуха всюду полно, но совсем уж затхлого. Наконец все трое остановились и Трурль сказал:

— Смотри! Воздух состоит из атомов, причем атомы эти скачут во все стороны и сталкиваются друг с другом миллиарды раз в секунду в каждом кубическом микро-миллиметре, на том, собственно, и основан газ, что они вечно так прыгают и лбами сталкиваются. Как бы то ни было, хоть скачут они вслепую, подчиняясь воле случая, но поскольку в любой щелочке помещаются их миллиарды миллиардов, благодаря такой численности из этих прыжков и подпрыгиваний складываются среди прочих

весомые конфигурации, созданные чистой удачей... Знаешь ли ты, дубина, что это такое: конфигурация?

— Попрошу без оскорблений! — ответила морда. — Потому что я разбойник вовсе не простой или там неотесанный, а весьма утонченный, с дипломом, и по этой причине очень нервный.

— Ладно. Итак, из этих прыжков возникают весомые, то есть значащие, с позволения сказать, конфигурации, все равно как если кто-то наугад пускает пули в стенку, а они складываются в какую-то букву. Что в макромире оказывается редким и маловероятным, то в газе из атомов встречается повсеместно и беспрестанно, а все из-за этих миллиардов боданий в каждую стотысячную долю секунды. Проблема, однако, стоит вот как: в каждой щепотке воздуха действительно складываются из атомных брыканий и кувырканий важные истины и глубокие сентенции, но вместе с тем возникают совершенно бессмысленные скачки и отскоки, и этих последних в тысячи раз больше, чем первых. Хоть и в прежние времена было известно, что вот сейчас перед твоим носом пилой в каждом миллиграмме воздуха в любую долю секунды возникают отрывки тех поэм, которые будут написаны только через миллионы лет, и фрагменты возвышенных истин, и разгадки всех загадок Бытия и тайн его, все же не имелось способа выделить всю эту информацию, тем более что едва лишь атомы лбами столкнутся и в какую-то осмысленную фигуру уложатся, как тут же разлетятся, а вместе с ними и смысл пропадает, быть может, навек. Значит, вся хитрость в том, как построить селектор, который будет отбирать только то, что в беготне атомов осмысленно. Вот и вся идея Демона Второго Рода. Ну как, ты понял что-нибудь, великий Мордон? Понимаешь, надо добиться, чтобы Демон экстрагировал из атомных танцев только истинную информацию, то есть

математические теоремы и журналы мод, формулы и исторические хроники, рецепты нонофореза и способы штопки и стирки асбестовых панцирей, и стихи, и научные советы, и альманахи, и календари, и секретные сведения о событиях давних времен, и все то, что писали и пишут газеты во всем Космосе, и телефонные книги, пока еще не напечатанные...

— Хватит! Хватит! — воскликнул Мордон. — Прекрати же наконец! Ну и пусть эти атомы так укладываются, ведь они тут же вновь разлетаются, никогда не поверю, чтобы удалось отделить бесценные истины от беспорядочного дрыгання и подпрыгивания частичек воздуха, которое не имеет никакого смысла и никому не нужно!

— Видно, ты и в самом деле не столь глуп, как я думал, — сказал Трурль, — вся трудность действительно к тому и сводится, как привести в действие этот отбор. Я вовсе не намерен теоретически убеждать тебя в возможности отбора, но, как обещано, сразу же, здесь, не сходя с места, построю Демона Второго Рода, дабы ты воочию убедился в волшебном совершенстве этого Всенформатора! Ты должен лишь дать мне коробочку, хотя бы и маленькую, но непроницаемую, кончиком булавы мы сделаем в ней крохотную дырочку и посадим Демона над этим отверстием; усевшись верхом, он будет выпускать из коробочки только осмысленную информацию, а кроме нее — никакой иной. Едва лишь кучка атомов удачно расположится и обретет какой-либо смысл, как Демон хватит эту кучку за шиворот и тут же запишет ее специальным алмазным перышком на бумажной ленте, которой надо приготовить ему огромное количество, ведь он будет работать напролет дни и ночи — скорей Космосу придет конец, чем... И притом со скоростью сто миллиардов раз в секунду, что ты и сам увидишь, ибо именно так действует Демон Второго Рода.

С этими словами Трурль пошел на корабль, чтобы изготовить демона, а Мордон тем временем задал Клауциусу вопрос:

— А каков Демон Первого Рода?

— Ах, он не столь интересен, это обычный термодинамический демон. Он только и умеет, что выпускать из отверстия быстрые атомы, а медленные — задерживать; таким образом возникает термодинамический *perpetuum mobile**. Как бы то ни было, с информацией тут нет ничего общего, поэтому пригото́вка лучше сосуд с отверстием, ведь Трурль сейчас вернется!

Дипломированный разбойник пошел в соседний подвал и долго грохотал там листами железа, бранился, пинал металлическую рухлядь ногами, бродя в ней по колено, пока не отыскал старый пустой железный бочонок, проделал в нем маленькую дырочку и вернулся назад, а тут как раз подоспел Трурль с Демоном в руке.

От затхлого воздуха в бочонке нос сводило судорогой, когда его приближали к отверстию, однако на Демона это нисколько не влияло. Трурль посадил малютку верхом на бочонок возле отверстия, установил сверху большую катушку с бумажной лентой, провел ленту под алмазное перышко, уже подрагивавшее от нетерпения, и началось тут выстукивание — стук-тут-тук, стук-тук-тук — словно в телеграфной конторе, только в миллион раз быстрее. Крохотное перышко с бриллианчиком на конце только билось и подрагивало, а лента с информацией, исписанная, начала медленно сползать на очень грязный и на редкость замусоренный пол подземелья.

Разбойник подсел к бочонку, поднес к своим глазам бумажную ленту и принялся читать все, что вылавливал Демон — ситечко информации — из вечной атомной

---

* Вечный двигатель (лат.).

дрожи; и сразу же столь поглотили Мордона эти важные истины, что он не заметил, как оба конструктора, не мешкая, вышли из подвала, ухватили свой корабль за рули, дернули раз, другой, дернули третий и вытащили корабль из западни, в которую их загнал разбойник, прыгнули внутрь и помчались вперед со всей скоростью, на какую только были способны,— ведь друзья знали, что их Демон действует, и вместе с тем догадывались, что результаты этого действия наделят Мордона богатством, превышающим желаемое. Мордон же сидел, опершись о бочонок, и под тихое поскрипывание алмазного перышка, которым Демон записывал на бумажной ленте все, что узнавал от колеблющихся атомов, читал о том, как вить кисточки для алебард, и о том, что дочь царя Петриция из Благолонии звалась Горбундой, и что съедал за вторым завтраком Фридрих II, король бледнотников, до объявления войны гвендолинам, и о том, сколько электронных оболочек насчитывалось бы в атоме терминолиума, если бы такой элемент мог существовать, и каковы размеры заднего отверстия крохотной птички, называемой куротел, кою на своих розамфорах изображают Колыхаи Вебединые, а также о трех разновидностях полиароматного вкуса океанического ила на Водоции Приозрачной, и о цветке Любюдюк, что, потревоженный рассветом, валит наповал старофламандских охотников, и о том, как вывести формулу для косинуса угла грани многогранника, именуемого икосаэдром, и кто был ювелиром Фалуция, мясника-левши Лабухантов, и о том, сколько филателистических журналов будет издаваться в семьдесяттысячном году на Моросее, и о том, где поконится тельце Кибриции Краснопятой, которую пробил гвоздем по пьянке некий Дуровалер, и чем отличается Матяжка от Натяжки, и о том, у кого в Космосе наименьшая продольная полостьница, и почему блохи с присосками на

заду не едят мху, и на чем основана игра, называемая На-качели-сзади-прыг, и сколько было зернышек в той кучке львиного зева, кою пнул ногой Абруквиан Полевитый, когда поскользнулся на восьмом километре альбацерского шоссе в Долине Воздуханий Седоватых, и мало-помалу Мордона начал побирать черт, ибо стало ему проясняться, что вся эта вполне правдивая и во всех отношениях осмысленная информация ему совершенно не нужна, ведь она превращалась в ужасную смесь, от которой разламывалась голова и подгибались ноги.

А Демон Второго Рода работал со скоростью триста миллионов информации в секунду, и бумажная лента, скручиваясь уже милями, медленно покрывала своими кольцами дипломированного разбойника, словно обматывая его белой паутиной, а бриллиантик бился как безумный, и казалось разбойнику, что вот-вот он узнает о вещах неслыханных, которые откроют ему глаза на Сущность Бытия, поэтому он вчитывался во все, что вылетало из-под алмазного перышка, а были то подшафейные песни шваброносов, и размеры ночных туфель с помпонами на континенте Гондуана, и толщина волос, которые растут на медном лбу мялкодела бадейного, и ширина темечка пладенцев-масынков, и литании заклинателей меркурьевых для пробуждения преподобного Жвачкуна Деньжурейного, и увертюры дюгоневые, и шесть способов варки манного супчика, и отравы, на дядьевых жен годная, и способы щекотанья щекотного, и имена граждан Брадострижни Замшавейской, на букву М начинающиеся, и описания вкуса пива, попорченного грибком...

Тут у него в глазах зарябило, и взревел он во всю мощь свою, ибо пришел его терпению конец, однако информация обвила его и опутала тремястами тысячами бумажных миль, не давая ему шевельнуться, и вынужден был разбойник читать далее о том, какое начало вто-

рой «Книги джунглей» написал бы Редьярд Киплинг, если б у него в это время болел живот, и о чем думает кит, удрученный безбрачием, и в чем состоят любовные игры мухотравов колодных, и как можно старую суму залатать, и что такое антимоний, и почему говорят портной и сапожник, а не сапожной и портovníк, а также про то, сколько можно синяков получить за один присест. Затем последовала длинная серия различий между просеками и персеками: первые расчищены, а вторые пушком покрыты, а дальше — про то, каковы рифмы к слову «капустушка», и про то, какими словами обозвал папа Ульм из Пандеры антипапу Мульта, и про тех, у кого имеется губная гармошка. Тут Мордон сделал совсем отчаянную попытку выбраться из бумажных сетей, но быстро слабел; он отпихивал ленту, рвал ее и отшвыривал, только слишком уж много глаз имел этот разбойник и сквозь них проникала все новая и новая информация, и пришлось ему узнать, какова компетенция домашнего стража в Индокитае, и почему Недояры из Водолинии вечно жалуются, что они под мухой.

Тогда он закрыл глаза и застыл в неподвижности, придавленный лавиной информации, а Демон все обматывал и обвертывал его бинтами бумажными, страшной казнью карая Мордона дипломированного за алканье его безмерное всевозможных познаний.

И по сей день сидит разбойник на самом дне своих мусорных карьеров и отвалов, придавленный горами бумаги, а в полумраке подземелья светлейшей искоркой бьется и подрагивает алмазное перышко, записывая все, что Демон Второго Рода из атомных плясок вылушивает из того воздуха, что течет через дырку в старом бочонке, и узнает несчастный Мордон, заливаемый потоком информации, бесконечные подробности о помпонах, терриконах и о собственном приключении, тут же изложен-

ном, ибо и оно найдет себе место на одном из километров бумажной ленты, равно как и другие истории, а также гороскопы всего сущего вплоть до угасания светил, и нет для Мордона спасенья, разве что когда-нибудь лента бумажная кончится, поскольку бумага иссякнет. Вот как сурово покарали его конструкторы за разбойное нападение.

Путешествие седьмое, или Как Трурль собственное совершенство к беде привело

Вселенная бесконечна, но ограничена, а потому световой луч, в какую бы сторону он ни двинулся, через миллиарды веков вернется к исходной точке, если у него хватит сил; так же точно происходит со слухами, циркулирующими среди звезд и планет.

Дошли однажды до Трурля слухи издалека о двух могучих конструкторах-благодетелях, наделенных таким умом и таким совершенством, что никто с ними не сравнится. Трурль немедленно направился к Клапауциусу, но тот ему объяснил, что это слух не о таинственных соперниках, а о них самих, облетев Космос, вернулся вспять.

Однако слава тем и отличается, что обычно молчит о поражениях, даже если они порождены высочайшим совершенством. А кто в этом усомнится, пускай припомнит последнюю из семи экспедиций Трурля; совершил он эту экспедицию в одиночку, поскольку Клапауциус тогда был занят срочными делами и не мог составить ему компанию.

Был в то время Трурль безмерно самоуверенным и почтение, которое ему оказывали, принимал как нечто само собой разумеющееся. Направил он свою ракету на север, потому что эти края он меньше всего знал. Долго летел он среди пустоты, минуя и те планеты, на которых кипели битвы, и те, которые уже затихли в мертвом молчании, пока случайно не подвернулся ему небольшой планетоид, этакий крохотный, прямо-таки микроскопический кусочек материи, затерявшийся в пространстве.

По этому скалистому обломку кто-то бегал туда-сюда, подпрыгивая и странно жестикулируя. Удивленный таким одиночеством и обеспокоенный этими признаками

не то отчаяния, не то гнева, Трурль поскорее спустился на планету.

Навстречу ему двинулся некий муж с величественной осанкой, весь иридиево-ванадиевый, бряцающий и звенящий; открыл он, что зовется Экзилием Тартарейским и является властелином Панкриции и Ценендеры, что обитатели обоих королевств в припадке цареубийственной ярости свергли его с престола и, изгнав, высадили на этой пустынной планете, чтобы он до окончания веков скитался вместе с ней, дрейфуя в темных потоках гравитации.

Узнав в свою очередь, с кем имеет дело, начал этот монарх домогаться, чтобы Трурль, как-никак профессиональный благодетель, незамедлительно вернул ему утраченное положение, и уже от одной мысли о таком обороте дел глаза его разгорелись огнем мести, а стальные его пальцы начали сжиматься, будто за горло хватали верноподданных.

Трурль, однако, не мог и не хотел исполнить желаний Экзилия, ибо это повлекло бы за собой множество зла и преступлений, и вместе с тем желал все же как-то успокоить и утешить обесчещенного короля. Поразмыслив хорошенько, он пришел к убеждению, что и в этом случае не все еще потеряно, поскольку можно так сделать, чтобы и король был сыт, и его прежние подданные остались целы. Поэтому, призвав на помощь все свое мастерство, Трурль работал не покладая рук и сконструировал для Экзилия совершенно новое государство. В нем было полным-полно городов, рек, гор, лесов и ручьев, было небо с облаками, были дружины воинов, жаждущих битвы, были укрепления, цитадели, и фрейлины, а также были там праздничные ярмарки, залитые ярким солнцем, и дни, прошедшие в тяжелом труде, и ночи, в которые до рассвета пели и плясали. Изощренно вмонтировал Трурль в

то государство великолепную столицу, всю из мрамора и горного хрусталя, а также совет старейшин, зимние дворцы и летние резиденции, заговоры против короля, клеветников, кормилиц, доносчиков, стада великолепных скакунов и, конечно же, пунцовые плюмажи, веющие на ветру; затем пронизал он атмосферу государства серебряными нитями фанфар и гулками громами артиллерийских салютов, подбросил также необходимую пригоршню предателей и другую пригоршню героев, щепотку вещунов и пророков, по одному мессии и поэту неслыханной силы духа, а потом, присев над готовым государством, проделал пробный пуск, по ходу дела манипулируя микроскопическими устройствами, придал женщинам этого государства красоту, мужчинам — угрюмую молчаливость и склонность к пьяным ссорам, чиновникам — спесь и служебное рвение, астрономам — звездный запой, детям же — шумливость. И все это, объединенное, сопряженное, тщательно подогнанное, умещалось в ящике не слишком большом, как раз такого размера, что Трурль мог его легко поднять; затем презентовал он это Экзилию на вечное владение. Наперед еще показал Трурль, где размещены входы и выходы этого новенького, будто с иголочки государства, как программируются там войны, как подавляются мятежи, как налагаются поборы и подати; научил он также Экзилию, где находятся в этом миниатюризованном обществе критические пункты, грозящие взрывом, то есть где имеется максимум возможностей для дворцовых заговоров и общественных движений, а где минимум; и объяснил он это так хорошо, что король, издавна приученный к тираническому правлению, на лету осваивал поучения и тут же, на глазах конструктора, издал несколько пробных указов, соответственным образом передвигая изукрашенные королевскими орлами и львами ручки регуляторов. Объявлялось этими указами

чрезвычайное положение, полицейское время и особая дань, после чего, когда в королевстве этом прошел год, а для Трурля и короля — не более минуты, Эскилий актом высочайшего милосердия, то есть легким движением пальца на регуляторе, отменил одну смертную казнь, дань сделал более умеренной, а чрезвычайное положение изволил аннулировать, и крики благодарности, будто писк мышат, которых дергают за хвостики, вырвались из ящика, а сквозь выпуклое его верхнее стекло можно было наблюдать, как на светлых пыльных дорогах, на берегах лениво текущих рек, в которых отражались пушистые облака, народ радовался и прославлял ни с чем не сравнимое благородное милосердие властителя.

И хотя монарх поначалу был уязвлен подарком Трурля, ибо слишком уж маленьким было это государство и слишком походило на детскую игрушку, однако же, видя, как увеличивается оно, когда глядишь сквозь толстое верхнее стекло, а может, и неясно ощущая, что дело вовсе не в масштабе, поскольку государственные дела не измеришь ни метром, ни килограммом, чувства же, независимо от того, испытывают их карлики или великаны, в общем-то одинаковы, — поблагодарил конструктора, правда сквозь зубы и холодно. Кто знает, может, он охотно даже приказал бы, чтоб дворцовая стража сейчас же схватила Трурля и на всякий случай замучила бы пытками до смерти, поскольку наверняка было бы сподручней уничтожить в самом зародыше всякие разговоры о том, якобы какой-то приبلуда, голодранец, промышляющий поделками, подарил могучему монарху королевство.

Был, однако, Эскилий достаточно благоразумен, чтобы сообразить, что ничего из этого не выйдет вследствие явной диспропорции: скорее удалось бы блохе арестовать своего кормильца, нежели всему теперешнему коро-

левскому войску справиться с Трурлем. Так что король еще раз кивнул слегка Трурлю, сунул жезл и скипетр за пазуху, не без труда поднял ящик с государством и отнес его в свою изгнанническую хибарку. То солнце ее освещало, то ночь наступала в ритме оборотов планетоида, а король, которого подданные уже провозгласили величайшим в мире, прилежно правил, приказывал и запрещал, карал и награждал и такими методами непрерывно поощрял этих малюток к идеальному верноподданничеству и преклонению перед монархом.

Трурль же, возвратившись домой, тут же не без самодовольства рассказал своему другу Клапауциусу, как он блеснул конструкторским мастерством, удовлетворив одновременно и монархические стремления Экзилия, и республиканские — бывших его подданных. Клапауциус, однако, как ни странно, не выразил восторга. Наоборот, нечто в роде укора прочел Трурль в его глазах.

— Верно ли я тебя понял? — сказал он. — Ты отдал в вечное пользование этому извергу, этому прирожденному надсмотрщику, этому пыткафилу или муколюбу целое общество? И ты еще рассказываешь мне о восторге, который вызван тем, что аннулирована часть жестоких указов? Как ты мог это сделать?!

— Да ты, верно, шутишь! — закричал Трурль. — Ведь это государство уместается в ящике размером метр на шестьдесят пять сантиметров и глубиной семьдесят сантиметров. И это не что иное, как модель...

— Модель чего?

— Как это чего? Общества. Модель, уменьшенная в сто миллионов раз.

— А почему ты знаешь, что не существуют цивилизации по размерам в сто миллионов раз больше нашей? Может, тогда и мы — лишь модель этих гигантов? И во-

обще — какое значение имеют размеры? Разве в этом ящике, то есть государстве, путешествие из столицы в захолустье не длится целые месяцы для тамошних обитателей? Разве они не страдают, не трудятся в поте лица, не умирают?

— Ну, ну, милый мой, ты же сам знаешь, что все эти процессы происходят там лишь потому, что я их запрограммировал, значит, не взавправду...

— То есть как это не взавправду? Может, ты хочешь сказать, что ящик пуст, а битвы, пытки и казни — это лишь иллюзия?

— Это не иллюзия, поскольку они происходят в действительности, но лишь как некие микроскопические движения, в которые я вовлек атомные рои, — сказал Трурль. — Во всяком случае, все эти рождения и свадьбы, подвиги и доносы — не более как пляска мельчайших электронов в вакууме, упорядоченная благодаря точности моего незаурядного мастерства, которое...

— Не хочу слышать больше ни слова похвалы! — прервал его Клапауциус. — Ты говоришь, что это самоорганизующиеся процессы?

— Ну, конечно!

— И что они возникают среди мельчайших облачков электронов?

— Ты же отлично знаешь об этом.

— И что феноменология рассветов, закатов, кровавых войн объясняется сопряжением переменных сущностей?

— Но ведь так оно и есть!

— А разве мы сами, если нас исследовать методами физическими, химическими, логическими, не представляем собой те же пляшущие облачка электронов? Положительные и отрицательные заряды, вмонтированные в пустоту? И разве наше бытие не является результатом столкновений этих пляшущих частиц, хотя сами мы вос-

принимаем коленца молекул как страх, желание или раздумья? И что же еще творится в твоей голове, когда ты мечтаешь, кроме двоичной алгебры переключений и неустанных странствий электронов?

— Клапауциусик ты мой! Ты отождествляешь наше бытие с бытием того запертого в стеклянном ящике лжегосударства?! — закричал Трурль. — Нет, это уж слишком. Ведь в намерения мои входило соорудить лишь симулятор государственности, кибернетически совершенную модель, ничего больше!

— Трурль! Безупречность нашего мастерства — это наше проклятье, которое отягощает непредвиденными последствиями любое наше создание! — повысив голос, произнес Клапауциус. — Неумелый подражатель, возжаждав пыток, сделал бы себе бесформенного идола из дерева и воска и, придав ему некоторое сходство с разумным существом, издевался бы над ним суррогатно и неестественно. Но подумай, к чему ведет дальнейшее совершенствование этого замысла! Представь себе, что другой делает куклу с граммофоном в животе, чтобы она стонала под ударами; представь себе куклу, которая, если ее бить, будет молить о пощаде, куклу, которая станет гомеостатом; представь себе куклу плачущую, истекающую кровью, куклу, которая боится смерти, хоть и прельщается ни с чем не сравнимым ее спокойствием! Неужели ты не видишь, как мастерство подражателя приводит к тому, что видимость становится истиной, а подделка — действительностью? Ты отдал жестокому тирану в вечное владение неисчислимые массы существ, способных страдать, а значит, совершил позорный поступок...

— Все это софизмы! — крикнул Трурль с особым пылом, потому что слова друга его задели. — Электроны пляшут не только внутри наших голов, но и внутри грам-

мофонных пластинок, и из этой их вездесущности не следует ничего такого, что давало бы тебе право проводить гипостатические аналогии! Подданные этого негодяя Экзилия действительно подвергаются пыткам и казням, хнычут, дерутся, целуются, но оттого и потому, что я соответствующим образом сочетал параметры, а о том, чувствуют ли они что-нибудь при этом, ничего неизвестно, Клапауциус, потому что ничего тебе об этом не скажут электроны, пляшущие в их головах!

— Если б я тебе голову разбил, тоже ничего не увидел бы, кроме электронов, это верно,— ответил тот.— Ты, наверное, представляешь, будто не видишь того, на что я указываю: я отлично знаю, что ты не так глуп! Граммофонную пластинку ты ни о чем не спросишь, пластинка не будет просить у тебя пощады и на колени не станет! Неизвестно, говоришь, стонут ли они от ударов лишь потому, что так им подсказывают электроны, которые при движении рожают звук, либо вправду кричат от нестерпимых мук? Тоже мне разница! Да ведь страдает не тот, кто свое страдание может дать тебе в руки, чтобы ты его мог ощупать, надкусить и взвесить, а тот, кто ведет себя как терпящий муки! Вот докажи мне, что они не чувствуют ничего, не мыслят, что они вообще не существуют как создания, сознающие, что они замкнуты между двумя безднами небытия — той, что до рождения, и той, что после смерти,— докажи мне это, и я перестану к тебе приставать! Вот докажи мне, что ты только имитировал страдание, но не создал его!

— Ты прекрасно понимаешь, что это невозможно,— тихо возразил Трурль.— Потому что, взяв инструменты в руки, еще перед пустым ящиком, я уже должен был предвидеть возможность т а к о г о доказательства именно для того, чтобы предотвратить его при проектировании государства Экзилия, чтобы не случилось у монарха впе-

чатление, что он имеет дело с марионетками, куколками взамен абсолютно реальных подданных. Я не мог поступить иначе, пойми! Ведь все, что как-либо разрушало иллюзию абсолютной реальности, уничтожило бы и смысл управления этим государством, сведя все к игре...

— Понимаю, отлично понимаю! — воскликнул Клапауциус. — Намерения твои были благородными — ты хотел лишь сконструировать государство, как можно более походящее на подлинное, просто неотличимо похожее, и я с ужасом понимаю, что тебе это удалось! С момента твоего возвращения прошли часы, но для них, запертых там, в этом ящике, — целые века. Сколько же ты жизней загубил для того, чтобы спесивый Эксилий мог еще больше пыжиться и чваниться!

Ничего уже не отвечая, Трурль направился к своему кораблю и увидел, что Клапауциус спешит вслед за ним. Крутанув пушечку, как волчок, направил Трурль его меж двух больших скоплений предвечных звезд и напирал на рули, пока Клапауциус не сказал:

— Ты неисправим. Вечно сначала делаешь, потом думаешь! И что же ты собираешься предпринять, когда мы окажемся там?

— Отниму у него государство!

— И что же ты сделаешь с этим государством?

— Уничтожу! — хотел было крикнуть Трурль, но первый же слог застрял у него в горле. Не зная, что сказать, он буркнул: — Устрою выборы. Пускай сами себе подыщут справедливых руководителей.

— Ты их запрограммировал как феодалов и ленников, так что же им дадут выборы, как повлияют на их судьбу? Надо было бы сначала разрушить всю структуру этого государства и заново все соединить...

— Но где кончается изменение структуры и где начинается переделка сознания?! — закричал Трурль.

Клапауциус ничего ему не ответил, и так они летели в угрюмом молчании, пока не заметили планетонд Экзилия, и когда они кружили над ним перед посадкой, взор их поразило необычайное зрелище.

Всю планету покрывали неисчислимые признаки разумной деятельности. Микроскопические мосты, как черточки, виднелись над водами ручейков, а в лужицах, отражающих звезды, полным-полно было кораблей, словно плавающих стружек... Ночное, окутанное мраком полушарие покрывала блестящая рябь освещенных городов, а на светлом полушарии тоже повсюду виднелись города и села, хоть самих обитателей из-за их ничтожной величины не удавалось разглядеть и в самые сильные бинокли. Только от короля ни следа не осталось, будто почва под ним расступилась.

— Нет его... — шепнул Клапауциусу изумленный Трурь. — Что они с ним сделали? Значит, им удалось выбраться из ящика, и они заселили этот обломок...

— Смотри, — сказал Клапауциус, указывая на облачко, похожее на маленький грибок для штопки чулок, медленно расплывающееся в атмосфере. — Они уже знакомы с атомной энергией... А там дальше — видишь эту стеклянную штуку? Это остатки ящика, которые они превратили в нечто вроде святыни...

— Не понимаю. Все же это была только модель. Только процесс со множеством параметров, монархический тренажер, сопряженная имитация переменных в мультистате, — бормотал ошеломленный, обалдевший Трурь.

— Да. Но ты совершил непростительную ошибку излишнего совершенства в подражании. Не желая ограничиться часовым механизмом, ты создал, помимо волн, из педантизма, то, что неизбежно стало противоположностью механизма...

— Не продолжай! — крикнул Трурль.

Они все смотрели на планету, и тут что-то ударилось об их корабль, но слабо, едва скользнув,— они увидели этот предмет, так как освещала его исходящая сзади полоска тусклого свечения. Был это кораблик, а может, искусственный спутник, удивительно похожий на один из тех стальных шлепанцев, какие носил тиран Экилий. Подняв глаза кверху, они увидели высоко над планеткой светящееся тело, которого в прежние времена здесь не было. И они распознали в его округлой, идеально холодной поверхности стальные черты Экилия и поняли, что он сделался Месяцем микроминиантов.

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Е. Парнов. Короли и конструкторы . . . . .</i>	5
Непобедимый	21
<i>Перевод А. Г. Громовой . . . . .</i>	21
Кибериада	225
Путешествие первое, или Ловушка Гарганциана.	
<i>Перевод А. Г. Громовой . . . . .</i>	227
Путешествие первое А, или Электрибальд Трурля.	
<i>Перевод Р. А. Трофимова . . . . .</i>	240
Путешествие второе, или Какую услугу оказали Трурль и Клапауциус царю Жестокусу.	
<i>Перевод Ф. В. Широкова . . . . .</i>	255
Путешествие третье, или Вероятностные драконы.	
<i>Перевод Ф. В. Широкова . . . . .</i>	285
Путешествие четвертое, или О том, как Трурль женотрон применил, желая королевича Пантарктика от неги любовной излечить, и как потом к детомету прибегнуть пришлось.	
<i>Перевод Ю. И. Абызова . . . . .</i>	304
Путешествие пятое, или О шалостях короля Балериона.	
<i>Перевод А. Г. Громовой . . . . .</i>	313
Путешествие пятое А, или Консультация Трурля.	
<i>Перевод А. Г. Громовой . . . . .</i>	332
Путешествие шестое, или Как Трурль и Клапауциус Демона Второго Рода создали, дабы разбойника Мордона одолеть.	
<i>Перевод Ф. В. Широкова . . . . .</i>	340
Путешествие седьмое, или Как Трурля собственное совершенство к беде привело.	
<i>Перевод А. Г. Громовой . . . . .</i>	361

В 1968 году в серии

«Зарубежная фантастика»

выйдут следующие книги:

Болгарская научная фантастика.
Сборник научно-фантастических
рассказов,

перевод с болгарского.

Гости Страны Фантазии.

Сборник научно-фантастических
рассказов известных
писателей разных стран.

Г. Каттнер. Робот-зазнайка.

Сборник рассказов,
перевод с английского.

К. Саймак. Все живое... Роман,
перевод с английского.

Случай Ковальского.

Сборник научно-фантастических
рассказов,
перевод с польского.

Фантастика ученых.

Сборник научно-фантастических
рассказов ученых
разных стран.

С улыбкой.

Сборник юмористических
рассказов писателей-
фантастов разных стран.

